Сергей Колков

НЕХОРОШИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Сергей Колков

Суровая Родина. Нехороший путеводитель Кемерово

«Автор»
2022

Колков С.

Суровая Родина. Нехороший путеводитель Кемерово /
С. Колков — «Автор», 2022

Жанр этой книги точнее всего определяется словом «сказка». Любые другие попытки найти для неё подходящую книжную полку — автобиография, документальная проза, мемуары, очерки — окончательно запутывают читателя.А кстати, что такое сказка? Это история, в которой важен не факт, а смысл. В этом и заключается её принцип. Правда в сказке не равна справке из ЖЭКа, а вымысел не равен лжи. Именно так устроены эти тексты. Читатель начинает спрашивать себя:«Это точно тот самый Кемерово или уже какой-то другой?»Сомневается, присматривается — и в итоге признаёт: да, он самый. Но что-то волшебное всё-таки витает в воздухе.«Суровая Родина» вообще не пытается быть полезной книгой. Она не объясняет, куда идти, что смотреть и где фотографироваться. Ноги сами куда-то несут "по прямой", срезая углы обязательств. Иногда этот путь выводит к знакомому зданию, иногда — в чужую историю, а иногда — просто в сторону, где, казалось бы, ничего нет. Но именно там вдруг и начинается приключение.

© Колков С., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Предисловие 5
Человек из Кемерово 9
Глава 1 10
Глава 2 14
Глава 3 17
Бронзовый бег 24
Глава 1 25
Глава 3 31
Глава 4 34
Глава 5 38
Уголь – не сахар 41
Доходное место 51
Как растащили сталь 63
День мармота 67
Начало и конец 68
Дома-Колбасы 77
Школа ван Лохема 79
Маша и Медведь 80
Борзые щенки 85
Докатились – Nazareth! 90
Михайло Волков – даром! 93
Глава 1 94
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Сергей Колков
Суровая Родина. Нехороший путеводитель Кемерово

Предисловие

Есть города большие и малые, «все флаги в гости к нам» и закрытые на тяжёлый замок, озорные и тихие, а есть просто – особенные.

С первого взгляда, ничего примечательного в таком уездном городе К. вовсе нет, а приглядишься – там такие «вилы в сене»…

Все, кто никогда не бывал в Кемерово, считают его типичным сибирским захолустьем, а те, кто заезжал мимоходом, бывает, даже оскорбительно называют «тупик». Другое дело – Красноярск, Новосибирск или Иркутск, а Кемерово… ну что тут особенного? А вот ведь и к нему может приключиться любовь. Всё как в жизни, когда самая видная девка на деревне влюбляется в щербатого доходягу-гармониста и всё подруги наперебой отговаривают её: «Ну что ты в нём нашла?», а она с осоловелыми от любви глазами вторит словно заколдованная: «Колька. Он у меня такой особенный!»

Ну что делать, сердцу не прикажешь: особенный – значит, особенный.

Как потом выяснится, девичье сердце действительно не ошибалось, и Николай окажется парень-то не промах, но вернёмся к Кемерово.

Где это видано, чтобы за звание «главного горожанина» или «человека из Кемерово» соперничали такие «глыбы», как Тулеев, Гребенщиков и Гришковец? И кто же «он» такой на самом деле? Есть версии!

Кемерово – как сундук в старой сказке: висит себе на столетней сосне, никого не трогает. Откроешь его из чистого любопытства, а там – АИК Кузбасс и шекспировская история «с любовью до гроба», где в конце короткой страсти в огне советской «сказки» сгорают все мечты о «рабочем рае», а бывший страстный любовник подсыпает в бокал с вином вчерашней возлюбленной смертельного яду. Посмотришь на дно сундука – а там заяц. Приглядишься – оказывается, это памятник «Пушкин и зайцы», посвящённый духовной связи сквозь толщу времён Александра Сергеевича и Николая Некрасова, который вполне мог бы украсить нашу одноимённую площадь вместо сувенирной скульптуры «солнца русской поэзии», отлитой из сэкономленных материалов.

Куда пропал заяц? Вместо него уже крякает утка. И где же она плавает? В великой кемеровской реке Искитимке, которая время от времени принимает пурпурный цвет, откровенно намекая жителям, что «нет, вы не правы, ещё кое-что работает в промзоне и работает на полную мощность. А вы говорили: Кемерово – город судов и спорта. Ошибаетесь, граждане!»

Мы отвлеклись, озираясь на берега Искитимки, а утка тем временем удрала. Но… теперь у нас есть яйцо!

На наших глазах из него вылупляется Йети. Если посмотреть на него слева, то он сильно похож на бывшего главу таштагольского района Владимира Макуту, а если справа – вылитый Тулеев, но это случайное сходство.

Скорлупа выскальзывает из рук, разбивается, и в её осколках отыскивается тонкая стальная игла с соотношением ушка к телу 0,62 : 0,38. Странная какая-то, не правда ли? Не простая, а гармоничная. О том, что с ней можно и что категорически нельзя делать, нам поведает Великий Гармонист Кемерово.

Остались ли после всего этого ещё воинствующие невежды, которые смеют утверждать, что Кемерово – не особенный город?

Думаете, вот и сказочке конец? Если бы…

С топонимом «Кемерово» тоже всё неоднозначно. Кемеровчане, помимо деления на живущих в самом Кемерово и на Лесной поляне, разошлись ещё на две непримиримые группы – тех, кто не склоняет слово Кемерово ни при каких условиях, и тех, кто «из Кемерова».

Лингвистика утверждает, что русские названия городов с финалью -ино, -ово, -ево следует склонять, если рядом не употребляется родовое наименование (в Кемерове, но в городе Кемерово). Несклоняемым формам (живу в Кемерово) учёные-лингвисты отводят место в устной речи. Многочисленные опросы горожан говорят о том, что «восхищен Кемеровом» и «благодарен Кемерову» звучат коряво и режут слух. Для сохранения исторической идентичности все цитаты, включенные в текст Путеводителя, сохраняют склонение Кемерово согласно приводимым источникам.

Автор путеводителя, как и группа консервативных горожан, придерживается лагеря «человек из Кемерово».

Пытливые критики после выхода первого издания неоднократно спрашивали: «А почему у Вас название “Суровая Родина”? На что вы намекаете?» Откровенно говоря, никаких особых намёков на какие-либо исключительные обстоятельства оно не несёт. Хотя нет, позвольте… Вспомнил! «Красоты нет, если она не отражает некоей суровости жизни», – так говорила Мар-

лен Дюма, голландская художница южноафриканского происхождения. И в этом он с ней согласен.

А ещё он жмёт руку Стендалю, который обоснованно утверждал: «Даже суровость любимой женщины полна бесконечного очарования, которого мы не находим в самые счастливые для нас минуты в других женщинах».

Так всё и сходится, что горькая ягода нам слаще самой сладкой – русский характер.

Автор благодарит и бьёт низкие поклоны всем неравнодушным соавторам, которые приняли живое участие в судьбе нехорошего путеводителя словом и делом и помогли птенцу пережить второе рождение, которое представляем вашему вниманию, любезный читатель:

Дмитрию Сагаре,
Дмитрию Петину,
Владимиру Сухацкому,
Ирине Захаровой,
Екатерине Комаровой,
Галине Пановой,
Станиславу Оленеву,
Василию Лякину,
Виктору Богораду.

Остаётся лишь добавить, что всё нижеописанное – это сказки и легенды нашего города, и, если что-то вам покажется до боли знакомым или похожим на правду, это действительно неумышленное совпадение.

Все персонажи данного произведения являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Реальный – только автор, который бродит среди воспоминаний и ищет Кемерово, которого давно уже нет.

Сергей Колков,
Кемерово, 2023

Истории
НЕОБЫЧАЙНЫЕ, МЕСТАМИ ДИКИЕ, НО В ЦЕЛОМ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ

Человек из Кемерово

У меня были проблемы,
Я зашел чересчур далеко:
Нижнее днище нижнего ада
Мне казалось не так глубоко.
Я позвонил своей маме,
И мама была права –
Она сказала: «Немедля звони
Человеку из Кемерова».
Борис Гребенщиков

Святочный рассказ
ДК «Москва», ул. Дзержинского, 2

Дом кино «Москва» открыт 15 июня 1937 г. Площадь – 4809,5 м2. Впервые в истории города выбор имени кинотеатра был вынесен на обсуждение обывателей. Общественность предложила варианты: «Буревестник», «Гигант», имени А. С. Пушкина, М. Горького и другие. Президиум городского Совета решением от 23 июля 1937 года присвоил кинотеатру название «Москва».

Кинотеатр располагал зрительным залом на 1000 мест, читальным залом, шахматным клубом и тиром. В его стенах была успешно реализована прогрессивная советская концепция «дома колхозника». А как иначе? В городе в предвоенные и даже в послевоенные годы сохранялся острый дефицит на общественные площади. В фойе и вестибюлях проходили художественные выставки, танцевальные вечера, торжественные сборы пионерских дружин и заседания партийно-хозяйственного актива, на которые собиралось до полутора тысяч человек.

С 1 июля 2005 года ДК «Москва» заброшен. Запутанная ситуация с «чемоданом без ручки», от участия в судьбе которого отказались собственники, долгие годы удивляет горожан, когда на их глазах медленно, но верно разрушается великолепное здание эпохи сталинского ампира. Никому не надо?

Глава 1

Ашот Вазгенович Торосян, владелец и основатель известного ресторана армянской кухни «Торосян», никогда и подумать не мог, что станет кемеровчанином. Отслужив в армии, он вернулся домой в Ереван и собирался начать трудовой путь в ресторане, которым руководил его отец – Вазген Аразович Торосян, но тот решил по-другому: «Ашот, сынок, если останешься под моим крылом, всегда будешь в тени большого дерева. А что там растёт? Правильно – мелкий кустарник. Ты же у меня – "надежда этого мира" (прим. – так переводится с армянского имя Ашот). Найди в себе смелость начать всё с чистого листа! Хочешь – поезжай к дяде Арену в Кемерово, получи там образование и прозвучи так, чтобы я гордился тобой!»

Сказано – сделано. Ашот уехал к дяде, поступил в КемТИПП, блестяще его окончил и, когда прогремели 90-е, открыл на берегу Томи настоящий армянский ресторан. Пока всё коллеги-рестораторы «сходили с ума» по итальянской кухне, Ашот твёрдо решил, что не будет мешать армянскую кухню ни с какой другой в угоду моде. Он просто попробовал придать некоторым устаревшим блюдам армянской кухни новый оттенок – современности в сочетании с той заботой, которую можно встретить только среди родных людей.

Реформатор древних традиций считал, что если взялся за дело, то делать его нужно так, чтобы каждый мог сказать: «О, какой молодец Ашот-джан! Так вкусно накормил, как будто в Ереване побывали!» В его ресторане не готовили еду, а сочиняли музыку вкусов, словно клиент – шах и весь мир дышит и живёт только ради его услады. Меланхолические звуки дудука сопровождали здесь и деловые встречи, и дружеские застолья. Последние длились по нескольку часов: в армянских традициях заказывать много еды, делить её со всем столом, а потом снова повторять заказ. Поэтому долгих поисков, как назвать свой первый и любимый ресторан, у него не было: «Назову своей фамилией, чтобы каждый знал – здесь за всё лично я отвечаю. Ашот сказал – Ашот сделал!»

Ашот Вазгенович, а для друзей – просто Ашотик, искренне считал, что ни одно важное событие в истории человечества не произошло без участия армян. «Вот взять хотя бы "всемирный потоп". Каждый армянин знает, что Ноев ковчег причалил у горы Арарат. И голубь, который принёс Ною масличный лист, сорвал его на армянской земле. Значит, можно с уверенность сказать, что коньяк "Арарат" – это священный напиток! Сегодняшний вечер – божественный, но безбожно короткий. За наши новые встречи!» Поэтому, когда он впервые услышал песню Бориса Гребенщикова «Город золотой», то воскликнул: «Бан, это же песня про Ереван! Вы только послушайте: "под небом голубым есть город золотой, с прозрачными воротами и яркою звездой. А в городе том сад, все травы да цветы; гуляют там животные невиданной красы". Борис Борисович-джан поёт точно про Ереван! Вам каждый армянин это подтвердит!»

Все попытки объяснить ему, что песня совсем не про это, были обречены на полный провал. Он начинал волноваться, нервничал и, показывая собеседнику какую-то затейливую комбинацию из пальцев, грозно рычал: «Вы ничего не понимаете! Вы вообще были в Ереване? Нет! Тогда молчите, слушайте эту великую песню и восторгайтесь!»

Шли годы, и желание привезти на свою вторую родину – в Кемерово – великого «армянского» певца Бориса Гребенщикова только крепло. «Повелитель толмы» мечтал подарить своему второму дому «маленькое чудо» – концерт БГ.

Деньги на воплощение мечты у него имелись. И с площадкой – ДК «Москва» – он тоже уже давно договорился. Осталась только одна загвоздка – БГ. Вернее, даже не сам артист, а его концертный директор Таточка, которая всякий раз, когда Ашот интересовался, не появилось ли гастрольное окно у пионера русского рока, говорила однозначно:

– Ну, Кемерово пока пусть дозреет. У нас тут Москва в очереди стоит, потом Владивосток, а дальше мы в Америку!

С Америкой Кемерово тягаться, конечно, не мог. Хотя доллары и здесь тоже были, но далеко не в тех количествах, как там. Собственно, Ашот Вазгенович уже и не надеялся на чудо, но однажды в августе 1998 года зазвонил серый, слышавший немало всякого телефон и сообщил неожиданно сладким голосом Таточки:

– У нас тут Самара слетела, а вы всё ещё хотите концерт БГ в Кемерово?

«Гений лаваша» даже встал со стула и зачем-то поправил галстук:

– Конечно, ждём!

– Хорошо, вечером пришлю райдер[1], – быстро попрощалась Таточка и первой повесила трубку.

Не до конца осознавший только что услышанное, он тут же позвонил любимой жене и, потея всеми частями своего идеально сложенного тела греческого бога, сообщил ей неожиданное:

– Греточка, тут у нас такое происходит…

– Что, налоговая наехала?

– Нет, наехал БГ, точнее, скоро к нам наедет, то есть приедет с концертом.

– Милый, ты шутишь?

– Да какие шутки! Только что звонила Таточка – у них дырка в Самаре, через три дня он у нас.

Весь остаток дня коньяк и шашлыки уже не шли ему в голову. Он мечтал.

Вечером, как и обещала Таточка, факс выдавил из себя недлинный райдер БГ.

Из него стало ясно, что БГ приедет один, без «Аквариума», и даст единственный концерт. Далее следовал список требований для принимающей стороны: гостиница, трансфер, питание, гонорар, концертная аппаратура…

Ашот вызвал Рюшу, для всех других – Андрея Ростиславовича, главного по разным очень ответственным поручениям, и вручил ему райдер:

– Рюша, чтобы всё от сих до сих, ну ты понимаешь, как для себя и даже лучше!

Рюша пробежал взглядом по скрученному свитку и спросил:

– А «это» где будем брать?

– Что «это»? Там же всё ясно написано!

– Ашот, тут в конце райдера стоит «настоящий сибирский самогон».

– Ну-ка, покажи, – шеф не поверил, что такое может быть напечатано в факсе «чёрным по белому».

– М-да… Действительно…

[1] Райдер – перечень условий и требований, предъявляемых артистом или музыкантом к организаторам выступлений.

– Вот я и уточняю, где брать-то будем? У меня дядька в деревне, конечно, тот ещё гонщик, но тут-то случай особый…

– Рюша, ну какой ещё дядька, тут же написано «настоящий»! Ты читал?!!

Ашот Вазгенович был человеком крепких армянских традиций, поэтому, кроме настоящего армянского коньяка, капли чего-нибудь другого в рот не брал. Тот, который в магазине, он, конечно, за коньяк не считал – «это так, баловство для пионэров». Настоящий ему привозили из Армении, из запасов «для своих», на каждой бутылке которого было аккуратно написано карандашом – выдержка и завод. Об армянском коньяке он рассказывал такую легенду: «В начале нашего века в Армении, в ущелье Аревацаг жил один старик. Такой старый был, что уже совсем забыл сколько ему лет. Звали его Апавен. Выращивал он виноград и готовил, так для себя, немного коньяка. И вот как-то раз шёл мимо его скромной хижины прохожий, сел на камень у тропы и застонал от боли. Апавен-джан вышел и спросил его: «О уважаемый, что тебя беспокоит?» Тот рассказал ему, что на ногах у него появились такие противные язвы, которые не проходили уже много лет, и никакие лекарства ему не помогали. Апавен-джан попросил показать их ему, покачал головой и сказал: «Давай попробуем сделать компресс из моего коньяка. Я не гарантирую тебе, что это пройдёт, но нужно попробовать, я так считаю.» Сделали компрессы, человек ушёл и вернулся через несколько дней с богатыми подарками и словами небесной благодарности. Все язвы у него практически исчезли. Слава пошла об Апавен-джане и его чудесном коньяке. Многим людям он облегчил страдания и исцелил тех, кто уже потерял всякую надежду. Такой был великий сын армянского народа! Когда он оставил наш беспокойный мир, многие пытались повторить его уникальный метод, но у них ничего не получилось. Коньяк … Это душа мастера, его талант. Как его скопировать? Не получится. Им можно только восторгаться или воздержаться. Друзья, я поднимаю свой бокал за то, чтобы этот коньяк хоть

немного исцелил наши загрубевшие души, как это делал Апавен-джан. Этот тост за вас, друзья!»

Несмотря на то, что он уже много лет жил и работал в, напротив, сильно уважающем самогон Кемерово, слова «первач» и «настоящий сибирский самогон» были для него почти что словами на языке эскимосов.

– Вот напасть-то! Зачем ему этот первач? Коранам ес! У меня есть такой армянский коньяк, который я только для брата берегу. Ну что делать, если нужно – найдём! Рюша, обзвони всех, найди самый лучший первач – завтра дегустация. Проверять качество будем на себе, поживому…

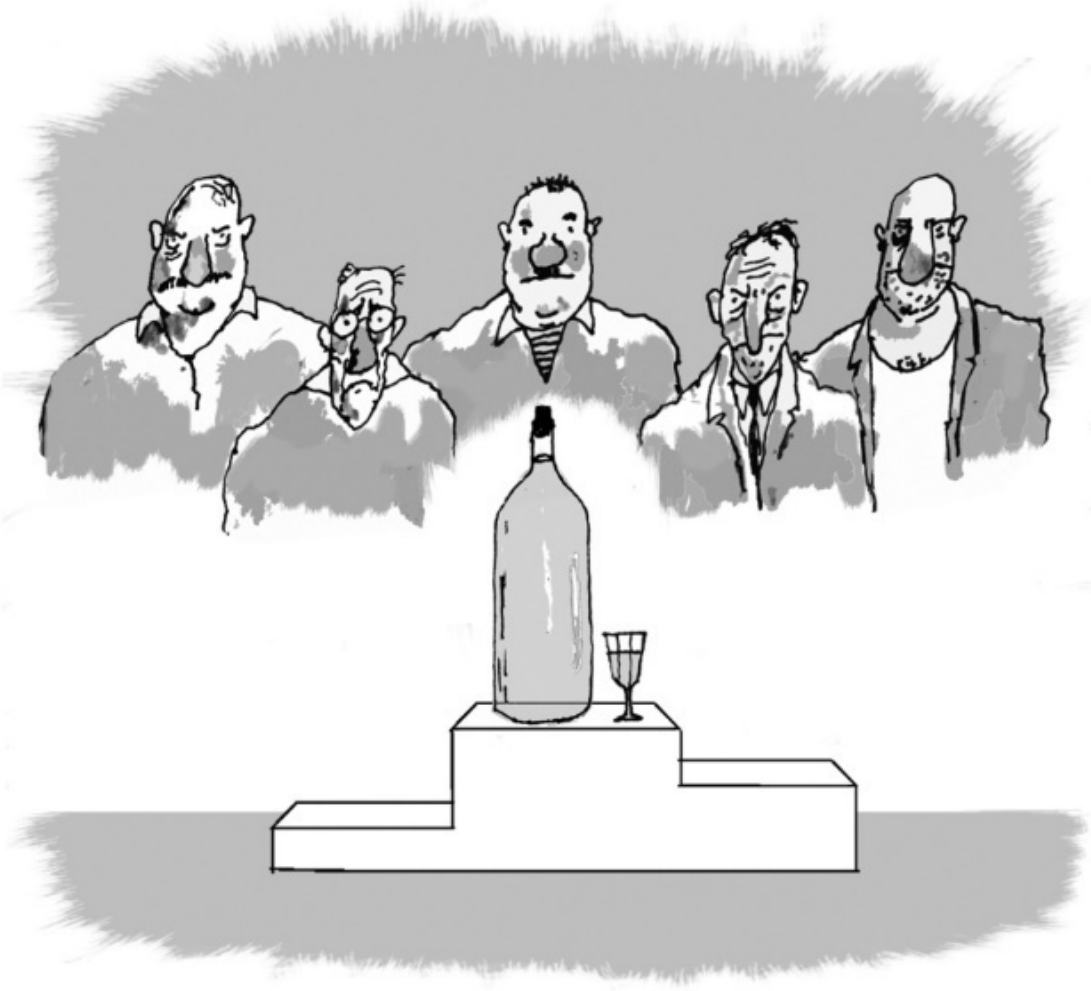
Глава 2

Вечером следующего дня в кабинете Ашота Вазгеновича на столе стояли аккуратно в ряд и играли в лучах заката 15 образцов кемеровского первача в разнокалиберной и разноцветной таре – от прозрачно-белой с наплывами серой дымки до загадочно-зелёной, видимо, из-под чебурашки[2]. На тарелочках томилась домашняя и «готовая на всё» разнообразная местная закусь «под самогон»: торчали пупырчатыми боками тёмно-зелёные солёные огурчики, томно переливались под сметаной с тонко порезанным лучком тёмно-серые грузди, призывало к себе только что вынутое из морозилки деревенское сало с нежной хрустящей корочкой. Он мог бы приготовить для собравшихся лучшие армянские закуски, но всё должно было быть в соответствии, и если уж «первач», то и закусывать его нужно не лучшими горными сырами, а хрустящим местным огурчиком.

До приезда БГ оставалось 48 часов.

Начальник «чисто армянской кухни» зашёл в кабинет и окинул строгим взглядом дегустационную комиссию. Рюша собрал пять человек – самых проверенных знатоков сибирского первача в Кемерово. Дегустацию решили проводить по модному заграничному сценарию – «вслепую». По этим правилам распорядитель разливает объекты исследования по рюмкам, не показывая бутылок и этикеток и не называя марок и производителей, а эксперты оценивают «продукт» по заранее согласованным критериям, не зная ничего о тестируемом продукте и доверясь только «внутреннему голосу».

[2] Чебурашка – обобщённое название зелёных бутылок из-под лимонада объёмом 0,5 литра. Возникло от названия популярного сладкого напитка «Чебурашка».

– Значит так, не увлекаемся. Наша непростая задача – выявить лучший самогон в Кемерово для дорогого гостя, – подвёл Ашот Вазгенович черту, как на планёрке. Что он смыслил в самогоне? Увы, ничего, а зря – сегодня это бы сильно пригодилось! Вот если бы это был коньяк… Про него он знал всё и мог легко определить, купаж каких спиртов играет в бокале. Поэтому вся надежда сейчас была только на знатоков. – Дело у нас ответственное. От вас, коллеги, зависит репутация города на всероссийском уровне! Как сегодня выпьем, – он вздохнул, – так и войдём в рóковую историю…

Мужики стояли навытяжку – раньше пить с такой высокой ответственностью и в компании такого уважаемого человека им ещё никогда не приходилось.

Рюша подготовил первую партию образцов и объявил:

– Ну что, собратья-дегустаторы, приступим! Не пьянства ради, а исключительно гостеприимства для! – произнёс он открывающий тост, разряжая напряжённую атмосферу.

Гости, немного робея от самой мысли – пить первач в просторном и светлом кабинете «большого человека», неуверенно протянули руки к рюмкам.

– Градус, кажись, маловат, – отметил Евгений Павлович, мужчина с большим опытом гаражных дегустаций, пригубив вариант номер один.

– И привкус какой-то смурной, – поддержал шахтёр на пенсии Иван Тихонович.

– Сплёвывать будем, как по правилам, или глотать, как по старинке? – уточнил молодой электрик Петруха с хитрым смешком.

– Как пойдёт. Хороший продукт мой организм никому просто так не отдаст, – отреагировал Евгений Павлович и дёрнул по второму кругу.

Первый, второй и третий дистилляты были единогласно исключены из отбора по разным признакам из разряда «уже неплохо, но ещё не то».

К четвёртому мужики уже освоились в барских стенах, не стесняясь, хрустели огурцами и практически не оборачивались на схоронившегося на диванчике ресторатора.

На пятом образце Ашот Вазгенович не выдержал своего положения алко-неудачника на празднике мужской мечты и протянул резервную рюмку Рюше:

– Ну-ка и мне плесните, самогонщики. Приму участие с риском для жизни.

К седьмому пошли анекдоты про рыбалку и секретарш.

– Короче, мужики, пьяные челябинские рыбаки ночью поймали русалку. А наутро оказалось, что это сом, и всем стало стыдно!

Ашот похлопал по Рюшу спине:

– Рюша, а ведь хорошо идёт! Конечно, это не армянский коньяк, но что-то самобытное в этом есть!

– Эка ты загнул про «самобытное», надо тюкнуть!

– А давай за то, чтобы не забывать поднимать бокал за хороших людей!

– Давай, Ашотик, дорогой! – согласился Рюша.

В тот вечер комиссия смогла оценить только 12 из 15 соискателей на звание «самого главного первача из Кемерово».

Безусловным лидером был признан экземпляр под номером «7» от какого-то никому не известного Иваныча из деревни Пугачи.

Утро следующего дня. До приезда БГ осталось 24 часа.

Ашот Вазгенович появился на работе не к 8 утра, как обычно, а к 10 и сразу вызвал Рюшу, который без лишних вопросов, понимая всю специфику ситуации, возник на пороге кабинета с литровой банкой полупрозрачной золотистой жидкости со скрюченным огурцом на дне.

– Рюша, ты как? Нормально? Я тоже ничего, но знаешь, пьянство – это, оказывается, тяжёлый труд. Но в целом мы с ним справились! Какой же замечательный у нас в Кемерово народ! Гонит на совесть, без халтуры – хоть этой выдающейся черты советская власть не смогла искоренить в наших людях.

Рюша в это время аккуратно разлил рассол по классическим гранёным стаканам с богатым советским прошлым, в которых он заиграл ещё жизнерадостнее:

– Ну, экспериментатор, за здоровье тех, у кого оно ещё осталось!

– Мы там вчера какой выбрали в «экспортном исполнении»? Из Пугачей? Выводи оставшиеся из конкурсной программы. Берём в дело, как его, – «от Иваныча»! Проверено на родном коллективе, не щадя живота и его! – он, похрюкивая, засмеялся своему каламбуру.

– Будет сделано, – отрапортовал Рюша и, как кот Бегемот[3], растаял в воздухе.

До вечера Ашот Вазгенович был плотно занят суетой вокруг концерта. Нужно было проконтролировать рекламу, аппаратуру и многое другое, из чего складываются все публичные мероприятия. Уйти домой пораньше, как он планировал, не случилось.

– Котэ, ну что же ты так поздно! Ты же вчера так нагружался на этой дегустации, – кинулась к нему с порога ангел-Греточка.

– А ты знаешь, сегодня у меня сил даже больше, чем обычно, и настроение какое-то звёздное было весь день. Всё-таки наш первач – это сила земли сибирской. До армянского коньяка ему, конечно, далеко, но пусть растёт – я не возражаю, – парировал любящий муж, обнимая жену.

---

[3] Бегемот – персонаж романа «Мастер и Маргарита», кот-оборотень и любимый шут Воланда. Как и чеширский кот, умеет по собственному желанию телепортироваться, быстро исчезать или, наоборот, постепенно растворяться в воздухе, оставляя на прощанье лишь улыбку.

Глава 3

Самолёт из Москвы прилетел без опозданий. Ашот Вазгенович в длинном белом плаще встречал у трапа драгоценного пассажира с большим букетом белых роз:

– Борис Борисович, приветствуем вас на кемеровской земле! – он хотел добавить «и хвостами машем», но не стал.

БГ оказался совсем не барином, и с первых минут разговора Ашот Вазгенович, к своей радости, почувствовал, что как будто знаком с ним давным-давно.

В машине БГ поинтересовался:

– А где у нас будет концерт, милейший Ашот Вазгенович?

– О, Борис Борисович, это очень особенное место – ДК «Москва». Можно сказать – наше место силы! Одна из старейших достопримечательностей Кемерово. Построен в 30-е годы. Проявили особое отношение – сначала объявили конкурс на лучший проект. В нём участвовали архитекторы из Новосибирска и Кемерово. Кузбасс в 30-е годы быстро набирал вес как мега-промышленный центр Сибири, в городе было населения уже более ста тысяч, а из культурных учреждений в Кемерово почти ничего – только Дворец Труда. По тем временам тоже, конечно, здание гигантское – 84 комнаты и зрительный зал на тысячу человек, но масштаб всё же не тот. Вся культура Кемерово там была. На первом этаже – филармония, на третьем – музей, где-то сбоку драматический театр, снизу – культснаб и радиокомитет: короче, все сидели друг у друга на коленях.

– Ну хоть не стояли на коленях, и то хорошо, – пошутил БГ.

– Да! А население в Кемерово было уже свыше ста тысяч, я об этом уже говорил. Нужно было рвануть вперёд, сделать что-то замечательное. Нет, грандиозное! И вот – «Москва»! Главный фасад с тремя арочными окнами, широкий балкон опирается на столбы портиков и центральные колонны. Внутри – огромные площади вестибюлей, лестницы, как во дворцах. Попадая в него, труженик проникался величием и державностью столицы. Ощущения были – почти как на Красной площади постоять. Я сам впервые оказался в нём в 80-е, когда пионером был. Тридцатые и восьмидесятые – дистанция космос, но впечатления, конечно, были, как от «Титаника»: плывёт по городу исполин, окружённый зеленью парка. Чувствовалась в нём сила эпохи гигантов. Ну а для тех лет – вообще…

Наш «экскурсовод» не преувеличивал, в те годы это был настоящий центр культурной жизни Кемерово: пионеры, шахматы, партактив, кино и тир «Ворошиловский стрелок» для полного комплекта – жизнь в «Москве» кипела.

– Представляете, там играли джаз! – воскликнул слегка перевозбуждённый «краевед». – Вокруг грязь – где по колено, а где и по уши, и две бани на город, в которые ещё и не попадёшь. Я вот посмотрел в Сибирской Советской Энциклопедии: в Щегловске – а так до 1932 года назывался Кемерово – официально было в 1929-м два с полтиной квадратных метра жилой площади на человека. В 1937-м «Москву» открыли. Первый киносеанс – звуковой фильм «Зори Парижа». Кто бы мог подумать: в Кемерово, во глубине сибирских руд – кино про Париж! Вера Марецкая там играла. Купить билеты на сеанс было – как в Большой театр попасть: бронь для партийцев, для ответственных работников исполкома, трестов. Простые работяги туда так запросто и не пролезали. Очереди выстраивались за билетами громадные, как за водкой.

– Выпивали? – спросил БГ, хитро прищурившись.

– Я? Да что вы, я с утра не пью и вообще я только коньяк…

– В «Москве».

– А, было дело. Власти хитрили – денег у рабочих была уйма, а купить нечего. Поэтому в Кемерово часто завозили вместо водки коньяк. Ну, а водка, конечно, всегда была «королевой бала». В народе говорили, что «борются с водкой как с социальным злом до полного его

истребления!». Продавалась в таре 0,1 литра и называлась «пионер», 0,25 – «комсомолка» и 0,5 – «партиец». Настроение у людей в конце 30-х было такое радостное, все ждали перемен к лучшему, дома стали строиться многоквартирные – жили-то кемеровчане в основном в бараках и землянках, с продуктами получше стало… И вот вдруг – война, всё разом переменилось! В войну «Москва» работала практически круглосуточно – до четырёх утра. Люди падали от усталости на производстве, работали сверхурочно – давали стране угля, кокса, но хотели и культурно отдохнуть. Как ни крути, а человеку потанцевать с красивой девушкой иногда важнее, чем узнать из газет о запуске новой домны. Ну нельзя всё время быть на войне, даже когда судьба страны висит на волоске. Днём там – кино, после последнего киносеанса – клуб и ночные танцы. Дамы приглашали дам. Кавалеры – на фронте. С гастролями в «Москву» приезжали всякие знаменитости союзного масштаба – Шульженко, Орлова. И даже в войну в «Москве» играли джаз – в Кемерово гастролировали Эдди Рознер, Утёсов. Вот теперь и Вы в «Москве» прозвучите!

– А «Питера» у вас ещё случайно нет? – задал смешливый вопрос БГ и затянулся сигаретой.

– Питерские нам не по карману, – предвидя будущее, парировал Ашот Вазгенович. – Когда в 1946-м партия сочла джаз вредным – «сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст», – в ДК «Москва» продолжал выступать местный джаз-банд. Замаскировали его под «эстрадный квартет» без опасного слова «джаз»: на сцену выходила солистка в длинном платье с декольте и музыканты, которые играли уже «подпольный» джаз. Выступали перед вечерними сеансами кино и по выходным; изнурённые войной кемеровчане танцевали под музыку «толстых». Потом смотрели американские фильмы, которые нам присылали союзники. Ну и, конечно, заходили в буфет.

Я, кстати, подготовился, вот у меня тут есть цитатка из статьи «О музыке толстых» пролетарского писателя Максима Горького в газете «Правда», послушайте: «Но вдруг в чуткую тишину начинает сухо стучать какой-то идиотский молоточек – раз, два, три, десять, двадцать ударов, и вслед за ними, точно кусок грязи в чистейшую, прозрачную воду, падает дикий визг, свист, грохот, вой, рёв, треск; врываются нечеловеческие голоса, напоминая лошадиное ржание, раздаётся хрюканье медной свиньи, вопли ослов, любовное кваканье огромной лягушки; весь этот оскорбительный хаос бешеных звуков подчиняется ритму едва уловимому, и, послушав эти вопли минуту-две, начинаешь невольно воображать, что это играет оркестр безумных, они сошли с ума на сексуальной почве, а дирижирует ими какой-то человек-жеребец, размахивая огромным фаллосом.

Это – радио, одно из величайших открытий науки, одна из тайн, вырванная ею у притворно безгласной природы. Это – радио в соседнем отеле утешает мир толстых людей, мир хищников, сообщая им по воздуху новый фокстрот в исполнении оркестра негров. Это – музыка для толстых. Под её ритм во всех великолепных кабаках “культурных” стран толстые люди, цинически двигая бёдрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины.

Нечеловеческий бас ревёт английские слова, оглушает какая-то дикая труба, напоминая крики обозлённого верблюда, грохочет барабан, верещит скверненькая дудочка, раздирая уши, крякает и гнусаво гудит саксофон. Раскачивая жирные бёдра, шаркают и топают тысячи, десятки тысяч жирных ног».

– Сильно он их приложил, – оценил БГ вклад буревестника революции в битву с джазом.

– После такого хочется выпить! – подытожил Ашот Вазгенович.

– Не правда ли, славно, что кто-то пошёл за вином! – процитировал БГ самого себя.

– За коньяком, Борис Борисович, за настоящим армянским коньяком! Да! И за всем этим лично следил товарищ Сталин. Он стоял в сквере перед кинотеатром в длинной шинели и с той самой газетой «Правда» со статьёй Максима Горького в руке. После смерти Хозяина и развенчания культа личности демонтировали его не сразу, а, кажется, только в 1959-м – в Сибири всегда присматриваются к событиям в Центре. И этих сталиных по городу стояло штук двадцать. Незадолго до этого местные шутники – а репрессированных и их потомков в Кемерово, считай, каждый второй – засунули под мышку «вождю всех индейцев»[4] непочатую бутылку водки. Не пожалели для Иосифа Виссарионовича стратегический дефицит – буквально оторвали от сердца. Так он и стоял перед «Москвой» целых три дня с водярой. Возник, как говорится, экзистенциальный конфликт – «казнить нельзя помиловать». Милиция охраняла днём и ночью, но не решалась отобрать пузырь у Вождя. После этого случая его быстренько демонтировали, поколотили на куски и упаковали в утиль, чтобы впредь шалить неповадно было. Юмористов особенно не искали. Что им теперь предъявишь? Раньше бы – сразу к стенке и: «Враг народа. Расстрелять, чтобы не повадно, глядь!», а сейчас: «Все о Сталине рыдали – аж мороз по коже! А теперь они сказали: “Слава ж тебе, боже!”»

– А что писатели?

[4] Вождь американских индейцев – высокое звание Сталина, присвоенное ему в 1941 после битвы за Москву индейской конфедерацией Америки. Головной убор вождя (роуч) был выполнен из перьев, украшен лентами, бисером и шитьём. «Как символ нашего единства в борьбе против Гитлера и нашего восхищения его руководством в этой борьбе мы подносим нашему брату – Иосифу Сталину убор вождя, который он должен надевать как почётный вождь наших племен», – цитировала послание индейцев газета «Нью-Йорк таймс».

– Писали. И не только доносы на коллег по цеху. Александр Волошин в 1950 году за роман «Земля Кузнецкая» был удостоен Государственной Сталинской премии второй степени. Роман прогремел на всю страну, был переведён на десятки языков. Денег у него было два больших чемодана и ещё маленькая тележка – на мелкие расходы, а душа широкая. Как-то вечером в декабре выходят зрители с вечернего сеанса из «Москвы», а перед кинотеатром стоит ёлка, которую Волошин нарядил палками колбасы и бутылками водки. А время голодное – послевоенное, товары в магазинах появились в избытке, это даже потом вспоминали как «сталинское изобилие», но денег у народа не было, а он приглашает: «Налетай, честной народ, сталинскую получил – отметим всем миром!»

– Во благо всех живых существ![5]

– Ом мани падме хум![6] Тут чуть-чуть оттепель, потом заморозки. Как-то пережили. В 70-е наша «Москва» – снова центр городской пижонской жизни, и снова можно джаз. И, что немаловажно, сюда завозят дефицитное бутылочное пиво, которого в магазинах в те годы вовек не купишь. Выпить его, пенное, прохладное, стоя с товарищами в костюмчике из кримплена[7] на открытой веранде «Москвы» с видом на площадь перед кинотеатром и ещё не шумную улицу Дзержинского, было солидно! В малом зале показывали редкие советские и заграничные ленты: фестивальное кино, Тарковского.

– А что же с акустикой в этом прелюбопытнейшем заведении?

– Звук в зале очень приличный. Проектировал какой-то «кулибин» из столицы – специально приглашали.

– Отлично! Немного отдохну с дороги и сделаем саундчек.

– Конечно, Борис Борисович.

День пролетел, как один миг: обед, экскурсия по городу, концерт.

Это был полный аншлаг. О концерте объявили всего за три дня, а продали полный зал.

Ашот Вазгенович с удивлением отметил, что публика пришла самая разнообразная: много людей за тридцать, и в то же время немало совсем молодых лиц – студентов и школьников.

– Да, некоторые люди светят, какие-то греют, а БГ и светит, и греет, – вздохнул он. Всё получилось так, как он и мечтал.

После концерта – ужин. «Великий декантинатор» с сожалением повесил на двери своего ресторана табличку «Извините, дорогие клиенты, сегодня такой особенный гость, что приходите завтра!» и был в буквальном смысле – везде.

Чем планировали угощать гостя? Королева стола – толма. Рубленую телячью вырезку сначала заворачивают в почти прозрачный ломтик мяса, а уж затем в маринованный виноградный листок. В компании мацони с зёрнами граната она оказывается сочной и живой. Вкусно, и всё тут. Это и про тушёного с помидорами и эстрагоном козленка, и про ршта – толстые армянские спагетти, сваренные и затем обжаренные с помидорами, орехами, армянским базиликом, баклажанами и шампиньонами. Необходимо признать, что, как и всякий гостеприимный армянский хозяин, Ашот был немного тиран и деспот. Он запрещал менять хоть что-то

[5] «Во благо всех живых существ» – БГ почти цитирует буддистскую мантру Всеблагого Ченрезига: «В Будде, Дхарме и наилучшей Сангхе я принимаю прибежище до обретения просветления. Благодаря благим заслугам, рождённым созерцанием и чтением мантры “Да достигну я состояния Будды на благо всех живых существ”».

[6] «Ом мани падме хум» – Ашот Вазгенович отвечает БГ другой буддистской мантрой, тем самым показывая, что он тоже «в теме». Одна из самых известных мантр в буддизме: «Богатство (Бог, Всё – Ом) во всех его формах (драгоценных, ценимых, значимых – Мани) приходит (растёт, цветущий лотос – Падме) к тому, кто готов его принять всем своим существом (сердцем – Хум)».

[7] Кримплен – популярная в СССР в 1970-е французская легкостирающаяся и немнущаяся синтетическая ткань. Любая случайная искра или пепел с сигареты мгновенно прожигали в ней жирную дырку, приводя модника в глубокую печаль и постижение мимолётности всего сущего.

в своих рецептах, не позволял ставить солонки и перечницы на столы, ибо считал свои блюда идеально сбалансированными. В общем, проявлял темперамент. Прелесть его блюдам придавали сладковатые акценты, отсутствие которых, как он считал, испаряет из еды волшебство.

На белоснежные хрустящие скатерти, где источали немыслимо аппетитные ароматы всякие вкусности, Ашот Вазгенович выставил две запотевшие тёмно-зелёные бутылки без этикеток:

– Им арев (арм. – моё солнце), Борис Борисович, вот – как заказывали!

– А, не забыли – знаменитый сибирский первач, наслышан! Ну, давайте, за ваш гостеприимный Кемерово!

– Борис Борисович…

– Давай – просто Борис.

– Борис, армянское радио спросили: «Правда ли, что смех – это лучшее лекарство?» Оно отвечает: «Да, если у вас закончился армянский коньяк!» Но сегодня мы сделаем исключение! К первачу рекомендуем солёные закуски – всё домашнее: капустка квашеная, огурчики… И обязательно попробуйте солёный папоротник. Из тайги!

Ужин прошёл легко и весело. Борис уже обращался к Ашоту на «ты», а тот чувствовал себя на седьмом небе.

– Ашот, а кто сотворил сию амброзию[8]? – спросил БГ.

– Иваныч! Живёт в деревне Пугачи, это недалеко от Кемерово.

– А давай махнём к нему, в эти ваши Пугачи! – предложил БГ.

– А давай! – легко согласился уже лёгкий на подъём Ашот Вазгенович.

Дело было уже к ночи, и когда БГ, Ашот и Рюша приехали в Пугачи, Иваныч собирался ко сну.

– Доброй ночи, Иваныч! Ты уж извини, что мы на ночь глядя, но артист завтра в Москву улетает и хотел с тобой познакомиться как с творцом настоящего сибирского первача!

Лицо Иваныча потеплело:

– Ну заходите, доброму человеку у нас всегда двери открыты!

– Меня зовут Борис, а вас как звать-величать, хозяин? – поинтересовался БГ.

– Уже лет адцать как все в деревне Иванычем кличут, и ты не робей!

На столе появилась знакомая запотевшая бутыль первача, и он, как будто взмахнули скатертью-самобранкой, украсился простой деревенской закуской.

– А вы по какой части артист-то будете?

– Это же тот самый, который «Город золотой»! – поспешил вмешаться Ашот Вазгенович.

– Артист как артист. Редко народный – частично инородный. Иваныч, а в чём секрет вашего творения? – спросил БГ.

– Ты про первачок? Да какой уж тут секрет, что бабка даст, на том и ставлю – тут калинка, там малинка, тут кака лесна травинка.

– Ну, может быть, вода какая-то особенная?

– Умный ты человек! Вода – да. Её специальные ходы под землёй ведаю.

– Ашотик, а гитару-то захватили? – спросил БГ.

– Конечно!

– Давай сюда.

И БГ спел про Ереван – «Город золотой», и про старика Козлодоева, а потом ещё и ещё.

Иваныч внимательно слушал и предложил:

– Давайте-ка и я вам наше представлю – праздничное, – взял гармонь, развёл меха и сыграл что-то озорно-переливчатое.

[8] Амброзия (др.-греч.– «бессмертие») – в Древней Греции легендарная пища богов, дающая им молодость и бессмертие.

– Иваныч, это же почти Сантана – Самба пати! – восторженно зааплодировал ему БГ.

– Сам ты – сатана. Витька это, тракторист наш, придумал, на свадьбах играет. Людям нравится. А я у него перенял!

– Ну, поздравляю ваши Пугачи с мировым уровнем! – БГ так рассмеялся, что у него даже выступили слёзы.

До третьих петухов пили они самогон, закусывали хрустящими огурцами и пели песни. И было им хорошо.

Под утро, когда Ашот Вазгенович с Рюшей уже приткнулись на стареньком чёрном кожаном диване с большими деревянными накладками по бокам и мирно посапывали, БГ обнял Иваныча за плечо и спросил:

– Слушай, а что это за книга – «Заветный корабль мёртвых»? Слышал про такую?

– А ты про неё откуда знаешь? Это же только для «своих».

– Вот видишь, значит, и я – «свой».

– Есть такая книга. Ещё на пергаментах писанная. Сколько ей лет и откуда она к нам пришла, никто не ведает. Писана кириллицей по-старому. Окована в оклад тяжёлый, да на замке мудрёном, чтобы всякий несведущий нос туда не совал без спросу. Хранят её светлые люди – есть их у нас. А сказывает она, как родится человек, да как уходит обратно к Свету.

– Ну и как же? – заинтересовался БГ.

– Да просто всё. Ты каплю видел? Пока ползёт по стеклу – это жизнь человеческая, а в лужицу упала, да в ручеёк попала – вот и к Свету вернулась. Так всё и вертится. А книга учит, как приготовиться ко встрече со Светом, не забояться.

БГ обнял его ещё крепче и спросил:

– Встретимся ещё?

– А то! Ты как устанешь там в столицах колесо сансары крутить – приезжай к нам в Пугачи, отомлеешь, – Иваныч оказался неожиданно сведущ в вопросах буддистской мысли.

На пути в аэропорт БГ уже через полусон заметил:

– А Иваныч-то наш – вылитый Де Ниро…

Через неделю БГ прислал Ашоту Вазгеновичу новую песню – «Человек из Кемерова».

Когда ему говорят, что это про него, он всегда сердится:

– Да при чём тут я? Это же он про Иваныча… – а потом шутит: – А про меня будет особенная песня – «Человек из Еревана в Кемерово»!

Бронзовый бег

– Пушкин – наше всё?
– К сожалению, да.
Песня о солнце
Площадь Пушкина

Памятник А. С. Пушкину установлен на одноимённой площади 6 ноября 1954 года.
Сама площадь была названа в честь поэта чуть раньше – в 1949 году.
Скульптор – Матвей Генрихович Манизер.

До завершения формирования площади Советов здесь был центр праздничной городской жизни: устанавливали новогоднюю елку, шумно гуляли на масленицу и выступали на митингах к дню Октябрьской революции. На старых фотографиях площади у дома №5 по ул. Орджоникидзе видны солидные деревянные трибуны для почётных горожан.

Почему именно Пушкин стал любимцем Кемерово, а, например, не Лермонтов? Странный вопрос. Ведь именно Александр Сергеевич написал о нашей Томи: «Опрятней модного паркета, блистает речка, льдом одета».

С появлением новой фаворитки площадь Пушкина приобрела столь ценимую сегодня камерность. И если бы не толпы паркующихся здесь по будням авто, то быть бы ей королевой города, а стала она королевой бензоколонки.

Глава 1

Карл Иванович Блинов, главный снабженец «Коксохима» и, если покопаться поглубже – великий комбинатор на срок лишения свободы от восьми до пятнадцати с конфискацией имущества, знавший, что и где лежит в стране всеобщего дефицита и, главное, как это взять в нужных количествах и в нужные сроки, проснулся в приподнятом настроении.

За окном его новой трёхкомнатной квартиры в только что сданном доме на улице Весенней плескалось июньское утро 1953 года. Все трудящиеся давно уже несли трудовую вахту, а он – нет. Он был в законном отпуске, который специально подгадал на июнь: любимая дочка Светочка должна была скоро родить, и от забот у Карла Ивановича кружилась голова. Даже с его связями обставить детскую и подготовиться к достойному приёму нового члена советского общества было непросто. Вот, например, детская кроватка. Наши советские, конечно, были в продаже, но ему хотелось для внука солидную, из дуба, чтобы с первых же дней на белом свете Блинов-младший привыкал ко всему хорошему. Коллега из Новосибирска обещал поискать по базам немецкую – первые поставки из «нашей» Германии уже пошли, но что-то не звонил. «Надо бы ему набрать самому», – подумал Карл Иванович.

Он и имя внуку уже придумал – Максим, в честь пролетарского писателя Максима Горького. Как гордо будет звучать – Максим Андреевич Блинов! Конечно, не Блинов, а Тихонов, но в голове он упорно называл его своей фамилией, а не отца. «Тихонов – ну что это за шелест букв, какая-то невзрачная, серая фамилия, как зима в Сибири, а вот Блинов – совсем другое дело, яркая и горячая, как солнце. С такой и жить и карьеру делать – одно удовольствие.» Необходимо заметить, что со стопроцентной уверенностью внука ему никто не обещал, но знакомый врач обнадёжил: «Дорогой Карл Иванович, не волнуйтесь, будет вам точно внук, гарантирую – пятьдесят на пятьдесят».

– Если внучка – тоже хорошо, но всё-таки лучше внук. Так, куда же Варвара (жена Карла Ивановича) поставила кофе?

По квартире витал тонкий аромат Chanel №5, который с трудом удалось достать через знакомого мидовца в Москве на день рождения жены. Для него не было неразрешимых задач, но иногда случались «непростые» вопросы, которые требовали особого подхода. Некоторые назвали бы его «пройдохой», но на самом деле это был высокий профессионал своего дела, который в тонкостях познал советский образ жизни и плавал в нём, как килька в томате. Да, несомненно, он был советским бонвиваном самой высокой пробы, но не забывал и про родное предприятие – трудился на его благо не покладая рук.

Карл Иванович сварил чашку ароматного кофе и, беря с тарелки уже третью шанежку – так в Кемерово называют круглые булки с творогом сверху, – размышлял: «Вот шанежки, казалось бы, странное слово. А ведь мало кто знает, что пошло оно от Коко Шанель. Говорят, она обожала такие булки с творогом и съедала их на завтрак с кофеем минимум штук пять. А познакомил её с ними светлейший князь Дмитрий Романов, с которым у Коко был яркий, но короткий роман. Очевидцы рассказывают, что часто они устраивали с князем поедалки наперегонки, в которых Коко выходила неизменной победительницей. Съем и я ещё одну за её здоровье». Довольный от полноты прекрасно организованной жизни, он ласково похлопал себя по животу и расслабленно откинулся на спинку стула.

В дверь позвонили. «Кто бы это мог быть? Может быть, телеграмма от тёти Аси?» – попытался он себя успокоить. В СССР в 1953-м не любили неожиданные звонки в дверь, и даже такие уверенные в себе хозяева жизни, как Карл Иванович, вздрагивали и покрывались холодным потом, когда в их квартире раздавался нежданный звонок. Днём-то ещё куда ни шло, а вот ночью… Некоторые руководители от случайного ночного звонка сразу падали с инфарктом, а их цельнотельные жены одномоментно худели килограммов на пять.

Оказалось – посыльный с запиской из горисполкома: «Тов. Блинов, просим срочно явиться к председателю горисполкома тов. Горюнову. Дата. Подпись».

Карл Иванович недоуменно повертел её в руках: «Странно. Вроде ничего срочного, когда я уходил в отпуск, не было. Может быть, телефон! Я же просил поспособствовать в установке телефона в квартире. Нет, вряд ли бы они стали посылать по этому вопросу курьера… Всё-таки это странно…», – размышлял Карл Иванович, выдернутый неожиданным визитом из утренней идиллии.

С председателем горисполкома Константином Ивановичем Горюновым они были знакомы давно – ещё по партийной работе в Новосибирске, а потом: он вот вырос до головы Кемерово, а Карл Иванович пошёл по хозяйственной линии и осел на «Коксохиме», что тоже было неплохо – крупнейший комбинат Кемерово. С одной стороны – размах, а с другой – начальников над тобой поменьше.

«Да, если посмотреть в суть вопроса, то и он, и я – мы оба по хозяйству, только у него забот больше, а денег меньше, – немного позлорадствовал Карл Иванович. – Что же я ему так срочно понадобился? – Город частенько обращался к руководству крупных предприятий – то там помочь, то тут оказать содействие. – Ну а как иначе? Одно же дело делаем».

Он быстро оделся и пошёл в горисполком – благо, было недалеко.

«Посмотрю заодно, как он там обосновался на новом месте – я ведь не был ещё у него в новом кабинете на площади», – горисполком занял основательное здание напротив строящегося Дома связи, которое изначально предназначалось для «наркомата всего» – МВД, но потом курс партии резко изменился, и его отдали городским властям.

Прошёлся по Островского, свернул направо, пересёк просторную площадь Пушкина, в начале которой поздоровался с гипсовым бюстом поэта на белом белёном постаменте, и вступил на ступени горисполкома: «Как быстро летит время… Ещё в начале 1949-го городские депутаты решили назвать площадь в честь великого русского поэта к 150-летию со дня его рождения – соорудили бюст по-быстрому, я же всё это помню. А в 1950-м должны были установить памятник, но, видимо, закрутились – в городе столько новых строек, и голова у них полна других забот».

«Красавец у нас городской совет! Жаль, конечно, что Москва башню на нём зарубила – как бы хорошо они в паре вместе с Домом связи смотрелись! Ну, конечно, им же там в Москве виднее: если экономить – так сразу на Кемерово. Ни разу здесь не были, а указания слать – хлебом не корми. “Борьба с излишествами!” Башня им помешала! Да Касьяныч[9] такое сильное решение на Советском запроектировал! Ночами не спит, всё чертит, макеты клеит, а они – раз шашкой, и нет вам никакой башенки. Далась им эта башенка… Ну ладно, мы её ещё при случае достроим, не забудем, не проспим…»

Зашёл в просторный вестибюль. Постовой с кобурой на ремне поинтересовался: «К кому?» Оказывается, пропуск ему уже был выписан. «Ждут! Что же там такое случилось?»

Поднялся на второй этаж. «Шикарно они тут устроились – с размахом!» Залитые солнцем холлы с высокими потолками были устелены свежими ковровыми дорожками. В приёмную председателя вели массивные дубовые двери. Карл Иванович потянул за бронзовую ручку с шишечкой, тяжёлая дверь легко поддалась без малейшего скрипа:

– Добрый день, Зиночка. У себя? Зайду?

– Здравствуйте, конечно, заходите. Вас ждут.

---

[9] Касьяныч – Моисеенко Леонид Касьянович, один из ведущих архитекторов Кемерово 1940-50-х гг. В частности, по его проекту построена «визитная карточка» Кемерово – ансамбль Главпочтамт (Дом связи) и Администрация города (здание управления МВД).

В огромном кабинете за массивным дубовым столом сидел председатель горисполкома Константин Иванович Горюнов. Кабинет был ещё не до конца обжит, и даже внушительных размеров стол в нём казался каким-то сиротливым командировочным.

Увидев Карла Иванович, он расплылся в улыбке, встал из-за стола и сделал несколько шагов ему навстречу, показывая тем самым, как рад его видеть:

– Карл, сколько лет, сколько зим! Как у тебя? Говорят, пополнение рода Блиновых ждёшь?

– Спасибо, Костя! Всех учёл, даже будущих граждан города. Всеми мыслями со Светочкой, врачи у нас в Кемерово, конечно, замечательные, но всё равно переживаем.

– Сколько осталось?

– Говорят, недели две.

– Ну, чтобы всё у вас было благополучно!

– Спасибо! А у вас как дела? Что-то срочное?

– Да. Извини, что выдернул тебя из отпуска. Но без тебя мы, кажется, не разберёмся.

– Ну, давай, рассказывай…

– Помнишь, в 49-м мы новую площадь, которая на Орджоникидзе, постановили назвать в честь Пушкина? И памятник решили установить в следующем году.

– Конечно, сегодня шёл мимо – с Александром Сергеевичем поздоровался.

– Ну, закрутились, понимаешь, забегались. Тут сначала это НАТО образовалось в 49-м, потом этот штатовский самолёт сбили в 50-м. Все же на нервах постоянно – вдруг новая война. Не мне тебе рассказывать – мы же куём оборону страны. Ну а потом – Корея. 19-й съезд партии. И тут Сталин умер. Ну не до памятника нам было.

– Я тебя понимаю.

– Так вот, в 49-м мы поставили бюст Пушкина и в городском бюджете утвердили на памятник смету почти в 400 тысяч рублей.

– Так. Ой-ой-ой, вот это уже совсем нехорошо…– как всякому опытному снабженцу, ему не понравилось сочетание такой крупной суммы и унылого выражения лица собеседника.

– Правильно понимаешь – ой-ё-ёй. Сейчас уже 53-й, а памятника – нет. Мой человек в Москве услышал, что через месяц будет у нас комиссия с ревизией из Центра. Понимаешь, чем дело пахнет?

– Да уж понимаю. Сколько, говоришь, бюджет? 400 тысяч? Тут строгачом можно и не отделаться…

– Вот я тебя и прошу как друга, организуй нам этот памятник. На тебя одного надежда. Наш снабженец-то совсем зелёный. Ну, пошлём мы его с этим заданием. И что? Да обделается он. А тут – каждый час дорог!

– Ну, у меня же дочь! Ты же знаешь!

– А я тебе кто – сирота приблудная? Выручай! Тебе телефон, кстати, я уже договорился – проведут! И если всё гладко будет, я тебе по партийной брони сделаю автомобиль – «Победу».

Карлу Ивановичу дали три дня на сборы. «Вот ведь какие дела. Хорошо иметь больших начальников в друзьях, но и какие большие от них проблемы…» – грустно размышлял Карл Всемогущий.

Где искать этот памятник, он понятия не имел. Но у него была записная книжечка, в которой можно было найти ответ на любой вопрос.

Назавтра он уже сидел в кабинете главного архитектора города:

– Карл Иванович, по телефону ты ничего не решишь – нужно ехать. Я бы начал с Тбилиси – у них там хорошая самобытная школа скульпторов, потом поискал бы в Ленинграде, ну и, если уж ничего нигде не получится, – остаётся Москва. Есть там такой деятель – Манизер. Толковый дядька, но он всегда плотно загружен заказами, поставит тебя в план на следующую пятилетку, а у тебя, как я понимаю, вопрос не терпит отлагательств.

Глава 2

Тбилиси встретил отягощённого задачей со всеми неизвестными гостя коктейлем летних кавказских ароматов. «Хорошо в Тбилиси, где нас нет», – подумал Карл Иванович.

Записная книжка привела его в Тбилисскую академию художеств.

Высокий, статный директор академии – Вахтанг Астанишвили принял его как давнего друга, хотя и видел первый раз в жизни:

– Дорогой Карл, для Кузбасса – обязательно найдём! Везде тебе скажут: приходите завтра, а у нас – пожалуйста, есть Пушкин! Забирайте хоть сегодня!

«Какая удача! Вот сейчас договор подпишем – и домой. Всё оказалось не так уж и сложно», – Карл Иванович обрадовался неожиданно лёгкому повороту дел и с удовольствием пожал воображаемые руки.

– Можно взглянуть?

– Можно налюбоваться с головы до копыт – пойдём, дорогой! – очарованный радушным приёмом покупатель не придал значения столь странному описанию памятника, сочтя это признаком кавказского красноречия.

Ангар со скульптурами был пристроен к зданию академии. В высоком помещении стояли чьи-то большие головы, руки, ноги, девушки с вёслами и без, атлеты в папахах, выжимающие пудовые гири, и бородатые пионеры с горнами. Вахтанг провёл его в дальний угол, где в полумраке виднелась массивная скульптура, заставленная другими произведениями монументального искусства.

Когда они подошли поближе, их взгляду предстала конная скульптура с сидящим на ней верхом великим поэтом. Левой рукой он сжимал поводья, а правой касался уха, за которое было заложено длинное гусиное перо, напоминающее по размеру уже павлинье. Без сомнений, это был Александр Сергеевич: профиль, бакенбарды, курчавая шевелюра – спутать его с Лермонтовым было невозможно.

– Конь?… – удивлённо произнёс Карл Иванович, ощущая, как чувство лёгкой победы над непростой задачей стремительно тает в горячем тбилисском воздухе.

– Не просто конь – орловский рысак[10]! Ты посмотри, как он гордо идёт! – правая нога коня была приподнята и согнута в колене, собираясь сделать шаг, три же другие твёрдо стояли на земле. – Он же как птица в небе парит, только по земле – цок-цок, цок-цок. Бери! Будет в Кемерово, как в Ленинграде – только лучше – Медный Пушкин.

– Вахтанг, мне нужно обсудить это с начальством.

– Слушай, запомни или лучше запиши: в комплекте ещё есть кот, которого цепью надо приковать к постаменту. Ну ты помнишь: «И днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом…»

– Кот тоже орловский?

– Вах, шутишь, дорогой! Кот ваш – сибирский!

– Кот – это хорошо. У нас любят котов …. Позвоню и всё опишу.

– Конечно, переговори. Джигит, да? Чистая бронза, м-м-м! Передай там главному, что пусть тоже приезжает: возьмём барашка, поедем в горы, будем душевно читать стихи и пить молодое вино за великого советского поэта – Пушкина!

Из-за разницы во времени сегодня звонить было уже бесполезно – в исполкоме никого не было. Карл Иванович вышел на связь с Кемерово следующим утром:

---

[10] Орловский рысак, или орловская рысистая – порода легкоупряжных лошадей с наследственно закреплённой способностью к резвой рыси, не имеющая аналогов в мире. Её история неразрывно связана с именем графа Алексея Григорьевича Орлова. Он также был горячим поклонником петушиных и гусиных боёв, являлся одним из авторов орловской породы кур. Есть сведения, что очень ценил канареечное пение.

– Костя, кажется, нашёл я Пушкина… – неуверенно проговорил он в тяжёлую эбонитовую трубку.

– Карл, я верил в тебя! Подписывай договор и домой к дочке – нянчить внука!

– На коне и с котом, – продолжил великий снабженец ещё менее уверенным голосом.

– Кто на коне, с каким котом? – Карл Иванович почувствовал, как на другом конце напряглись не только провода.

– Пушкин.

– Карл, ты пьян?

– Нет, есть конная скульптура. Пушкин сам на себя похож, я его сразу узнал – это точно он. Гарантирую. Конь породистый, с родословной – орловский рысак. Кот – сибирский, наш…

– Карл, если ты шутишь, то это не смешно. А если нет, то тем более не смешно. Пушкин – не маршал Жуков. Ищи дальше! Удачи! – и собеседник повесил трубку.

Карл Иванович подумал: «Да, у всех нервы… Понятное дело – ревизия на носу…»

Перезвонил Вахтангу и вежливо отказался. Сказал, что в Кемерово, в принципе, не против коней, но по крайней мере двойки, запряжённой в карету, а так – не подходит. Вахтанг предложил ещё раз хорошо подумать и порывался сам позвонить в Кемерово, чтобы объяснить, какой шедевр они упускают, но Карл Иванович убедил его этого не делать.

Глава 3

Следующей надеждой в поисках отражения солнца русской поэзии в бронзе или, на крайний случай, в чугуне был Ленинград. Знающие люди сказали, что есть только одно место, где можно попробовать его найти, – это Творческие мастерские имени И. А. Крылова.

– Здравствуйте, я из Кемерово. Меня интересует памятник Пушкину.

– Очень приятно. У нас очень широкий выбор памятников, и многие есть в готовом виде: Гоголь, Маяковский и, конечно, Пушкин, – интеллигентный молодой человек неопределённого возраста в костюме с бабочкой, как у конферансье, был подчёркнуто приветлив, но границ гостеприимства не нарушал.

– Пушкин на коне?

– Ну, зачем же сразу на коне… Пешком. Хотя, если нужно…

– Ой, хорошо-то как. Да я тут только что из Тбилиси – так у них Пушкин на коне, представляете? Думаю, может, какое-то распоряжение было, чтобы повыше как-то выглядел, посолиднее что ли.

– А! Слышали. Это работа Ираклия Гурадзе. Известный мастер. Неоклассицист. Большой новатор. Постоянно переосмысливает заржавевшие догмы искусства.

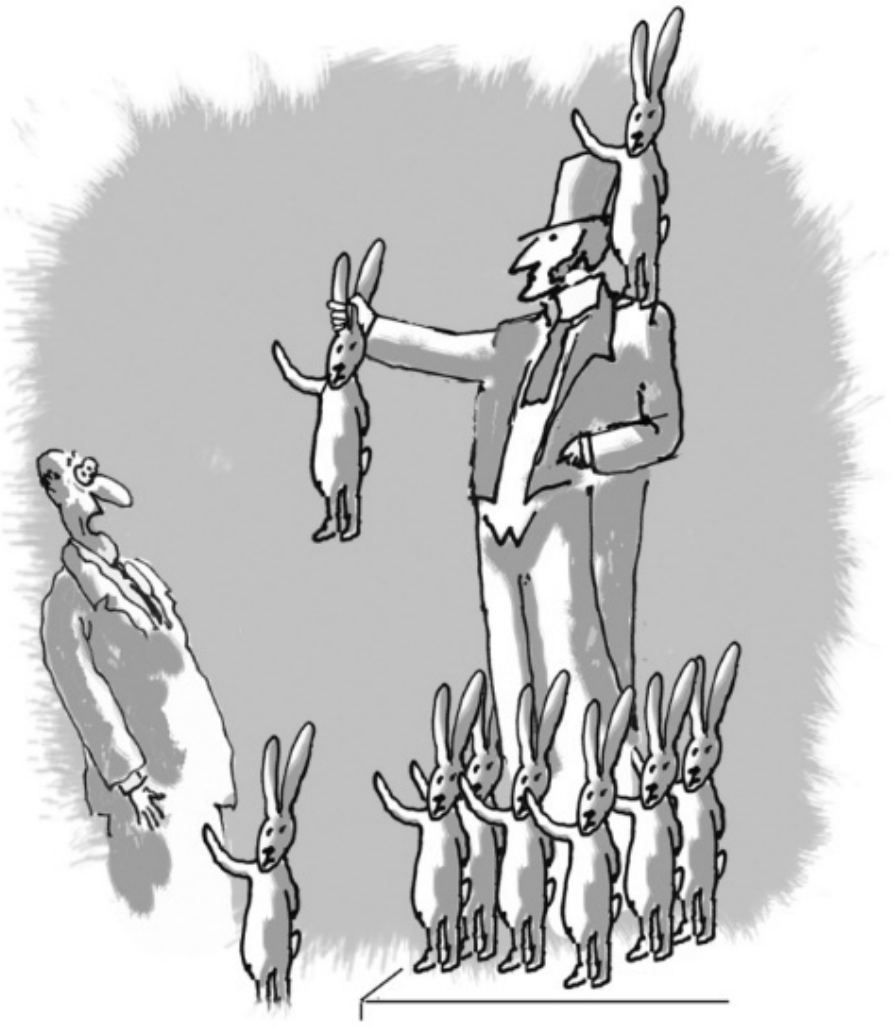
– А у вас какой Пушкин?

– Обычный. Задумчивый.

– Отлично! Можно взглянуть? – в этот момент Карл Иванович ещё больше полюбил «культурную столицу», где новаторство знало своё место и не посягало на вечные ценности.

Хранилище готовых памятников находилось не в Ленинграде, а в Выборге. Договорились встретиться там завтра. Карл Иванович тотчас забронировал билет на вечерний рейс на Москву и дальше в Кемерово, в предвкушении скорого возвращения домой сытно отужинал в ресторане Астория, выпил за «Сергеича», как он теперь по-дружески панибратски называл Пушкина, водочки под осетровую икорку и, довольный собой, пошёл спать.

На завтра на огромном складе, где опять нужно был продираться через лес чьих-то отделённых и прикреплённых рук и ног, перед Карлом Ивановичем предстал памятник поэту, который заставил его усомниться в правильности отказа от грузинского предложения. Пушкин стоял на пеньке в окружении зайцев, один из которых, видимо, самый наглый, сидел у него на плече, другие же окружали его плотной группой слева и справа. В левой руке он держал морковь. Карл Иванович насчитал их двенадцать, потом сбился и бросил эту затею.

– А зайцы чьи? – грустно спросил он, понимая, что домой, скорее всего, не полетит.

– Некрасова. Памятник задумал для советской выставки во Франции наш молодой перспективный скульптор Дмитрий Петров. Символизирует преемственность русской поэзии от Пушкина к Некрасову – связь времён, так сказать. Некрасов, как и всякий литературный новатор, был крепко связан с традициями своих великих предшественников и больше всего – с традициями Пушкина. К сожалению, этой преемственной связи не замечали читатели-современники. Противопоставляли, в сущности, выдуманного, небывалого Пушкина выдуманному, небывалому Некрасову. А ведь именно из произведений Некрасова крестьяне узнали, как им плохо живётся. А кто предтеча? Правильно – Пушкин! Он был чувствителен к ним во многих местах:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь.

Заметьте, не бежит и не скачет, а именно «плетётся», символизируя угнетённое положение крестьян и лошадей при царизме. И Некрасов через годы протягивает ему руку соратника, также осуждая эксплуатацию кучкой бесстыдного дворянства широких народных масс:

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору

Лошадка, везущая хворосту воз.

Чувствуете, как Некрасов подхватывает и развивает тонко замеченное Александром Сергеевичем? Сани явно перегружены дровами. А почему? Разрываясь между барщиной и оброком, крестьянин не мог позволить себе уделять должного внимания собственному хозяйству, и тем самым он осмысленно перегружал лошадь. Более того, среди советских литературоведов есть мнение, что он пишет о той же самой лошадке, что и Пушкин!

– А морковь – это, видимо, символ литературного наследия Александра Сергеевича? – предположил Карл Иванович, прерывая вошедшего в упоительный восторг представителя мастерских.

– Конечно! Вы глубоко правы! Морковь – это метафора питательной среды его творческого достояния для будущих поколений литераторов. Памятник – единственный такой в своём роде. Очень смелое решение – ваш город, как его, Кемерово, не пожалеет!

Карл Иванович понял, что без звонка на родину он на себя такую ответственность точно взвалить не сможет, и взял паузу до завтра.

Соединили с горисполкомом неожиданно быстро:

– Есть в Ленинграде один вариант, – начал бодро Карл Иванович и вкратце описал скульптуру из самого культурного города СССР.

– Ой… Карлуша, только зайцев нам не хватало. Я скоро сам уплыву куда-нибудь на льдине – наверное, прямо под воду. Комиссия, оказывается, уже через две недели будет в Кемерово. Найди нам нормального Пушкина. Разве я многого прошу? Умоляю!

Карл Иванович и сам понимал, что Пушкин с зайцами – это слишком смелый ход для его не избалованной высоким искусством малой родины. Сдал билет на Кемерово и в весьма подавленном состоянии уехал на вечернем поезде в Москву.

Глава 4

Столица встретила его неласково: в творческом союзе советских скульпторов ни шашлыками, ни увлекательными историями не угостили и сразу сказали, что единственный человек, который может ему помочь, – это Матвей Генрихович Манизер, но он заслуженный и именитый, лауреат государственной премии, и к нему очередь на годы вперёд. Вряд ли он возьмётся: «Попробуйте, конечно, но шансы у вас невелики».

Манизер действительно был «узким» специалистом по Пушкину. В 1937 г. у Чёрной речки, на месте дуэли поэта, установили барельеф Пушкину его работы. Это стало началом большой «Пушкинианы» Манизера. Скульптор выполнил статую А. С. Пушкина для нового здания вокзала в городе Пушкино, другую – для фойе Государственного академического Малого театра. Большие монументальные работы Манизер осуществил для Московского метрополитена. Наиболее известна станция «Площадь Революции» (1939), где в низких углах арочных проходов размещены большие фигуры с атрибутами различных родов деятельности – пограничник с собакой, птичница с курицей, молодой рабочий с шестерёнкой, чиновник с золотой лопатой и т. д.

Карл Иванович понял, что это и есть тот последний шанс, упустить который ему просто нельзя. Нужно было найти какой-то особенный подход к скульптору, чтобы тот не смог отказать ему дежурной фразой: «Я чрезвычайно загружен работой! Приходите в следующем году».

Растерянный борец за культуру на отдельно взятой площади купил в магазине, не глядя, бутылку коньяка и палку дешёвой колбасы и, погруженный в грустные мысли, заперся в номере. «Промашки быть не должно. Нужно думать, думать…». Коньяк он пил из горла и рвал колбасу не режа – зубами. И тут его осенило!

Он решил написать Матвею Генриховичу Манизеру письмо от имени трудящихся Кемерово и как уполномоченный делегат народа умолять его изваять памятник.

Весь вечер он сидел в гостинице, даже не поужинав, пил коньяк уже из гранённого стакана и писал «Послание кемеровских пролетариев Манизеру». Пол в номере плотным ковром устилала скомканная бумага черновиков. Ну не писатель он был! Нужные слова не приходили – то получалось слишком официально, то чересчур дерзко: «Ну, не то, не то! Всё какой-то вздор!» Всё-таки великий снабженец первый раз в жизни писал от лица всего Кемерово, и это был трудный хлеб.

Наконец он нашёл, как ему показалось, правильный тон «плача сибиряков» и сел за чистовик.

«Дорогой Матвей Генрихович, обращаются к Вам труженики Кемерово. Мы живём и работаем на благо нашей Родины – СССР в Сибири. Город у нас чистый, красивый, ухоженный, но, конечно же, не Москва и не Ленинград. А мы ведь тоже тянемся к культуре. Хочется после рабочей смены культурно прогуляться по городу, сходить в библиотеку. Детишки пусть вырастут культурными – станут учёными, инженерами и, может быть, кто-то пойдёт по линии искусства: будет таким же известным скульптором, как и Вы. Одна наша печаль – нет в нашем городе памятников великим русским поэтам и писателям, как у Вас в Москве! Ни одного.

Мы все чтим память об Александре Сергеевиче Пушкине и многие его стихи знаем наизусть. Ведь именно он был зарницей Великого Октября. Бывает, стоишь у станка, точишь деталь, а в голове звучит:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Только наше терпение – на исходе. Долгие годы ручаются нам решить вопрос и даже в 1949 поименовали в честь Пушкина целую площадь, а памятник на ней отсутствует. Сколько раз мы писали и в горисполком, и в горком партии, и даже в Москву тов. Молотову. Все обещают разобраться, но только завтраками кормят. А он нам жизненно необходим, как воздух свободы.

Надеемся на Ваше живое участие!

Матвей Генрихович, помогите нам с памятником Пушкину. Кемерово Вас вовек не забудет!»

Далее шли подписи.

Карл Иванович накупил чернил разных фабрик и несколько перьевых ручек, которые сразу немного «подправил», чтобы было похоже, что они давно в ходу, и сел подделывать подписи.

«Конечно, обманывать – это нехорошо, но, по существу, я же всё написал, как есть, взаправду, а подписи… ну, все кемеровчане действительно мечтают об уютной площади в центре города с памятником солнцу русской поэзии, так что где тут обман? Я – всего лишь «обнажённый острый меч» в руках истории», – успокаивал он себя.

Сначала он вспоминал фамилии и имена своих знакомых. На двадцатой странице в ход пошла фантазия – и в подписных листах появились Синебрюхов, Красномаков, Попугаев, Краеухов и многие другие «жители» Кемерово.

За полночь, исписав разнокалиберными подписями около 50 листов, Карл Иванович сказал: «Всё, довольно! Будь, что будет!» – упал в кровать и отрубился. Коньяк и мозговой штурм оказались лучшими снотворными.

Наутро, проснувшись ровно в семь без будильника, он был необычайно бодр и деловит, несмотря на то, что проспал всего шесть часов. Его наполняла спокойная уверенность, что план сработает и действовать нужно именно так, как он вчера и решил. Перед именитым московским скульптором должен был предстать не ловкий «выбивала», а делегат от кузбасского трудового народа – немного смущённый порученной ему миссией, но непобедимый в своей прямолинейной правоте.

Карл Иванович не сразу пошёл к Манизеру, как вы подумали, а сперва направился в ГУМ. Там он купил самый обычный мешковатый костюм фабрики «Большевичка», каких у него самого отродясь не бывало. И ботинки не то от «Красного Обувщика», не то от минской фабрики «Скороход», которые тоже никогда не состояли на службе в его привычном гардеробе.

После этого он вернулся в гостиницу и оделся во всё новое. Его ноги, переобутые в «чудо» советской торговли, удивленно спрашивали: «Товарищ, за что?!» В номере он долго стоял перед зеркалом и искал такое выражение лица, чтобы в нём были и почтительное уважение к скульптору, и застенчивость человека из Кемерово в столице, и главное – твёрдая решимость не уйти от него добровольно без памятника поэту. Дополняло образ пенсне, которое постоянно сползало с крупного носа и возвращалось на место суетливым движением, что должно было продемонстрировать волнение просителя.

Отрепетировав «ходока из народа», наш «товарищ Бендер» с чувством внутреннего страдания в новых скрипучих ботинках пошёл на «взятие Манизера».

Скульптор работал в домашней мастерской, когда на пороге его квартиры появился исхудавший за время метаний по стране Карл Иванович с потупленным взглядом и растрёпанной, исписанной сотнями подписей пачкой бумаги в руке. Мастер вышел к посетителю в длинном кожаном фартуке со свежими следами глины:

– Говорите быстро и по делу, я работаю.

– Матвей Генрихович, меня к вам послали трудящиеся Кузбасса с огромной просьбой, помогите! – для произведения впечатления он даже немного присел при финальном «помогите», уменьшившись в своём гигантском росте – это точно должно было сработать.

Его пригласили войти. В кабинете он аккуратно уместился на краешке стула, показывая тем самым свою робость и смущение перед лицом великого деятеля искусства. На край стола этот нескладный человек осторожно положил пачку скрученной бумаги с обращением к скульптору трудящихся и их пёстрыми подписями как напоминание, что он здесь не по своей воле, а как делегат от широких масс пролетариев. И рассказал в красках всю историю памятника Пушкину в Кемерово. Как в 49-м обещали и установили временный школьный бюст на площади, как потом совсем про него забыли; прошли уже годы, а памятника всё нет и нет… Про ревизионную комиссию из Москвы он, конечно же, умолчал.

– М-да, оторвали́сь мы, конечно, здесь в Москве от народа… Живём, как на Марсе. Непременно нужно помочь. Я думаю, исходя из вашего рассказа о площади, вам подойдёт памятник метра на 3-4 высотой. Полагаю, за год управимся. Готовьте договор.

– Никак нельзя, дорогой Матвей Генрихович, за год – трудящиеся переживают.

– Уважаемый, как вас там, Карл Иванович? Я ведь вам буквально памятники не рожаю. У нас, понимаете ли, тоже есть производственный цикл. Обязательства.

– Ну, может быть, есть хоть какой-то выход… – Карл Иванович выжал при этом густой росой на скульптора буквально весь свой заготовленный образ.

– Ну, если вам уж так крайне срочно необходимо – недавно я делал для Малого театра скульптуру Пушкина, могу отлить копию. Но она будет весьма небольшого размера – почти в его натуральный рост. Вам, наверное, это не подойдёт.

– Ещё как подойдёт! – взмолился Карл Иванович.

– Готовьте договор.

– Вот, уже со мной, пожалуйста. Только сумму вписать!

– Хорошо, я посчитаю смету, подпишу и завтра заедете – заберёте. Только имейте в виду – лишней скульптурной бронзы у меня нет, доставайте сами где хотите. Это уже ваши хлопоты.

– Конечно, Матвей Генрихович, это как раз не вопрос, – из Карла Ивановича, воспользовавшись сладким ощущением победы, попытался вылезти сидевший взаперти пройдоха-снабженец, но его быстро затолкали обратно.

Назавтра Карл Иванович, уже в своём привычном гардеробе ответственного хозяйственника, был в Главкультснабе: «Что тут у вас с бронзой для товарища Пушкина?» С ней тоже всё оказалось очень сложно. Бронза для дела и для тела поэта требовалась специальная, обладающая повышенной пластичностью и вязкостью для передачи тонких деталей скульптуры. Все пути к ней вели к одному поставщику – заводу цветных металлов в Мытищах, куда он и выдвинулся без лишних отлагательств.

Глава 5

Мытищи – это всего 19 км от центра Москвы на северо-восток, но уже совсем не Москва. Никакого даже отдалённого сходства. Захудалый завод неведомого года постройки. Заспанный дед на проходной, да ленивые собаки со свалявшейся навек бурой шерстью. Толстые ленивые мухи на документах в отделе пропусков.

Обладатель медали «За взятие Манизера» вёл долгие разговоры с директором и начальником отдела сбыта про фонды, недобросовестных поставщиков, про Кузбасс и про трудности везде и во всём. Не избалованные вниманием заезжей публики заводчане понимали его интерес к предмету переговоров и прощупывали, какую бы поиметь выгоду с сибиряка за сверхплановую продукцию. Не каждый день такая крупная рыба сама идёт в сеть! В иной ситуации он развернул бы все эти привычные вымогательства ловкачей и в два счёта получил бы желаемое – ещё бы и сами должны остались. У него были нужные рычаги «где надо». Но сейчас он почувствовал, что очень сильно устал – он хотел побыстрее вернуться в родной Кемерово к будущему внуку и дочке Светлане. Вся эта «дипломатия» ему смертельно надоела, и тут он вспомнил про обещанную ему награду – автомобиль:

– Бронза, бронза… а если трудящиеся Кемерово вам в плане шефской помощи передадут автомобиль?..

– Да? У вас есть такая возможность? А какой? – вялый ещё минуту назад, директор вдруг проснулся, проявил искренний интерес к делу Карла Ивановича.

– Наша «Победа»[11], – спокойно и твёрдо ответил он.

– О-о-о!.. Карл Иванович, что ж вы сразу-то нам не сказали, как важен памятник Пушкину для Кемерово? Кстати, сколько бронзы? Всего-то тонна? Мы можем и больше. Приходите завтра, мы подготовим все документы.

Через два дня он уже был дома. Успел. Светлана дождалась его, как и обещала.

А ещё через три дня она родила богатыря – 3600!

[11] «Победа» – автомобиль ГАЗ М-20 «Горьковского автомобильного завода». Выпускался с 1946 по 1958 годы. Первым оценил новинку И. В. Сталин. 19 июня 1944 года ему показали образец будущего серийного автомобиля. Главный конструктор «ГАЗа» предложил назвать автомобиль «Родиной». Вождь иронично спросил: «И почем у нас будет Родина?» Тогда родился второй вариант «Победа». Сталин, глядя на автомобиль, улыбнулся: «Ну, не велика “Победа”…» Но потом добавил: «Пусть будет “Победой”». Обеспеченные советские люди могли выбирать между «Москвичом-401» (9 000 рублей) и «Победой» (16 000 рублей).

Дед настоял, чтобы внука назвали Александром, и всем доказывал, что Александр Андреевич Блинов, то есть, конечно же, Тихонов, звучит гораздо изящнее и современнее, чем Максим. Ну, вы понимаете, в силу каких обстоятельств он изменил своё мнение.

Матвей Генрихович Манизер отлил скульптуру точно в срок, как и обещал. 15 декабря 1953 года, тщательно упакованная, она прибыла в Кемерово в железнодорожном вагоне.

Константин Иванович благополучно пережил ревизию и остался главой города при полном доверии партии и правительства.

6 ноября 1954 года на площади по случаю торжественного открытия памятника А. С. Пушкину собрались «лучшие люди города» – партийцы и немногочисленные кемеровские деятели искусств. За ходом митинга бдительно наблюдали товарищи Ленин и Сталин, портреты которых окружали герб СССР на трибуне слева и справа.

Поэт стоял весь в белом. Праздничную речь произнёс первый секретарь обкома КПСС, потом – горкома, далее – председатель горисполкома Константин Иванович Горюнов.

Верёвки обрезали – белые одежды пали, и Кемерово увидел «нашего» Пушкина.

С площади вёл прямую трансляцию корреспондент областного радио Миша Ялин:

– Наш микрофон установлен на площади имени Пушкина. Сегодня, 6 ноября, здесь открывается памятник великому сыну русского народа, гениальному писателю Александру Сергеевичу Пушкину. На торжественное открытие памятника собралось несколько тысяч трудящихся областного центра. Пришли представители советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, рабочие заводов и фабрик, студенты, учащиеся школ и ремес-

ленных училищ. Многие из них в знак любви к великому поэту принесли огромные венки, живые цветы.

Карл Иванович обошёл вокруг памятника, в судьбе которого он принял такое живое участие, и оценил его:

– Совсем как живой. Ну, здравствуйте, Александр Сергеевич!

Уголь – не сахар

– Что получает шахтёр после смерти?
– Три дня отпуска, а потом снова под землю.
Хроника давно минувших дней
Площадь Советов

Главная площадь Кемерово, на которой расположены здания Администрации Кемеровской области и города, Правительства Кузбасса, регионального управления отделения ФСБ. В центре – классический памятник Ленину.

По её центру ещё до середины 50-х стояли взъерошенной кучкой старинные деревянные щегловские усадьбы с вековой историей. Со всех сторон их окружили махины из кирпича, стекла и бетона с ненашенскими колоннами в каком-то заморском стиле.

Так или иначе вся «громкая» история Кемерово связана с этой площадью. Здесь собирались шахтёры с требованиями в 1991 году. Выступал пред ними трибун Тулеев. Потом пришли люди в день объявления ГКЧП. Последняя народная сходка – шок после «Зимней вишни».

Застройка площади велась размеренно – в период с 1940-х по 70-е. В эти годы в СССР произошел резкий переход от торжественного сталинского ампира к лаконичному функционализму строгих прямых линий. Если посмотреть на площадь от памятника Ленину, то этот архитектурный ансамбль покажется случайной эклектикой, а кому-то даже хаосом, но стоит отойти от него метров на сто к Советскому проспекту, и его монументальная фигура свяжет разношёрстные здания в единое завершённое решение. Чудеса оптической иллюзии!

– Ты из Кемерово, а я – из Тагила. Мы – земляки! – мой случайный знакомый в сочинском баре просто светился от счастья, что встретил «земляка».

– Ну, Кемерово – это не так уж и близко от Нижнего Тагила, – попробовал уточнить я.

– Братан, да ты не понял. Знаю я, где Кемерово – Сибирь, кедры-шахты, Новосиб у вас рядом. Ты в корень зри! Мы же духовные братья – соль земли русской! Тебя как зовут? Сергей? Будем знакомы – Виктор!

– Виктор, был я как-то в Германии, немцы спрашивают: «Ты откуда?» Я им: «Из Кемерово». Полезли они в интернет, нашли политическую карту мира с фокусом на Россию и прилегающие страны и говорят: «А, понятно, это почти Монголия!» – ещё раз уточняю я географическое расположение Кемерово.

– Москва, Питер – там же русских уже нет вообще – одни пришельцы. А мы с тобой кто?

– Ушельцы? – развиваю я его мысль.

– Правильно! Мы всех их уйдём! – он залпом опрокидывает в себя вискарь. – Помнишь, как в восемьдесят девятом ваши шахтёры весь Союз расшевелили? Вся эта заваруха с вас и началась! Кузбасс – не продаст!

Конечно, я помнил, как 11 июля 1989 года в Кузбассе началась массовая забастовка шахтёров, которая вскоре распространилась на все угольные регионы СССР. Профсоюзы тогда не поддержали бастующих и встали на сторону руководства шахт. Возникла типичная революционная ситуация, впервые сформулированная В. И. Лениным в работе «Маёвка революционного пролетариата» (1913 год): «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для неё требуется ещё, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде». Стачкомы в шахтёрских районах фактически взяли на себя функции местной вла-

сти. Рабочие предъявили около 20 экономических требований: повышение дополнительной оплаты за вечерние и ночные смены и пособий семьям погибших шахтёров, совершенствование механизации и техники безопасности, улучшение снабжения, расширение строительства жилья, благоустройство городов, но – на тот момент – ещё не лезли в политику.

– А потом, как вы Ельцину дали прикурить в 98-м, когда «легли на рельсы»? Мы в Тагиле на нашем заводе за вас каждый второй тост с мужиками поднимали. Сила силу гнёт, да?!! – Виктор не может остановиться в своей гордости за Кузбасс.

– За Тагил! И за Кузбасс! – мой новый друг заказал нам с ним ещё по сто вискарика и обнял меня за плечи, как старого друга.

В 1991-м я был уже студентом-историком, и все события того времени для меня остались «не из газет».

СССР пал в один день. Вчера мы жили в совке, а завтра – уже нигде. Однако проблемы, которые были при нём в шахтёрских городах, никуда не делись и в конце 90-х в новой стране – России.

1 мая 1998 года в Кузбассе в шахтёрском городе Анжеро-Судженске несколько горняков объявили голодовку с требованием выплатить огромные долги по зарплате. Этому никто не придал значения – подобные акции тогда были повсеместным явлением. Через несколько дней в голодовке уже участвовали десятки шахтёров, и она была перемещена к зданию местной администрации. Со стороны властей – нулевая реакция. С 10 мая во многих городах Кузбасса шли уже не голодовки, а шахтёрские митинги. Власть по-прежнему оставалась глуха.

13 мая «киндер-сюрприз» – премьер-министр Кириенко, – выступая в Госдуме по поводу многочисленных акций протеста, заявил, что «такому давлению правительство не подчинится, а вместо этого продолжит “реструктуризацию” отрасли по требованиям Международного банка реконструкции и развития». Это и стало последней каплей.

14 мая шахтёры Кузбасса перекрыли движение по железным дорогам Кузбасса – началась «рельсовая война». На следующий день их примеру последовали шахтёры Ростовской области и Республики Коми. В последующие дни протест нарастал по кривой. Вся Россия оказалась охвачена волной перекрытий. Кроме шахтёрских регионов, были крупные перекрытия в Тюмени, Туле, Пермской области. Шахтёры требовали уже не только возврата долгов по зарплате, а выдвигали требование отставки президента. Такое было впервые в истории. Ежедневные сводки МВД начинались словами: «Сегодня обстановка в России остаётся напряжённой». Наивысшего накала борьба достигла 20-21 мая 1998 года.

В Кузбассе власть фактически оказалась в руках шахтёрских стачкомов. Их название – «Комитеты спасения». Газета «Трудовая Россия» назвала эти события генеральной репетицией Всероссийской политической стачки.

Власти через несколько дней наконец-то опомнились и отправили своих эмиссаров в шахтёрские регионы, дав им установку «обещать какие угодно уступки, лишь бы заставить шахтёров уйти с рельсов». Иногда доходило до совсем комичных ситуаций. Например, в одном из протоколов, подписанном властями и шахтёрскими профсоюзами в Кузбассе, в первом пункте было сказано: «…отправить Ельцина Б. Н. в отставку. Срок исполнения – 1 июля 1998 года. Согласовано – вице-премьер Сысуев, губернатор Тулеев».

11 июня 1998 г. в Москве у Дома Правительства РФ начался многомесячный пикет Независимого профсоюза горняков с требованием отставки Президента, получивший в СМИ название «пикет на Горбатом мосту». Он угрожал Кремлю не меньше рельсовых войн. Из Кузбасса в Москву приехали суровые сибирские мужики-шахтёры. Они долбили касками по Горбатому мосту у Белого Дома и требовали выплаты зарплаты и выполнения других требований. Это серьёзно испугало Кремль. Позднее Борис Ельцин в своих воспоминаниях напишет: «Может быть, сейчас уже мало кто помнит знаменитую “рельсовую войну” лета 98-го года, но уверен,

что Сергей Кириенко, кстати, как и я, с содроганием вспоминает ту волну шахтёрских забастовок.

…Надо сказать, шахтёрские лидеры быстро оценили ситуацию. Они поняли, что в условиях надвигающегося кризиса их действия вызывают громадный политический резонанс, подобный тому, какой вызывали их забастовки в мою поддержку в 1990 году. Тогда они выдвинули лозунг: Горбачёва в отставку, Ельцина в президенты!

…В 1998 году шахтёры использовали уже не только привычные экономические лозунги – возвращение долгов по зарплате и так далее. Впервые за последние годы, в столь массовом порядке, согласованно они вновь выступили с полномасштабной политической программой. Долой правительство! Ельцина в отставку!

…Это тяжёлое противостояние продолжалось больше трёх месяцев. Шахтёрский пикет, который расположился в Москве, прямо у Дома Правительства России, на Горбатом мосту, стучал касками, объявлял голодовки, развлекал журналистов.

…Но за шахтёрами, уныло сидевшими на Горбатом мосту, стояла огромная сила: озлобившиеся шахтёрские регионы, начавшие "рельсовую войну" с правительством». (Выдержки из книги Ельцина Б. Н. «Президентский марафон». М., 2000. С. 207-208).

Председатель Независимого профсоюза горняков А. А. Сергеев вспоминает: «11 июня мы высадились. В конце июня ФНПР принял решение о проведении акции с такими же требованиями. Дума начала процесс импичмента. Ушло правительство после 17 августа. А ведь мы предупреждали, если не изменить политику, будет крах. Ещё раз "обули" народ. 30 сентября мы провели переговоры с Маслюковым, и правительство сменило курс. Мы заставили это сделать. Предыдущее правительство мы убрали, поставили новое. Примаков внушает доверие. Задачу, таким образом, мы выполнили и ушли с Горбатого моста: Россию пробудили, властную элиту впрягли… А что нам было ещё делать? Брать штурмом Кремль и силой заставить Ельцина подписать отречение? Элита поняла, что пикет и рельсовые войны – это мирное развитие протеста. А что будет завтра?»

Следом в августе 1998 года случился дефолт, и страна оказалась на грани реального экономического банкротства. Широкой рабочей солидарности в стране, оказавшейся на грани распада, не было. Шахтёры были вынуждены идти на компромиссы со сформированным коалиционным правительством во главе с Е. Примаковым.

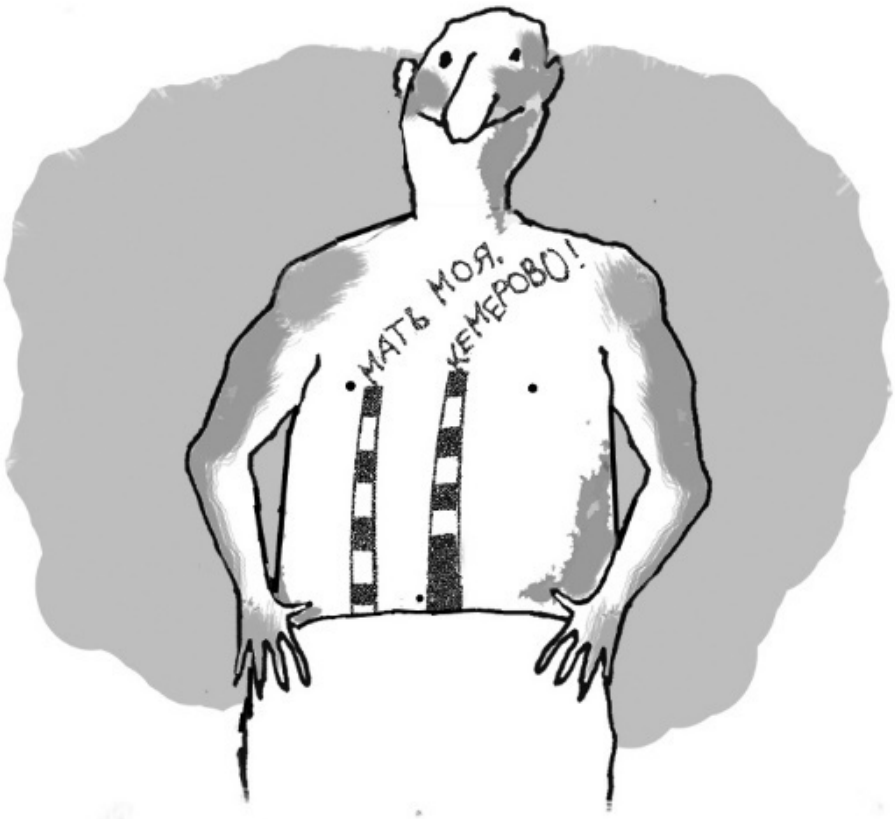
30 сентября 1998 года первым заместителем Правительства РФ был подписан Протокол с представителями шахтёров, пикетирующих здание Правительства РФ. Для погашения задолженностей по заработной плате государством было выделено 1,98 млрд рублей, это составляло две трети от общей задолженности по их заработной плате.

– У нас в Тагиле тоже крепкая рабочая косточка, но всё же настоящий русский характер – он в Сибири! А что, вот в Кемерово, да! У меня однокашник один в Москве осел – ну он из этих… из «фартовых»[12], – говорит: «Кемеровским всегда в столице среди братвы – уважуха. Если с "кемерунцами"[13] по рукам ударил, то так тому и быть. Никто в зад пятки не пойдёт».

Не стал я разубеждать Витьку, что бывало по-разному.

[12] Фартовый (воровской жаргон) – удачливый, такой, которому всё сходит с рук. Фарт – для любого дела великая вещь. Будет удача – всё пойдёт, как надо, и даже лучше того. А не будет – сколько ни бейся, останешься ни с чем…

[13] Кемерунцы (сленг) – обобщённое название всех кемеровчан, имеющих отношение к криминальным сферам.

До начала 90-х слово «Кемерово» в СССР не звучало. «Где это?» – спрашивали в Москве. Москвичи часто ошибались и по созвучию Кемерово – Кемери думали, что речь идёт о престижном районе в Юрмале с соснами и песчаными пляжами.

Сначала о Кемерово заговорили, когда начались массовые шахтёрские забастовки, а потом он надолго стал криминальной медиа-зоной, когда в лентах новостей появились кемеровские братки.

В отличие от коллег, например, из Екатеринбурга или Санкт-Петербурга, «кемеровские» не дошли до уровня национальных или городских вертикально организованных группировок типа Уралмаш или «тамбовских» ночного губернатора Питера – Барсукова. Эти контролировали всю жизнь в городе от мелкого бизнеса до промышленных гигантов, не упуская из виду никого и ничего. Не было в Кемерово и глобальных разборок типа Великой рэкетирской войны в Тольятти, в которой было убито более 400 человек. Здесь среди очень пёстрого круга «своих» сложилось относительное равновесие интересов, где чаще договаривались, чем стреляли. Вот такая была «дипломатическая» столица воров России.

– Вот у нас в Тагиле, чехи[14] всем хлебным[15] заправляют. Я тут с одним тёр по своим делам, так он между прочим сказал «перед кемеровскими рот не разевай – гланды вырежут, ты и не заметишь».

«Есть блатные, и есть спортсмены, а кто ты такой?»

[14] Чехи (сленг) – чеченцы.

[15] Хлебный (сленг) – выгодный.

Воровской мир Кемерово в 90-е был с мира по нитке – синие, спортсмены, чеченцы, грузины, ингуши. Центров силы было много, и несмотря на то, что время от времени на кладбищах появлялись мощные монументы с фотографиями в мраморе и граните пацанов в кожаных куртках и ключами от мерседесов на пальце, «по беспределу никто не борзел».

Многие из будущих «тузов» начинали свой путь с самого малого – стандартного рэкета ларёчников и челноков и постепенно поднимались до крышевания крупных региональных банков, выполняя при них роль одновременно службы безопасности и кредитных коллекторов: ничто не ново под луной!

Бизнес развивался, вместе с ним росли и амбиции. Появились казино и ночные клубы, большие магазины, оптовые склады – все в той или иной мере отстёгивали «крышам». Те из «блатных», которые зону не топтали и не были связаны «воровским законом», активно присматривались к коммерсантам и сами начинали обрастать бизнесом.

Слово «блатной», кстати, до середины 90-х обладало универсально широким значением и покрывало собой почти все виды привилегированных граждан. Не поехал со всеми копать картошку – блатной, знаешь кого-то в продмаге – блатной, купил машину – блатной, ну а если отбывал срок и занимал там любое место в воровской иерархии – «настоящий блатной». Затухая в своём былом величии, оно даст корни и в новые времена: «на блатных номерах», «блатные песни», но это уже будет от рыбы чешуя.

До определённого момента никто из авторитетов не ставил всерьёз целей единолично захватить всю «ночную» власть в Кемерово и далее в области. Здесь была своя движуха, в Новокузнецке – другая, а в Осинниках не признавали ни тех, ни других. Вооружены группировки были не хуже москвичей: автоматы Калашникова и «Agran-2000», пистолеты Макарова и Стечкина, снайперские винтовки, килограммы взрывчатки, гранаты и обрезы. Многие отличались религиозностью и регулярно посещали церковь. Считалось неприличным «работать» в святые праздники.

Единственная попытка стать «королём воров» в Кемерово, а далее – и в Кузбассе (аналог итальянского: capo dei tutti capi – босс боссов), была сделана Владимиром Сивороновым. Начинал он свой путь, как и многие другие, с торговли водкой, одно время работал коммерческим директором Новокемеровского пивзавода. В 1993 году учредил для легализации бизнес-ассоциацию «Союз предпринимателей Кузбасса». С высоких трибун полились цветастые речи о поддержке и развитие местного бизнеса и о необходимости всем слиться в «едином порыве». К коммерсам ту же устремились ходоки из нового союза с настойчивыми предложениями сменить «крышу» – обещали, что членство в новой структуре даст предпринимателям возможность платить в «котёл» фиксированный процент с оборота вместо произвольного «договорняка» с другими ворами, который мог идти и по беспределу. Деловым людям рассказывали про иммунитет от ментов и пожарников и решение их разных проблем не только с криминалом, но и в коридорах муниципальной и областной власти, помощь в банковском кредитовании. В ассоциации был свой нотариус, юридический отдел, «оружейка»[16]. Всё как в Италии.

Потом кое-кто будет говорить, что Сиворонов был «не при делах и не из этих», а первым пытался сформировать цивилизованное бизнес-сообщество Кемерово. Ну да, сказки в соседнем отделе.

Некоторые обиженные высокими расходами «на подогрев»[17] братвы предприниматели стали переходить на членство в ассоциацию, а значит, у других бригад касса пустела. Спустить такое без ответа

[16] Оружейка (сленг) – охранное предприятие с лицензией на хранение и использование огнестрельного оружия.

[17] Подогревать, греть (воровской жаргон) – передавать на зону деньги из воровского общака и продукты для осуждённых, отбывающих наказание.

Вопреки штампам из сериалов, отношения между коммерсом и крышей обычно выстраивались на принципах «всем добра» и «помоги ближнему своему».

Специально для тихо шелестящего коммерса разыгрывалась постановка с классической дилеммой вечной борьбы добра или зла или, как говорят в Голливуде, злого и доброго копа. «Вот “те”, которые с Пионерки, они у-у-у – звери, но мы решим с ними вопрос, чтобы они к вам больше не лезли. Работайте спокойно. Никто вам мешать не будет». Выпускники КемГИКа (кемеровского института культуры) их консультировали, что ли?

Показываемые в сериалах про 90-е паяльники, утюги и прочий горячий реквизит – это тоже, конечно, было, но это уже не рэкет, а чистый бандитизм.

Бандитизм – это продукт, как и революция, одноразовый: напали, отобрали, покалечили или убили и сгинули в ночь. Два раза царя не свергают. В отличие от него, типичный рэкет работал по схеме долгосрочных, тонко выстроенных дипломатических отношений, где важен был постоянный доход и широкая клиентская база. Чем не банк? Как и банк, рэкет только до подписания договора был мягкий и пушистый, а если что-то шло не так, ну дальше вы знаете: «Нужно было внимательно читать условия Договора». Например, клиент мог наивно подумать, что в его родном городе стало и так достаточно безопасно, чтобы и дальше тратить деньги на бесполезные услуги по защите от возможного геморроя, тогда ему аккуратно объясняли, что он неправ. Не прямо в лоб, а красиво, как в рыцарских романах.

На точку залетала пара наглых хулиганов – коротко стриженных ребят в чёрных кожаных куртках из кусочков каких-то неведомых зверей. Представители знаменитой кемеровской породы борцов-боксёров, с переломанными ушами-носами и толстыми накачанными шеями, начинали прямо с порога кидать предъявы:

– Вы чьи, лошары[18], будете? Чё, не в курсе, что это наше место?

– Да мы тут давно уже. Мы работаем под Сергеем Бугаром, – на этот случай внутри ларька на стене было крупными буквами написано имя защитника – «СЕРГЕЙ БУГАР», чтобы с перепугу никто из продавцов не растерялся и не мямлил, с кем же у них подписан договор.

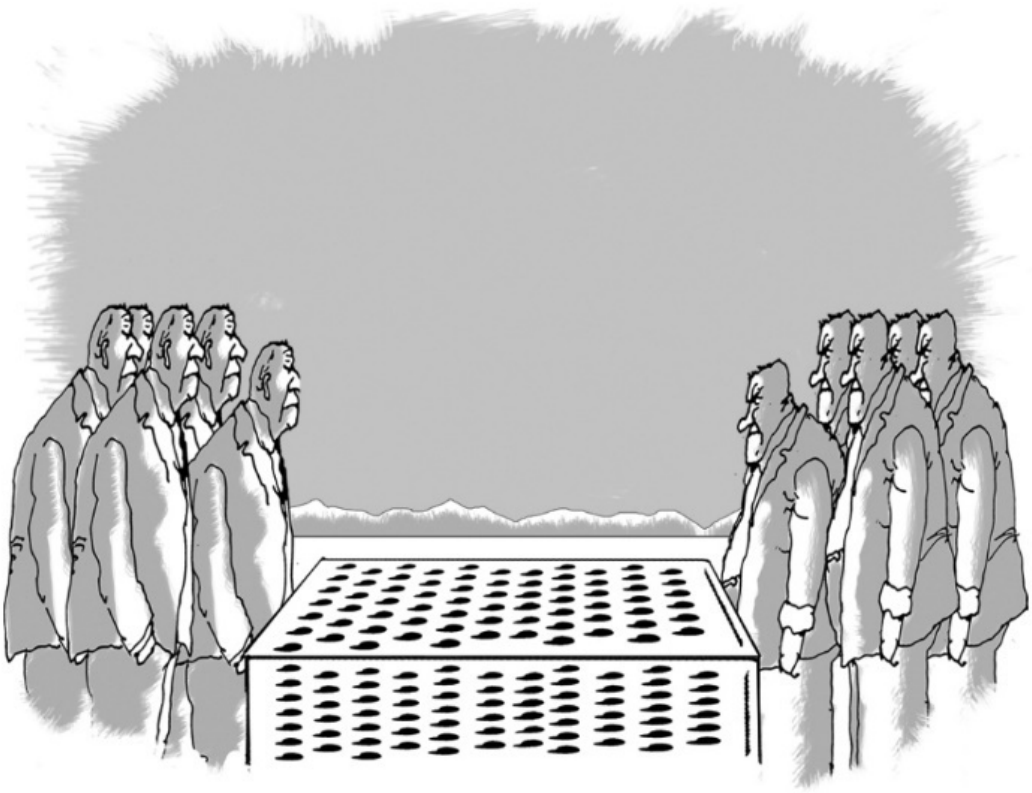
В это время дерзкие парни начинают хаотично хватать, что попадётся под руку в киоске: шоколадки, жвачку, рассовывая всё это по карманам – просто так, по праву сильного. Если продавец попытается «дёрнуться», то его осаживают:

– Слышь, ты чё, бессмертный? По ушам захотел? Щас выпишем. Скинь своей репе, чтобы завтра к десяти были здесь на месте. Посмотрим на них, – сплюнув для убедительности на пол, в знак презрения к поганым торгашам, микро-бригада уходит.

Коммерс, пребывающий в шоке от того, как оно, оказывается, в жизни бывает, бежит звонить куда надо, и на том конце провода его успокаивают:

– Не переживай, никто вас не тронет. Нас все в городе знают. Завтра приедем к десяти – решим все вопросы. Работайте спокойно.

[18] Лошара (воровской жаргон) – простодушный человек; жертва преступления. «Мама сейчас на отдыхе в Египте, звонит мне каждое утро и говорит: – Ну что, доча, ты на работу? – Да, мам. – А-ха-ха, лошара! Ну а я – на пляж! И кладёт трубку» (анекдот).

На завтра к условленному времени на чёрных и вишнёвых «девятках» приезжали сильные и благородные «рыцари» ордена «золотой печатки» и, бесполезно прождав с полчаса соперников из ордена «отмороженных ушей», объясняли:

– Вот видишь, что творится, мы сами в шоке! Сейчас столько шпаны расплодилось. Если что – сразу обращайся, подъедем. Ну, будь здоров!

Коммерс доволен. Платёжная дисциплина восстановлена. Воспитательная работа проведена по плану.

В отличие от Москвы и Питера, раздел Кемерово между рэкетирами прошёл по мягкому сценарию – каждый ларёк понимал, что ему надо к кому-то прибиться, и часто сам инициативно находил выходы на нужных людей – кто-то кого-то знал, где-то с кем учился и так далее. Между собой за крышевание конкретной точки группировки никогда не воевали и по улицам торгашей не отлавливали – «кто первый встал, того и бабки». Часто было важным застолбить за собой определённое доходное место в городе, а дальше все, кто приходил туда торговать, проявляли уважение (а как иначе?) и регулярно вносили необходимые донаты в кассу. Крутые места – вокзальная площадь, Старый цирк на Кирова, Кольцо.

Самый большой кусок кемеровского пирога – рынок на Октябрьском –контролировала, кстати, госпожа Новикова наряду с ночным бардаком Венерой, быдло-клубом Марс и многим другим. А начинала она карьеру как сотрудник милиции в ОБХСС и хорошо там росла по служебной лестнице, а потом перешла на другую сторону силы. Вот так всё затейливо переплеталось.

Да и вообще, что мы привязались к этому рэкету как к символу 90-х? Кратковременное социальное явление в эпоху расцвета великой музыкальной группы всех времён и народов – «Ласковый май». В короткий «золотой век» ларёчной культуры и сбивания первых бригад он был для них интересен, как первые деньги на прокорм и школа «юного бойца», а потом романтика ушла – у них наладились гораздо более интересные и денежные дела: уголь, металл,

карбамид. Многие от него отошли сами, а те, кто и остался в деле, занимались им уже по инерции – больше для поддержания «общественного» веса и из любви к профессии.

Что там с Сивороновым порешали по итогу?

Ему было сделано окончательное предупреждение: «Не груби, Володя. Без нужды не доставай, без бабы не всовывай».

Владимир не принял это всерьёз, и следующим шагом уже стало покушение на него.

В 1996-м он срочно уехал в ОАЭ, залёг на дно и открыл там какой-то бизнес. С Родины ему прислали весточку: «Володя, живи ровно, мы не в претензиях, но в Кемерово не ждём». Сиворонов чётко понимал возможный сценарий при возвращении и тихо жил в ОАЭ, но выдержки у него хватило ненадолго. Уже в 1997-м, думая, что всё улеглось и обиды «закопали», он прилетел на Родину и ровно через неделю был убит. В тот день Владимир Сиворонов посетил коммерческую фирму «Савтос» на улице Мичурина, 13. Вечером он вместе с сыном вышел из здания и направился к своей машине. К ним подошёл неизвестный гражданин и трижды выстрелил в упор. Сиворонов от полученных ранений скончался на месте, а его сын был ранен. «Вова, ну мы же тебе говорили!»

«Хочешь много бабла – иди на завод».

Особенностью кемеровских криминальных сообществ было по факту относительно низкое проникновение в промышленный сектор. Они пытались влезть на шахты, наезжали на коммерческие отделы заводов по снабжению, чтобы подсунуть «своих» поставщиков, но и часто получали «ответки» – крупняк умел за себя постоять. Вагон селитры с «Азота» они, конечно, могли украсть, но кормиться с больших предприятий на постоянку им была не судьба.

Реальные пацаны из «красных директоров» под «крышей» губернатора угнали всё хорошее раньше них.

Прибыльные промышленные активы Кемерово быстро поделили московские олигархи и местные бизнесмены с такими связями в силовых структурах и в коридорах власти, как, например, у Бориса Зубицкого (АО «Кокс») или у Олега Шарыкина («Топкинский цемент»), что дотянуться до них ни синим, ни спортсменам было не по зубам. Ну и, конечно, за всем крупным бизнесом лично присматривал «народный» губернатор –Тулеев. Тех олигархов, которые считали, что они сидят выше его трона, он ставил на место, как это случилось с Михаилом Живило – владельцем группы компаний МИКОМ. По словам самого Живило, дело было в нежелании МИКОМа перечислять деньги в «фонд риска», созданный администрацией (прообраз модели социально-экономического партнерства). На контролируемый им разрез «Черниговец» зашёл ОМОН, и у Живило его тупо забрали. Его другие активы в Кузбассе тоже сначала сильно обесценились, а потом и вовсе превратились «в тыкву».

В 2004-м, когда СДС[19] получил из рук губернатора в управление ценный актив – Мариинский спиртовый комбинат, – один из его руководителей признался: «Я думал, там (в Мариинске) придётся из танка руководить, а как-то тихо всё обошлось».

Что здесь было ещё делить после «правильных пацанов»? Многие из братвы начали искать «хлебные места» за пределами города и области. Куда не приедешь, везде звучали «кемеровские» – Москва, Анапа, Сочи, Калининград. Авторитеты в 90-е стали одним из стратегических продуктов Кемерово на экспорт.

Два ОМОНовца разговаривают:

– Едем мы недавно на автобусе на задание, вдруг впереди Мерс по тормозам, наш водила не успел тормознуть – всю жопу ему разнёс.

– Ну а дальше чё?

– Ну чё, вылезают из Мерса братки…

– Дальше, дальше-то чё?

– Да ничё, просто вылезают. Мерс-то разбитый, чё в нём сидеть…

Есть мнение, что в 90-е правоохранительные органы в Кемерово «ушли в тень» и самоустранились от борьбы с криминальными бригадами. Это не так.

Уже в 1993-м в Кемерово появился 6-й отдел по борьбе с организованной преступностью при УВД Кемеровской области. Часть коммерсантов, имевших личные знакомства с сотрудниками 6-го отдела, получали защиту от криминальных наездов. Их не трогали. Милиция не лезла активно в разборки между авторитетами, а занимала позицию наблюдателя за битвой «скорпионов в банке» – кто останется в живых, с теми и будем иметь дело. Никаких крутых наездов на воровские сходняки, как в Москве, с шоу-программой для телевизора – «всем лежать мордой в пол» – в Кемерово не устраивали.

[19] СДС – АО «Холдинговая компания „Сибирский деловой союз“. Компания основана 12 августа 2004 года. Холдинг, корни которого растут из Кемерово, но протянулись далеко за пределы Кузбасса. Сфера интересов максимально всеядна: добыча угля, химия, строительство, страхование, реклама. Всё, что плохо лежало в Кемеровской области оказывалось в копилке СДС. Сам факт его появления в 2004 году, когда всё в России было уже поделено и попилено, показывает, что настоящие деловые люди всегда найдут свою «тему». Злые языки утверждают, что в стремительном росте холдинга сыграло большую роль близкое знакомство одного из его акционеров – Владимира Гридина с Аманом Тулеевым, который работал под началом будущего губернатора начальником Новокузнецкой дистанции гражданских сооружений железной дороги. Но это только слухи.

Позднее выяснилось, что многие лидеры преступных группировок активно сотрудничали с органами и поставляли им информацию о состоянии дел в воровской среде. Информаторы среди «своих» были и у КГБ, и у милиции. Проще всего органам было работать со «спортсменами», поскольку те не были связаны воровскими законами[20] и понятиями, которые отрицали любое сотрудничество с «погонами»[21].

Время от времени какой-нибудь «волосатый» авторитет неожиданно для всех навсегда исчезал с горизонта. Поговаривали, что у ментов существовал специальный «отстрельный» отдел для выборочной ликвидации ключевых фигур в фартовом мире – постепенно прореживали братву, чтобы «паханы» правили на зоне, а на свободе только отдыхали. А может, и не было ничего такого. И то, и другое – слухи. Многие из них сами сели на иглу, а век по наркоте – короткий. Другие – ушли в банкиры. Суровая братва из 90-х не смогла превратиться в сицилийские кланы и стать «государством в государстве» – не вписалась в новый век.

К 2000-му в Кемерово наступила новая эра – власть «погонов».

[20] Воровской закон (воровской жаргон) – неписаный свод правил и норм поведения в воровском обществе, возникший то ли в 20-е, то ли в 50-е годы прошлого века. «Правильный» вор в законе должен жить в скромности, не иметь квартир, машин и сбережений. Все средства отдавать в общую кассу – так называемый общак. Ворам запрещалось носить на теле дорогие украшения. Максимум – татуировки, подтверждающие статус. Не брать в руки нож или пистолет. Всю «грязную» работу «законник» без зазрения совести мог поручить своим «подчинённым», стоящим рангом ниже. Им не разрешалось сотрудничать с правоохранительными органами, иметь семьи или работать.

[21] Погоны (сленг) – обобщённое название всех сотрудников силовых ведомств.

Доходное место

Трудящийся приходит домой
и застаёт жену с любовником:
– Вот вы здесь глупостями занимаетесь,
а в «Садко» чешские туфли дают!
Лично пережитое
Вещевой рынок – ул. Тимирязева (ныне – улица Соборная)

Вещевой рынок Кемерово с послевоенного времени до 1989 года располагался на улице Тимирязева (сейчас это улица Соборная) рядом со сквером Гагарина.

Центр воскресной жизни и неформального отдыха кемеровчан в эпоху, когда про видики никто ещё и не слышал, а телевидение не баловало во всех смыслах.

28 марта 1989 года горисполком принял решение о проектировании земельного участка площадью 1,5 га между улицами Тимирязева, Луговая, Кавалерийская и Гагарина – речь шла о территории рынка.

18 ноября 1989 года градостроительный совет после страшной борьбы и препирательств выдал разрешение на строительство на этой территории Знаменского собора и ансамбля.

Спекуляция в СССР была, может быть, и не самым страшным, но уголовно наказуемым преступлением. Статьёй 154 УК РСФСР 1960 года за неё предусматривались следующие меры ответственности: либо лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией имущества или без таковой, либо исправительные работы на срок до одного года, либо штраф до 300 руб. Мелкая спекуляция, совершённая повторно, наказывалась исправительными работами на срок до одного года или штрафом до 200 руб. с конфискацией предметов спекуляции, а спекуляция в виде промысла или в крупных размерах – лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества.

Закон был суров, но поскольку в СССР дефицитом умудрились стать практически все товары высокого качества, советский человек умел «крутиться». Отношение к спекулянтам в обществе было нейтральным. В спину им не плевали и в подворотнях «по идейным соображениям» не били.

Всё детство я провёл у бабушки, которая жила на Сибирском переулке – это если пройти чуть вглубь частного сектора от перекрёстка нынешней улицы Соборной (экс-Тимирязева) и Сибиряков-Гвардейцев.

В одной трамвайной остановке от нас был городской базар или, по-народному, барахолка. Сейчас на его месте – Знаменский собор. Поход на базар был главным городским событием по выходным дням. Здесь собирался весь Кемерово. Прогуляться по набережной, сходить в кино или, бери выше, в театр – разве это воскресные развлечения, а вот базар – совсем другое дело. И не важно, что денег нет, как и планов что-то купить, – здесь место встреч, разговоров и нарезания кругов вокруг прилавков.

В будние дни он не работал, только какие-то самые алчные бабки торговали семечками у закрытых ворот.

Всё разнообразие товаров и продавцов частной торговли города Кемерово умещалось на квадрате примерно 100 на 100 метров. Увидели бы вы сейчас «многообразие» выбора тех лет, вы бы заплакали или рассмеялись, но времена не выбирают.

Итак, пошли!

Слева, вдоль трамвайных путей, – собачий ряд. У высоких тополей продавали щенков, собак и редких кошек. Кошки в то время не считались товаром – моды на экзотические породы ещё не было (пожалуй, только на сиамскую), а дворовые плодились и размножались сами по себе. Основной товар – собаки: овчарки, охотничьи и декоративные. В этом собачьем ряду и произошло моё первое грехопадение – я продал друга.

Каждый советский мальчик откровенно или втайне мечтал о немецкой овчарке.

Овчарка была культовой собакой всесоюзного масштаба. Обязательная героиня всех фильмов про войну, пограничников и уголовный розыск. Крепкая. Умная. Подтянутая.

Существуют две родственные породы – немецкая и восточноевропейская овчарка. Базовой породой для выведения восточноевропейских послужили немецкие овчарки, вывезенные из Германии в СССР в 1930-е годы.

Ценились они обе, но немецких овчарок уважали больше, чем европеек, даже несмотря на то, что они были «немецкими». Как говорится: «держи друзей близко, а врагов ещё ближе». Никакие эсэсовцы со шмайссерами и злыми собаками на длинных поводках в фильмах про недавнюю войну и Штирлица не смогли испортить им безупречную народную репутацию. Они были Образцом верного служения человеку. Да, было время, они немного сбились с пути, но потом осознали и присягнули на верность Родине и советскому народу.

Моё беспросветно несчастное детство прошло под завывания: «Хочу собаку!»

Я хотел её так сильно, что готов был ради неё на всё: учиться только на отлично, регулярно убираться в своей комнате, ходить к бочке за квасом столько раз в день, сколько скажут – в общем, быть идеальным ребёнком. Родители, если бы захотели, могли бы под это навязчивое желание вить из меня не просто верёвки, а корабельные канаты, но им это в голову не

приходило. Я устраивал им бойкоты и голодовки, не разговаривал днями и неделями, лежал под одеялом и тихо рыдал.

Я хотел не просто собаку, а такую большую, с умными тёмными глазами и острыми стоячими ушами. «Она смешно наклоняет моду и навостряет уши, когда слушает, и будет точно исполнять мои команды. Купите немецкую овчарку!» – убеждал их я.

Моя «собачья история» началась рано утром в ноябре 1976-го.

Я – ученик 1 «А» класса школы №31 города Кемерово. Учусь с первой смены.

Около 6 утра у нас зазвонил телефон. «Кто говорит?» Нет, не слон. Это было очень странно – таких ранних звонков никогда не было. Дом спал. Мама взяла трубку и сквозь сон спросила:

– Кто это?.. Собаку, какую собаку?

Я услышал «волшебное» слово и моментально вскочил с постели:

– Собаку, давай собаку!

Мама ещё окончательно не проснулась, поэтому честно призналась:

– Звонила моя студентка, у неё ощенилась собака, – и ушла досыпать.

Маму, конечно, я дожал. Через несколько дней мы со старой кроличьей шапкой чёрного цвета поехали за собакой.

Кролик был самым близким другом советского человека после управдома – «это не только ценный мех, но и три-четыре килограмма диетического, легкоусвояемого мяса». Хулиганы на улицах – и те не снимали с прохожих кроличьи шапки даже в самых дерзких районах Кемерово: это было уж совсем западло. В каждой семье на антресолях валялись поношенные, затёртые, засаленные кроличьи шапки. Выбросить их было жалко, а носить уже стыдно.

Приехали. Собака оказалась болонкой. Поговорили, завернули пахнущий счастьем комочек в шапку – и домой. Она была беспаспортная и белоснежно белая – одним словом, «Фенька»!

Первые полгода я был на седьмом небе от счастья – ухаживал за ней, гулял, кормил. Фенька росла и превратилась в прелестную лохматую болонку. А я опять начал «скулить». Собака оказалась собаке рознь! Я-то хотел овчарку, чтобы дрессировать её, учить всяким командам, задерживать хулиганов и даже, возможно, шпионов.

А эта – издевательство какое-то, а не собака.

Настроение моё всё больше портилось. Я понял, что суровая судьба сыграла со мной злую шутку – подсунула мне «ни то, ни сё» вместо овчарки.

Уже второклассник, Сергей Колков принял первое важное решение в своей жизни – продать собаку.

В воскресенье я проснулся в гостях у бабушки и твёрдо сказал:

– Я иду на базар продавать Феньку!

Бабушка относилась к Феньке спокойно и без личной привязанности, как всякий деревенский человек относится ко всему живому – скотина, она скотина и есть.

Мой план был продать её и купить взамен щенка овчарки, чтобы всё в моей жизни стало «по-настоящему».

Я быстро оделся, взял Феньку на поводок и двинулся в сторону базара, бабушка покорно засеменила следом за мной.

Пришли на базар. Занял свободное место у тополя в собачьем ряду. Вокруг меня моментально собрались люди. Вид живописно кучерявого мальчика с такой же кучерявой, но только белой болонкой в ряду взрослых продавцов был необычным.

Какой-то рослый пацан, сплюнув шелуху от семечек на землю, спросил, сам себе ответив:

– Чё, друга продаёшь?

Я промолчал. Мне не хотелось рассказывать какому-то чужому мальчику, как обманула меня судьба-злодейка.

Стою. Отчего-то мне стало сильно стыдно, но отступать уже некуда. Стыдно было не от того, что продаю Феньку, а стыдно вообще что-то продавать.

Вскоре появился перспективный покупатель – женщина средних лет:

– Сколько стоит собака?

Это было неожиданно.

Продать-то Феньку я решился, но моё решение было твёрдым и бесформенным одновременно. До этого я ничего и никому в своей жизни не продавал, даже за пять копеек. Ни с мамой, ни с бабушкой я этот план не обсуждал. За сколько? Цена меня не волновала, я о ней вообще не думал – главное, чтобы хватило на овчарку.

Женщина мне сразу понравилась, она была симпатичная и «городская».

– Мальчик, и сколько же стоит? – повторила она вопрос.

Так… Я чуть-чуть подумал и выпалил:

– Пятьдесят!

Почему «пятьдесят»? Просто это была самая большая купюра, которую я видел в своей жизни, – зелёная, хрустящая, с серьёзным дедушкой Лениным в полосатом пиджаке.

Бабушкина пенсия была сорок рублей. Она ахнула:

– Деньжищи-то какие!

В её голове не укладывалось, как бесполезная в хозяйстве собака может вдруг стоить таких бешеных денег.

Покупательница, напротив, совсем не торговалась:

– Хорошо, беру.

Достала «те самые» пятьдесят рублей одной хрустящей бумажкой и вручила их мне.

Дальше всё произошло, как в тумане, – я положил их в карман, отдал женщине поводок с Фенькой в нагрузку, развернулся и пошёл домой. Бабушка как тень заследила за мной вслед. В тот день я был не в состоянии приценяться к щенкам овчарок. Больше Феньку я никогда не встречал.

Всё случилось по-настоящему – настоящие деньги за настоящее предательство.

А базар жил своей жизнью.

На пятачке перед входом стоит автобус пазик – из его форточки, вопреки недоброму отношению власти к кривлянию молодёжи под иностранные малопонятные слова, льётся на базар громкий свет «не нашей» музыкальной культуры, благословляя в городском масштабе развитие товарно-денежных отношений на потребительском рынке. Энергичные хиты «с той стороны» великой советской стены местные просветители «пилят»[22] на целлулоиде, потом скобой крепят к открытке «С новым годом!» или «С 1 мая» и пускают люкс для бедных в народ. Как ни странно, но при всей постоянной и неусыпной борьбе партии за нравственный и культурный облик советского человека, здесь – на воскресном базаре – эта политически безупречная машина, которая по будням была «в каждой бочке затычкой», тоже отдыхает. Образовывалась какая-то загадочная пустота контроля – всё шло куда-то туда, куда и должно было прийти: не к торжественной Зыкиной или задорной Ротару, а к вполне похабным, но очень желанным Boney M с их «Ra ra Rasputin. Russia's greatest love machine. Women would desire. Oh, those Russians» (англ. О, Распутин – это великая русская секс-машина. Женщины бы его хотели. О, эти русские).

Слушать такую открытку можно было достаточно долго. Никакой речи о hi-fi, конечно, не было. Да и качество звука на советских массовых проигрывателях типа «Аккорд» слушателей мало волновало – главным было чувство радости от прикосновения к далёкому празднику

[22] Пилить (сленг) – наносить на гибкую заготовку из полиацеталя звуковую дорожку музыкального произведения путём резки каждой заготовки индивидуально на специальном станке.

жизни. Казалось, что на этом самом Западе все так и живут – легко и играючи, под песни Boney M. Как бы ни старался политический обозреватель Бовин в телепрограмме «Международная панорама» рассказывать о тяжёлой жизни рабочих в странах капитала, их лица на заднем фоне были подозрительно сытыми и довольными.

Одна песенка – один рубль. Из автобуса рвались наружу шлягеры ABBA, Boney M, Dschinghis Khan, Afric Simone и прочая вкуснотища. Крутили их секунд по тридцать – основной куплет и мотивчик. Нужно было стоять рядом с автобусом и ловить какую-то самую клёвую песню, а потом бежать к окошку и объяснять: «Мне вот эту: капа-да-па-дапа, да-да-да, а люська залетела, шозадела!» Пока несёшься покупать понравившуюся, из форточку вырывается уже другая – ещё более вкусная, а денег-то на кармане всего «рупь».

Хит-парад у пиратов был на мировом уровне – всё самое свежайшее здесь и сейчас. Названий исполнителей и групп никто из покупателей толком не знал. «Наша» музыка была в этом пазике не в почёте – время «Ласкового мая» ещё не пришло. Дельцы из автобуса хорошо разбирались во вкусах кемеровчан. Торговля шла бойко – стояла очередь.

Потом одного из руководителей кемеровской Рембыттехники, под крышей которой долгие годы шло это аудиопиратство, арестует ОБХСС. При обыске у него, в числе прочего, найдут стартовый спортивный пистолет, переделанный под патрон «мелкашка» и, самое страшное, золотое кольцо с американским национальным девизом, выгравированным внутри, – «In God we trust». Из-за этого кольца газета «Комсомолец Кузбасса» напишет о нём статью на полполосы, почти как об изменнике Родине: «Сегодня крутит БониЭм, а завтра свалит насовсем!»

Чуть позднее, с появлением первых кассетных магнитофонов, на этот же пятачок перед входом на барахолку впишутся ещё и новенькие жигули. Сидящий в них в «строгаче»[23] лысый дядька будет продавать кассеты с записями. В начале 80-х в его ассортименте впервые появятся «наши люди»: Высоцкий, Галич, Жванецкий и Северный. Лёд тронулся – Boney M, подвиньтесь! Кассета будет стоить десять рублей – немалые деньги.

Самоё козырное место базара – входные ворота, территория цыган. Толстые горластые тётки в цветастых юбках с золотыми улыбками советских рокфеллеров – «королевы торговли». Трясут полиэтиленовыми пакетами Beriozka[24] (Берёзка), Монтана, Пугачёва. Хит продаж – с грудастыми ковбойскими девчонками, тугие задницы которых упакованы в джинсы Lee – доходит в цене до шести рублей; Аллу Борисовну делят надвое – по трёшке, что делать: sex sales (англ. – секс продаёт). Другой их ходовой товар – жвачка. «Лёлек и Болек» из Польши, «Kalev» из Прибалтики и очень редко – штатовский «Дональд Дак». Когда открылось производство в Москве, начали спекулировать и нашей – производства «РотФронт»: мятной, апельсиновой и клубничной. Самопальная тушь для ресниц, хна для окраски волос, помада, колготки.

В глубине рынка, в ряду под навесом, рядом с аквариумными рыбками, торговали жвачкой местного кустарного производства. «Лёлек и Болек» стоила от полутора до трёх рублей. Местная – 20 копеек. Выглядело это так: литровая банка с мутной водой, на дне которой лежали коричневые кусочки чего-то похожего на ириски. Тётка-продавец ловко цепляла их

---

[23] Строгач (сленг) – классическая модель костюма Adidas. Тёмно-синий костюм из гладкого полиэстера с тремя полосками на рукавах и брюках в лаконичном дизайне. Слева на груди – небольшой трилистник (сейчас логотип Adidas Originals). Цена на базаре в разные годы от 300 до 700 рублей. Чтобы носить строгач, нужны были не только деньги, но и признанный обществом «авторитет». Без «авторитета» срок носки мог стать очень коротким. У одного из кемеровских блатных был такой костюм с аккуратно заштопанной дырочкой от ножевого пореза. Костюм достался ему от прежнего владельца.

[24] «Берёзка» – фирменная сеть розничных магазинов в СССР, реализовывавших товары и продукты питания за иностранную валюту (иностранцам) и сертификаты, а позже за чеки Внешпосылторга, которые получали как часть зарплаты советские загранработники, дипломаты и военные. Магазины этой торговой сети существовали только в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и крупных портовых городах – Севастополе и Ялте. Вход в магазин контролировал милиционер, который мог подойти и поинтересоваться: «Гражданин, откуда цветная капуста, родной?», а дальше сюжет развивался по обстоятельствам.

вилкой и клала на листочек фольги. Как-то раз мы с бабушкой её купили. Ну как описать это «чудо»? Не иначе как гудрон согрешил с гематогеном или ириской.

Продвигаемся на рынок. Слева – торговые ряды. Вкопанные в землю покосившиеся деревянные столбы сверху застелены отполированными временем кривыми досками. За ними стоят женщины и бабки. Мужчин почти нет. Торговля – как частная, так и государственная – считалась в Кемерово делом женским. Продаётся всякая всячина. И ношеные вещи, и самосшитые, посуда, часы, овчинные полушубки, шали, вязаные носки и варежки – буквально всё! Чтобы занять хорошее место, нужно прийти пораньше – часов в шесть утра.

В этих рядах, среди торговок всякой самодельщиной, встречались и мелкие спекулянты из интеллигенции. Схема была такая: если в семье был автомобиль, то нужно было ездить по глухим деревенским магазинам и искать там что-то такое дефицитное, что в деревне никому не за надо. Например, модный портфель-дипломат. Его можно было купить в сельпо рублей за двадцать, а продать на базаре за тридцать-сорок. Роли в семейном бизнесе делились так: муж гонял в поисках дефицита по дальним деревням, а жена продавала его на базаре.

Все они официально где-то работали – жить в Кемерово одной спекуляцией было невозможно, это же не Москва. Встретить на базаре коллегу по работе, продавая дефицит с накруткой, было не криминально, но всё-таки немного стыдно. Дело было даже не в само́м факте публичной спекуляции, а в том, что профессия работника торговли или «торгаша» считалась «второго сорта». Иметь «своего человека» или водить знакомство с директором магазина либо

товароведом крупного магазина было очень престижно и полезно, но… шахтеры, химики или учёные – вот настоящие герои страны, а торгаши – неизбежное зло.

– А ты, кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросили у Павлика в детском саду перед выпускным утренником.

– Я хочу стать директором универмага! – уверенно ответил дальновидный ребёнок в 1975 году.

Через несколько дней на собрании с родителями заведующая детским садом рассказала:

– Товарищи, мы спрашивали у ребятишек, кто кем хочет стать. Игорёк – пожарным, Танечка – доктором, Петя – милиционером, а Павлик сказал, что директором универмага (смех среди родителей). Интересный выбор, я впервые с таким встречаюсь за тридцать лет работы… – мама Павлика готова была вместе со стулом провалиться куда-нибудь – главное, подальше отсюда, но тоже улыбалась, как и все вокруг, «детской неожиданности».

Многие врачи, преподаватели вузов и прочая «прослойка» время от времени пытались подзаработать на базаре, но в регулярный заработок это не превращали. Было стыдно и страшно. ОБХСС всё-таки не дремал на страже социалистической законности. Весь городской рыночный народ был на этом квадрате как на ладони, и попасть в поле зрения милиции было запросто. Да и достать что-то ценное в деревнях не всегда получалось – колхозники тоже хотели жить и выглядеть не хуже городских.

Случаев вынесения приговоров и осуждения граждан Кемерово на реальные сроки за продажу какого-либо штучного предмета на базаре, пусть даже и по завышенной цене, не было. Могли оштрафовать или, согласно статье 33 УК РСФСР («Общественное порицание заключается в публичном выражении судом порицания виновному с доведением об этом в необходимых случаях до сведения общественности через печать или иным способом»), написать письмо на работу: дескать, а ваш-то сотрудник – «махровый»* спекулянт, разберитесь! Ну а дальше – товарищеский суд, профком и отправят неудачника в самый хвост очереди на улучшение жилищных условий. А это, надо вам сказать, был страшный приговор.

Дела по статье 154 милиционеры шили без фанатизма, потому что звёздочку за мелкого спекулянта точно не получишь: «Ну, купил гражданин Петров ковёр за двести рублей и перепродал за триста. Мелкое правонарушение». Гораздо интереснее им были крупные системные перепродажи, совершаемые должностными лицами в торговле и в общепите: уход дефицитных товаров с баз, минуя магазины, скупщикам, махинации в ресторанах. При полном отсутствии в ресторанах СССР контрольно-кассовой техники просторы для обогащения там были необозримыми. Но там у сыщиков была другая проблема: большинство советских директоров в торговле и общепите были хорошо «вписаны» в систему, и голыми руками их не возьмёшь. У каждого из них имелись «свои люди» среди партийцев, больших милиционеров, прокуроров и т. д.

Вдоль ограды базара слева – продавцы ковров. Ковры входили в тройку сакральных желаний советского человека: ковёр, хрусталь и дублёнка. Ни одного, ни другого, ни третьего никто никогда не видел на прилавках магазинов, но у всех на стенах и в сервантах «это» было. Ковры большими цветными парусами висели на деревянном заборе. Те, кто не успел занять место на заборе, продавали с земли, отогнув край ковра для демонстрации узора и расцветки. Где-то там же ещё и мебель.

Вперёд от входа по центру – бабки с семечками. Торговок шесть в ряд. Щегловские кулацкие морды. Зимой – в тулупах, закутанные в плотные коричневые и серые шали. Летом – опять же в чём-то чёрном и замотанные в кокон платков. На земле стоят большие холщовые кулимешки с жареными и сушёными семечками, за ними на скамеечках сидят необъятные торговки. Одна из них негромко зазывает покупателей:

– Сёмки-сёмки, налетай! В моде свежий урожай!

– Летит в небе самолёт, пилот семечки грызёт, – отвечает ей товарка с другого краю.

Стакан – 20 копеек. Здесь-то и идёт самая бойкая торговля на базаре – покупает каждый второй. Бабки рубят «бабки». Двадцатник – сущая мелочь, найдётся у всякого. Для милиции тулупы с сёмками – «колхозная шушера», а на самом деле – настоящие воротилы теневой экономики! Какие деньги поднимали…

Вся земля, куда ни глянь, вокруг покрыта слоями шелухи. Принято ходить-глазеть, нырять рукой в кулёчек и сплёвывать её на землю. Осенью и весной здесь под ногами специфическое месиво из грязи и шелухи, похожее на навоз.

Как всегда, доступная цена и массовый спрос творили чудеса. В воздухе уже был разлито молоко «быстрой наживы» на купи-продай, но немногие из страждущей лёгких денег молодёжи понимали, что настоящие капиталы куются у них под носом через стакан за 20 копеек. Им грезился Adidas, финские куртки и японские часы с семью мелодиями как предметы для перепродажи и быстрого обогащения. В ходу были сложные схемы – слетать в Таллин, купить там у поляков дешёвую бижутерию и перепродать её в Кемерово или привезти из Калининграда вязаные финские шапки Karhu. Малолетки считали, что где импортное, там и большие барыши. Лопухи! Вот таких «молодых да ранних» и прихватывал ОБХСС. Настоящим искусством крутого барыги при этом было незаметно «скинуть» товар, пока милиционеры вели его к своей будке, которая располагалась здесь же – в глубине барахолки. Деньги он, конечно, на этом терял, но сейчас важнее было уйти «сухим» – без протокола. «Где товар?» – «Какой товар? Сказали идти, я и шёл, а товара у меня никакого и не было…»

Шумит базар! Справа – ряды с аквариумными рыбками, всякими мелкими домашними животными типа хомячков и морских свинок. Далее направо – поросята, кролики. Ещё чуть глубже – гашёная и негашёная известь, корма для домашней скотины, какие-то клетки, самодельные деревянные лопаты, мётлы, веники…

Дальше по прямой – «алики», парни из Средней Азии с прилавками помидоров и огурцов. Тоже малоприметные советские миллионеры, как и грузинские цветоводы – «гвоздичка за рубль». Ну сколько заработаешь на помидорах? Нормально.

У бабушки в доме была свободная комната, которую «алики» регулярно снимали. Имена у них были длинные и замысловатые, и бабушка их плохо запоминала:

– Баба Паша, зови меня просто Алик! – сказал ей как-то один из жильцов, так она всех их и называла.

Овощи привозили машинами. Ассортимент был небольшой, но проверенный: помидоры и огурцы. Сорили деньгами перед местными девчонками, ходили обедать по ресторанам. Не бедствовали.

Центральный пятак, прямо в центре базара – здесь держатся «тёртые калачи»: бесцветные неприметные лица, очки в модных оправах, одежда неброская, но фирмá. В отличие от остальных торгашей, товар напоказ не выставляют – нужно спрашивать, «что есть»: джинсы, дублёнки, импортный трикотаж, финские сапоги, спортивные костюмы и кроссовки Adidas. Товар хранится в машинах, припаркованных где-нибудь на соседних улицах. Примерка и расчёт – там же. Их немного, всего человек десять, выглядят они самоуверенно, особенно ничего не боятся – у них с милицией всё давно «притёрто». «Таких не берут космонавты» под белые руки и не ведут к будке общественного позора; если планируется операция по борьбе со спекулянтами, то в этот день они просто не выходят на работу. Для данных избранных это уже основное место работы; трудовая книжка «лежит» у них где-то для порядка, чтобы не считали тунеядцем.

Фирменная черта центровых – «бегающий» тревожный взгляд. Как настоящие шпионы, они всё время озираются и отслеживают пространство вокруг себя: «Нет ли на горизонте милиции?» Кого им тут бояться? Все же «свои»! Это профессиональный театр для клиента, чтобы он понимал, что покупает уже не просто дефицит, а идеологически вредный «опасный» товар с загнивающего, но чертовски ароматно пахнущего Запада, и поэтому платить за него нужно дорого и не торгуясь.

Торговали центровые не только фирмóй, но и продукцией теневого сектора советской экономики – «цеховиков». «Цеховка» в СССР была разной по качеству – от явной «палёнки», когда на страшные кустарные вещи пришивали лейблы Puma и Adidas, до продукции высочайшего качества, которую было невозможно отличить от оригинальной. Правда, и стоил такой товар, как настоящий. Центровые, конечно, если уж и толкали «цеховку», то только высшей пробы.

Позднее их назовут фарцовщиками, но какие они были «утюги»[25]? В Кемерово «фромов»[26] отродясь не бывало! Определимся с терминами. Фарцовщик брал товар у иностранцев, комбинируя нелегальные валютные и товарные операции. Промышляли в Москве, Ленинграде и портовых городах, куда приезжал интурист. Спекулянт же закупался исключительно за рубли, доставая дефицит через работников торговли, у перекупщиков в столице или у моряков в пор-

[25] Утюги (сленг) – фарцовщики. Легендарные персонажи эпохи совка. До сих пор непонятно, что для них было главнее – лёгкие деньги или протест против системы. Типа хиппи, но с долларами в голове. Неспешно прогуливались по верхней галерее ГУМа в Москве и смотрели: ага, идёт интуристская группа, через двадцать пять минут они будут у часового отдела. Всё это походило на рыбалку – утюг спокойно спускался, и начиналось шоу. «Ой! Вам не помочь? Вы ищете часы “Ракета Ноль”? Нет в магазине? Слушайте, тут такое дело: купил отцу как раз такие, по руке не подходят, а мама сказала, что убьёт, если не верну деньги. Не хотите?». Бинго.

[26] Фромы (сленг) – обобщенное название фарцовщиками всех иностранцев. Происходит от английского выражения: Where are you from? – Откуда родом будете? Мир тогда делился на фромов и совков. Фромы были разные – стейцы (США), бундесы (ФРГ), пшеки (Польша), дыровцы (ГДР), южки (Югославия), бритишá (Великобритания) и финики, или турмалайцы (Финляндия).

тах. Ну и под статьёй он ходил, в отличие от фарцовщиков, «мягонькой», а за валюту в УК были уже совсем другие расценки.

Самый ходовой товар у центровых – джинсы. Американские – Levi's, Montana, Wrangler, Lee или итальянские – Super Rifle, Riorda. Интересно, что в СССР итальянский деним в те годы был популярен чуть ли не так же, как и штатовский. Итальянские джинсы ценили за достойное качество. Они хорошо вынашивались или «пилились», как тогда говорили.

«Те» джинсы стояли «колом»! Именно так и никак иначе. Ноги в новых джинсах просто не сгибались, но это только в первые дни, а затем они постепенно разнашивались. Энтузиасты стирали их в разных химиях, тёрли кирпичной крошкой, чтобы придать поношенный вид.

Джинсы стали троянским конём Запада в совке. Всё началось во время фестиваля молодёжи и студентов в 1957, а потом, как «акт их легализации», в 1969 вышел на экраны культовый мультфильм «Бременские музыканты», где принцесса щеголяет в мини-юбке, а трубадур – в джинсах. Ношение темно-синего «греха» не одобрялось, но и не каралось публично, как это было совсем недавно со стилягами, узкие брюки которых дружинники распарывали до колена и выше.

Какие марки джинсов становились популярными в СССР? В первую очередь те, которые продавались в магазинах «Берёзка»[27]. Ассортимент в них был сформирован из лучших мировых брендов одежды и бытовой электроники – ведь их задача была реально конкурировать с магазинами в Европе и Азии, чтобы советские загранработники и иностранные дипломаты тратили чеки и валюту в Москве, а не мимо «нашей» кассы – за бугром. Предметом народного фетиша среди тех, кто за границей не бывал и чеков «Берёзки» отродясь не видел, были бело-синие полиэтиленовые пакеты Beriozka Rosinvaluttorg – Moscow. Купить их можно было у цыган за три рубля. Чтобы пакет не порвался и ходил долго-долго, внутрь него вставляли прочную советскую «авоську»[28], а сам пакет берегли и носили, как дамскую сумку, и нежно протирали, чтобы не вылупились предательские заломы-потёртости на краске.

В конце 80-х появились и первые советские «экспериментальные» джинсы для бедных: «Тверь» и «Верея». Лучше бы не позорились. Их качество было на порядок ниже зарубежных. Шили-то их не из денима, а из уплотнённого текстиля, изготавливаемого в Ивановской области. Стоили они в столичных магазинах 45 рублей и до Кемерово не докатывались. Но были и ещё более убогие болгарские штаны марки «Рила», получившие кличку «Рыло».

Мой друг Витька Попов в июне 1985 года получил в подарок от родителей на день рождения джинсы. Точнее – решение их купить.

Вместе с мамой они пошли на базар и начали присматриваться к товару. Семья у них была не бедная, поэтому в цене подаренных штанов существенных ограничений не было – всё в рамках разумного.

Цена на джинсы в СССР – вопрос удивительный. В 1980-м их средняя стоимость по стране была 180-200 рублей – хоть в Москве, хоть в Кемерово, а к 1985-му опустилась до 120-150. Это за классику – прямые джинсы «трубы». В это время появляется их конкурент – новый модный силуэт «бананы», которые стоили сильно дороже.

---

[27] «Берёзка» – фирменная сеть розничных магазинов в СССР, реализовывавших товары и продукты питания за иностранную валюту (иностранцам) и сертификаты, а позже за чеки Внешпосылторга, которые получали как часть зарплаты советские загранработники, дипломаты и военные. Магазины этой торговой сети существовали только в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и крупных портовых городах – Севастополе и Ялте. Вход в магазин контролировал милиционер, который мог подойти и поинтересоваться: «Гражданин, откуда цветная капуста, родной?», а дальше сюжет развивался по обстоятельствам.

[28] Авоська (сленг) – неубиваемая сетчатая, сплетённая из суровых нитей хозяйственная сумка, используемая в СССР преимущественно для посещения рынков и магазинов. В свёрнутом виде – невесомый предмет. Граждане всегда носили её в кармане, на случай если в магазине «выкинут» дефицит.

Витька стоял рядом с дядькой в синей джинсовой куртке и внимательно слушал, как тот демонстрировал свой товар молодому парню, явно студенту: выворачивал штанину наизнанку – «строки должны быть ровными, внутренний шов – фабричная оверлочная строчка», показывал штамповку на обратной стороне болтов*, клёпки с микрорельефом. Цену джинсов продавец обозначил в сто пятьдесят, но говорил, что «уступит, если точно будешь брать».

У Витьки до этого уже были настоящие джинсы – прямые, деревянные, резко пахнувшие «не по-нашему». Их ему привезла тётка из Пакистана, муж которой работал там на строительстве чего-то важного по контракту.

Витька слушал и мотал на ус – как проверять джинсы на «палёнку» и как торговаться.

И тут он обратил внимание на скромную девушку, которая держала в руках какие-то совсем необычные джинсы – широченные сверху и зауженные книзу. Таких он раньше в Кемерово не видел.

– Здрасьте, а что это у вас за джинсы?

– Это бананы. Муж-моряк привёз из плавания, вот не подошли – продаю, – девушка явно стеснялась продавать и тем самым вызывала доверие.

– Можно посмотреть? – у этих джинсов, в отличие от классики, была масса новых для Витьки необычных фишек: на бедре чуть повыше правого колена прострочен карман с закрывающей его по диагонали золотой молнией, снизу зауженные штанины тоже застегивались на золотые молнии, собирая или распуская их. Деним был правильно «вонючий». Сзади – шершавая коричневая этикетка с красным принтом – Super Perry's.

– Откуда?

– Штатовские. Супер Периз. Недорого отдам, за четыреста, – космическая сумма повергла Витьку и его маму в шок. Классические стоили сто пятьдесят, ну, пусть даже сто восемьдесят за Levi's. А тут – четыре сотни!

Видя их ступор от неожиданно высокой цены, девушка добавила:

– Я к родителям приехала в Кемерово из Риги. Скоро уезжать домой. Хорошо, вам уступлю за триста пятьдесят.

Вот ведь как всё удачно складывалось. Это ещё больше расположило к ней Витьку и его маму. Да, это было действительно очень дорого, но модные штаны им обоим сразу сильно понравились. И такие деньги у них были.

– А какой размер? – спросила мама, показывая готовность к покупке. – У сына – сорок восьмой.

– Сейчас померим, – девушка достала матерчатый метр и ловко обхватила Витьку за талию.

– Нет. Эти ему явно будут большеваты… Но у меня дома есть ещё одна пара точно вашего размера. Давайте встретимся завтра у фонтана на Драме, – предложила замечательная новая знакомая.

– Договорились, – счастливые, что хорошо сторговались, они пошли с базара домой, уже не приценяясь к другим вариантам.

Назавтра ровно в 11 они сидели, как два солдата, на скамейке у фонтана перед Драмтеатром. Девушка чуть опоздала:

– Здравствуйте! Вот, всё, как обещала, – в руках у неё был обычный белый пакет.

Достали из него джинсы-бананы. Точно такие же, как вчера на базаре, но правильного Витькиного размера. Ещё раз измерили Витьку, потом джинсы по талии – всё точно, они идеально подходили друг другу. Вывернули штанину, как учил дядька на рынке, проверили строчки, посмотрели болты[29] спереди и сзади – джинсы были точно «фирма».

[29] Болты (сленг) – пуговицы на джинсах. Джинсы бывают на зипе (другое название: на гусеницах) – молнии или на болтах – ширинка застёгивается на пуговицы.

– А можно примерить? – мама всё-таки хотела на все сто убедиться в правильности размера.

– Конечно, – втроём они направились через арку в ближайший двор на улице Весенней и зашли в один из подъездов; тогда подъезды не закрывались на замок – заходи кто хочет. Поставили Витьку на картонку, надели на него «бананы» – великолепно!

– Вот умеют же люди шить за границей, – восторженно заметила мама.

– Покупаете? – уточнила девушка.

– Да, берём!

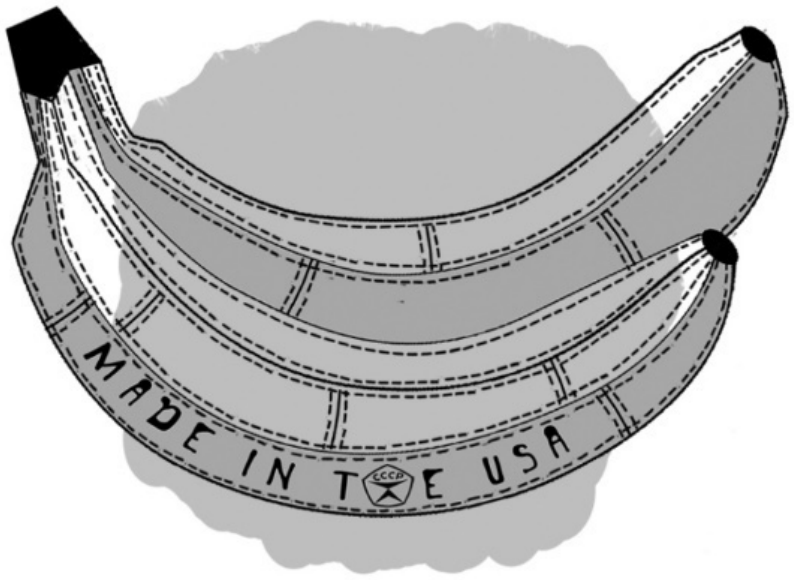
Мама отсчитала ей семь новеньких полтинников, и, довольные удачной покупкой, они поехали домой.

Дома, прямо с порога, Витька снова начал изучать джинсы – они были прекрасны: вонючая ткань, матово-золотые толстые молнии с хвостиками, на которых было выдавлено Super Perry's. «У меня есть супер перриз, в них ношу я супер пеннис. Парам-пам-пам, парам-пам-пам. Если потереть немножко, будет синяя ладошка. Парам-пам-пам, парам-пам-пам», – роилось в голове неприличное. Померил, прошёлся по комнате. Он полюбил их уже больше старых пакистанских. Хотелось побыстрее пойти к товарищам, чтобы на вопрос: «Что это за чудо?» небрежно ответить:

– Да вот, предки на днюху подогнали. Я их даже и не просил. Штатовские…

Витька снова их снял и начал пристально изучать дальше. И тут он зачем-то вывернул наизнанку молнию на ширинке, которая была плотно прикрыта джинсовой тканью.

На сердечнике молнии стоял маленький, хорошо известный всем советским людям пятиугольник – знак качества СССР.

Как растащили сталь

– Чем отличается наш миллионер от нашего миллиардера?
– Наш миллионер воспитан партией, а наш миллиардер – комсомолом.
Из жизни махинаторов
Областной комитет ВЛКСМ , ул. Ноградская, 3

В самом сердце города Кемерово, на тихой улице Ноградской, в доме №3, рядом с рестораном «Солнечный», располагался областной комитет ВЛКСМ и дружественные комсомолу организации. Мощное пятиэтажное здание с огромными окнами было не таким пафосным, как похожий на итальянский театр обком КПСС на площади Советов, но тоже олицетворяло серьёзные притязания его хозяев на участие в будущем дележе портфелей и чёрных волг. «Выгнать этого придурка из комсомола! Как не комсомолец? Принять и выгнать!»

В отличие от пионерии, к которой у партии было отеческое, но шутливо-карнавальное отношение, комсомол считался уже солидной организацией, которая была запасником для кадрового резерва КПСС и народного хозяйства.

Как всегда и бывает в народных сказках, самый любимый сын оказался и самым главным подлецом: сначала продал трон басурманам в фотозону, сестёр-царевен пристроил в бордель, да на шесте крутиться, а самого батюшкуцаря определил в ресторанные вышибалы.

18 мая 1988 года на центральном телевидении в программе КВН прозвучала исторически пророческая шутка команды НГУ: «Партия, дай порулить!» Это был рефрен к популярному агитационному лозунгу «Партия – наш рулевой!», который горел большими буквами на крышах домов в каждом городе.

Партия немного подумала, подумала и дала! Лёд тронулся, а по стечению обстоятельств вместе с ним куда-то в неизвестном направлении уплыла и вся советская стабильность, где «человек человеку – друг, товарищ и брат», а цены на сковородках и часах отливались в металле.

В 1989 году нашему книгоиздательскому бизнесу стало тесно в условиях полной нелегальщины и самодеятельности – требовалось срочно «выйти на свет».

Все ксероксы, которые мы оккупировали в ЦНТИ и в офисах угольных трестов, уже не справлялись с потоком наших заказов, почтовые работники косо смотрели на массовые переводы наложенным платежом в одни руки – мы начали привлекать к себе внимание бдительных совков, а встреча с ОБХСС никак не входила в наши планы. Это был «налоговый рай» на грани провала. Оборот нашего «детского дела» достиг десятков тысяч рублей в месяц (средняя зарплата советского человека в 1988 году – 240 рублей в месяц). Дело пахло какой-нибудь серьёзной статьей УК. Нужно было срочно приобретать статус предприятия, чтобы покупать бумагу, размещать заказы в типографии, легально получать доход и платить налоги, но как это сделать?

Закон «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещёнными законом видами деятельности, в том числе и торговлей, был принят 26 мая 1988 года, но в Кемерово его реализация буксовала.

Как всегда, нужный человек находится в нужное время.

С Любой Мухиной, актрисой кемеровского театра кукол, меня познакомила Эвелина Воронцова.

Квартира Любы напоминал штаб Смольного в самые горячие часы октябрьского переворота. Постоянно звонил телефон, приходили какие-то люди, и крутился поток товаров и денег:

телевизор «Шилялис» меняли на армянский коньяк в трёхлитровых банках, финские сапоги на ковры, мебель на плитку. Люба меняла и продавала всё, что не имело духовной ценности, широкому кругу желающих купить за деньги повышенный комфорт в жизни. Каждого, кто попадал в фокус её внимания, она моментально оценивала, как опытный товаровед оценивает товар, и прикидывала – какая с этого человека ей будет польза. Люба была богиней связей и дефицита. У неё везде была своя длинная и ловкая рука. Торгаш «от бога», она понимала, как достать какой-нибудь дефицит и что дать взамен. А дефицитом в 1988-м стало практически всё.

Поскольку я был введён в круг подругой Любы, а подруга была аспиранткой моей мамы, то отношение ко мне было хорошее, несмотря на мои никчёмные «потребительские качества» в её пищевой цепочке оборота ценных товаров и услуг.

– Слушай, Люба, а вот мягкой мебели нет на примете? – поинтересовался я.

– Решим вопрос, дам тебе контакт товароведа из «Уюта» на Базовой. Скажешь, что от Любы Мухиной. Договоритесь. Что ещё?

Связями и контактами она делилась легко, не вставляя везде свой интерес «на пять копеек». Это было удивительно, поскольку обычно в те времена каждый товар, проходя через цепочку «умелых ручек», поднимался в цене на каждой ступеньке процентов на двадцать и связями за просто так никто не делился.

Я рассказал Любе о тяготившей меня проблеме легализации бизнеса.

– Решаемый вопрос, – спокойно сказала Люба, параллельно продавая кому-то уже «видик» по телефону. – Завтра я позвоню Володе Бабичу в обком ВЛКСМ и обсудим твой вопрос. Там они пробили через ЦК ВЛКСМ хозяйственные комсомольские структуры, и он главный по этой теме.

Слово Люба сдержала. Через несколько дней я получил от неё клочок бумаги с номером телефона и подписью – Володя Бабич.

Володя Бабич был очень занятой человек. Уделил мне пять минут. Худой и уставший, в длинном кожаном плаще. В общем, он сильно походил на революционера-подпольщика, истощённого неравной борьбой с царизмом.

– От Любы? Да, звонила. Чем занимаетесь? Зачем вам предприятие?

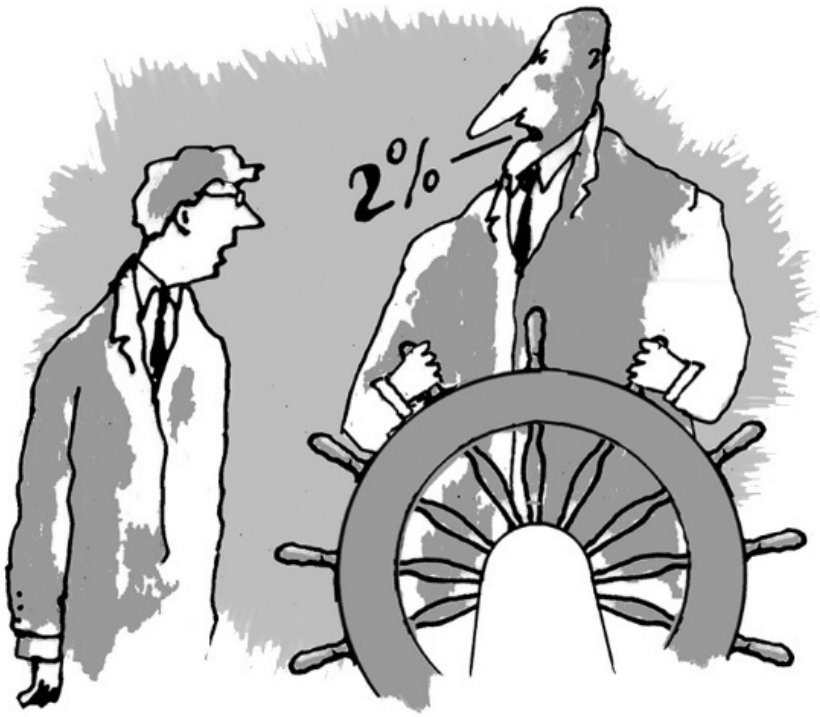
– Мы издаём книги. Достаточно успешно. Но для того, чтобы иметь возможность размещать заказы в типографии, нам нужно официальное предприятие.

– Какой оборот планируете?

– От двух миллионов в год.

– Хорошо. Наши условия – 2% от оборота в нашу кассу. Согласны? Идите оформляйтесь.

Я был в шоке от быстроты решений и открывающихся перспектив.

Вернёмся к лозунгу «Партия, дай порулить!» В 1988-м инициативные ребята из ЦК ВЛКСМ продвинули в органах высшей партийной власти идею, что для реализации партийных установок на ускорение социально-экономического развития необходимо дать молодёжи – конечно, под бдительным и неусыпным контролем ВЛКСМ – возможность вести хозяйственную деятельность по улучшению, рационализаторству, строительству, оленеводству и выращиванию сахарного тростника в условиях вечной мерзлоты. В общем, не нужно никаких ограничений – дайте поработать на благо Родины!

Чувствуете связь с началом конца?

И пошёл по всей стране комсомольский бизнес с весьма простым налогообложением и отсутствием любых ограничений, который в Кемерово ЦК ВЛКСМ доверил Владимиру Бабичу.

В чём была суть работы 99,9% комсомольских предприятий? В советской экономике было чёткое разделение денег на безналичные и наличные. Наличные – для потребительского рынка, безналичные – для оборота в сфере промышленности. До 90-х существовали небольшие «насосы-нарушители» этого строгого порядка: магаданские золотодобывающие артели, краснодарские цеховики, московские подпольные банкиры – сплошь потомки Авраама, которые понемногу перекачивали деньги из безналичного в наличный оборот, но их доля в общем котле денежной массы страны была такой мизерной, что это не нарушало общего баланса. Суммарный объём произведённых потребительских товаров примерно соответствовал размеру денежной массы у населения, несмотря на много «чего» хорошего в дефиците.

В конце 80-х комса массово запускает по всему совку систему не существовавших раньше в союзной экономике хозяйственных предприятий с абсолютной свободой действий, которые могут заключать договоры с промышленными, торговыми предприятиями, получать от них безналичные платежи за товары и услуги и моментально превращать эти деньги в чистый нал «муха не сидела».

Стоимость «крыши» составляла всего 2% с оборота. Это был полный all-inclusive: налоги, сборы, отчисления с фонда зарплаты. Свобода! Наличные можно было снимать под закупку сельхозпродукции и выдачу зарплаты. Несколько лет, пока в стране копился потенциал для гиперинфляции и обесценивания всего нажитого честным трудом советскими гражданами, никто не контролировал объём перехода экономики в нал. Вдумайтесь! Никому ни в Кремле, ни в Минфине не пришло в голову, что это и будет тот самый «могильщик системы», а никакие не американцы, который рассуёт по карманам всё нажитое непосильным трудом многими поколениями. Маркс всё это предвидел: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Способности «пилить» у бойкой комсы открылись необычайные, а потребности во «всем хорошем» у них были бескрайние.

Первый секретарь ЦК комсомола в 1986-1990 годах Виктор Мироненко уже после заката своей карьеры вспоминал, что «был руководителем организации, у которой только на депозитном счету в банке лежало 2 млрд долларов» (на вопрос, куда делись эти деньги после упразднения ВЛКСМ в 1991 году, Виктор Иванович ответил аккуратно: «Не знаю»).

Мне выдали свидетельство о регистрации «Предприятия №206 в Центре социалистической инициативы при областном комитете ВЛКСМ Кемеровской области».

С этой бумагой я заказал большую синюю печать в специальном отделе по изготовлению печатей и штампов, который находился рядом – в здании полиграфического комбината по улице Ноградской. Попасть туда было непросто. Изготовление печатей и штампов в СССР занимались «режимные конторы», то есть подведомственные КГБ.

Открыл счёт в банке напротив Горсада.

Началась эпоха «взрослый бизнес с комсомолом».

День мармота

[30]

– Есть у нас на заводе такая примета – если бригадир кричит, значит, опять не трактор собрали.

– А что тогда собрали?

– А вот что кричит – то и собрали…

Смесь голландского с кузнецким

Красная Горка

Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Предприятие по добыче угля и выработке кокса с очень высоким уровнем хозяйственной самостоятельности, созданное в Москве Распоряжением от 25 декабря 1921 г. Инициаторы идеи – группа европейских и американских энтузиастов с левыми взглядами, которые находят горячую поддержку лично у Ленина. Мотивы их действий – повод для дискуссий, но эти титаны духа успешно реализовали всё задуманное в условиях полного экономического бездорожья 20-х.

С именем АИК связано первое широкое упоминание слова Кузбасс за пределами Сибири.

Прекратила свою деятельность 20 июня 1927 г. по политическим мотивам.

[30] Мармот (гол.) – сурок.

Начало и конец

«Мне не надо воз муки,

А всего полпуда.

Ленин продал немцам Русь,

Как Христа Иуда.
За Россию получил

Полный вагон злата

И пропил всё по дороге,

Отомстил за брата».

Так пел на Невском проспекте в августе 1917 года одноглазый солдат в грязной потрёпанной шинели под аккомпанемент самодельных гуслей. Прохожих было много, но денег ему бросали совсем редкие из них, сочувствовавшие тяжёлой судьбе калеки. Да и что теперь были деньги? Вот хлеба бы ломоть! Таких, как он, везде теперь были тьмы и тьмы. Война. Безрукая и безногая. Когда она начиналась в 1914 году, всем казалась маленькой и победоносной, а сейчас – без конца и без краю. Петроград жил слухами, что немцы уже близко, и никаких сил к сопротивлению не было.

К осени всё придёт в полный упадок. И большевики, воспользовавшись случаем всеобщего безразличия к своей будущности, 25 октября 1917 г. совершат переворот. В народе будут говорить, что вряд ли они продержатся до весны. Но против всех ожиданий, задержатся они надолго.

Весной 1918 года многим станет понятно, что это теперь и есть единственная законная власть.

В мире пойдут слухи о свершившейся в России пролетарской революции. И туда со всех концов света потянутся разные идеалисты и проходимцы, влекомые запахом перемен и открывающихся больших возможностей.

Так, в частности, и начнётся авантюрный бизнес-проект голландско-американского происхождения при личной поддержке Ленина – автономная индустриальная колония «Кузбасс» (АИК Кузбасс).

Главные действующие лица «с той стороны» – Себальд Рутгерс, Билл Хейвуд и Герберт Калверт. С нашей – быстро народившийся и сообразивший, что к чему, класс советских бюрократов.

Как виделась октябрьская революция 1917 года из Европы и Америки? Считалось, что в России после отречения Николая II власть фактически перешла к народу – солдатским и рабочим комитетам. Рабочие и крестьяне, во главе с загадочным большевистским лидером Лениным, взяли правление в свои руки с целью построения нового справедливого бесклассового общества. Вся летопись человечества до этого – однообразные переходы от одних форм угнетения трудящихся к другим, ещё более изощрённым. И вот в России свершилась пролетарская революция! Не привычный для истории дворцовый переворот, когда одна правящая династия эксплуататоров смещает другую! Там, в этом европейском захолустье, пустили под откос всю тысячелетнюю систему привычных отношений, в которой результаты труда многих присваивались кучкой избранных. Из задворок мира Россия превратилась в огромный пульсирующий

котёл. Новости из неё поступали обрывочные и не всегда понятные, но было ясно, что там происходит что-то непостижимо грандиозное.

Учение Маркса оказалось не гипотезой, а провидением: «Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против неё это оружие, – современных рабочих, пролетариев. …Но с развитием промышленности пролетариат не только возрастает численно; он скопляется в большие массы, сила его растёт, и он всё более её ощущает. …Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией… Её гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, 1848).

Однако ни Маркс, ни тем более Ленин не очень-то представляли в деталях, как будет работать конкретный завод в эпоху победившего буржуазию пролетариата: откуда берётся сырьё, как устроен сбыт продукции и сколько должна составлять зарплата рабочим. В ленинском дореволюционном наследии вы не найдёте никаких мыслей об устройстве государства и общества после революции – главное её сделать, а там видно будет. Он рассуждает о ней исключительно в политической плоскости, вопросы же о том, как в этом новом мире будут выпекаться булки и чиниться башмаки, его не волнуют, да и она сама кажется ему далёкой мечтой… На конференции в Цюрихе в январе 1917 года, за несколько дней до Февральской революции, он писал: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодёжь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции» (Ленин В. И. Доклад о революции, 1905).

И вдруг над Российской империей взорвалось бочка с порохом, и всё закрутилось: убийство Распутина, отречение царя, политическая каша, война с немцами, надвигающийся голод и, наконец – октябрьский переворот.

В этот момент, когда кругом кольцо врагов и при этом нужно ещё как-то управляться с этим огромным хозяйством – страной Россией, в двери Кремля стучатся незваные гости – западные социалисты, к которым Ленин до 1917 года относился брезгливо-пренебрежительно. У многих них, в отличие от самих большевиков, были вполне земные профессии и большой жизненный опыт работы на настоящем производстве. Сам-то Ленин тяжелее ручки в своей жизни ничего в руках не держал, разве что Наденьку. Он профессиональный революционер-«теоретик», деньги которому сначала шлёт маменька, а потом – партия. Вся его трудовая биография – это в 1892-93 гг. помощник присяжного поверенного. Среди его соратников людей «от сохи» тоже нет – не их стезя. Они соображают в подпольных типографиях, как взбаламутить рабочих и, если нужно, организовать вооруженное нападение на почтовую карету с целью пополнения партийной кассы. Одним словом – не менеджеры высшего и среднего звена.

Себальд Рутгерс – голландец с социалистическими взглядами, который горел идеей быть полезным русской революции и принять личное участие в построении нового мира. К моменту встречи с Ленным в 1918 году ему уже около 40 лет, он опытный специалист, повидал мир, имеет массу полезных знакомств в Америке и хорошее резюме – образованный инженер-железобетонщик, работал на ответственных должностях в больших фирмах в Америке и Европе на строительстве дорог и мостов.

У Рутгерса, в отличие от Ленина, был конкретный план и управленческие навыки – как построить завод и управлять им. Он профессионал и знает, что «булки не растут на деревьях»: где закупить необходимое оборудование, как привлечь из-за рубежа квалифицированных специалистов и устроить коммунальную жизнь в этом «царстве справедливого труда». Немаловажное в этом плане – найти горячую поддержку у социалистов и лидеров рабочего движения в главной цитадели капитализма, Соединённых Штатах Америки.

Классическая мечта американца в начала XX века – максимально эффективно проявить себя в сложных обстоятельствах и в ходе упорной, а часто и неравной борьбы с природой или конкурентами взять «джек-пот» – выйти из неё победителем с крупным счётом в банке. Бандитская романтика Дикого Запада, когда героем становился самый дерзкий и наглый – тот, кто быстрее других выхватывал из кобуры кольт, – больше не в цене. Недавние иконы Америки – старатели на Клондайке. Золотая лихорадка воспета в рассказах Джека Лондона, персонажами которых восторгается вся страна. Новые идеалы общества – удача и честный труд. Главное – найти в себе силы на выход из зоны комфортной бедности. Всё решают только личные качества и провидение (божья воля). У каждого есть шанс совершить это головокружительный прыжок «From Zero to Hero» (англ. – из ничего в герои). Для этого нужно быть гибким и сообразительным, и вовремя решиться на авантюрное приключение, отправившись на тот край света, где сейчас открывается «окно возможностей».

АИК была задумана её основателями как воплощение в Сибири «идеального мира» – на передовом предприятии мирового уровня должны были работать за хорошее вознаграждение сознательные пролетарии из разных стран. Цель – построить «город солнца», где главное – счастье всех вместе и каждого в отдельности. Однако с первого дня у иностранцев есть и принципиальные расхождение во взглядах с Советами, которые приведут потом к разводу с битьём посуды и тяжёлым расставанием. Зарплата. Они считают, что вся эта затея должна быть в интересах рабочих. А зачем, если иначе? Поэтому тратят колоссальные деньги на зарплату приехавшим специалистам и обустройство быта, а у властей при взгляде на эту «бесхозяйственность» рука постоянно тянется к нагану.

На момент основания АИК это были уже не дикие места. В 1912 году франко-немецко-бельгийское акционерное общество «Копикуз» получило право на монопольную разработку ряда угольных месторождений в Сибири. В 1915-1917 годах в Щегловске на средства общества была построена канатная дорога через Томь для транспортировки угля от шахт к комплексу углеподготовки. За короткое время была запущена железная дорога Юрга – Кольчугино с веткой на Кемеровский рудник. Развернулось строительство шахт на Кемеровском и Кольчугинском каменноугольных рудниках, с которых и началась промышленная деятельность Копикуза. В 1915 году была заложена шахта «Центральная». Началось сооружение Кемеровского коксохимзавода, построены две пламенные батареи, каждая по шесть камер. На них выжигали 30-60 тонн кокса в сутки. У управления Копикуза возникла идея строительства крупного металлургического завода на юге близ Кузнецка.

19 февраля 1920 г. «Копикуз», как и все угольные предприятия на территории Советской России, было национализировано. Акционеры тяжело вздохнули и пошли считать убытки. А инженеры упаковали чемоданы и поехали домой в Европу. Шахты и коксовые батареи остались стоять на кузнецкой земле, поскольку «жадность фраера сгубила».

Рутгерс после нескольких лет активных контактов с Советами прекрасно представлял хаос и разруху в головах новых лидеров государства в области экономики и не хотел быть их цирковой собачкой, поэтому выбил у Ленина особенное положение для своего детища: «Но только условие: как угодно, что угодно, когда угодно, но чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог бы даже подойти к двери моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая! Настоящая!! Броня!!!»*

АИК не подчинялась, как обычные советские тресты, ВСНХ (Высшему Совету Народного Хозяйства) и контролировалась только высшим органом той поры – Советом Труда и Обороны. Цель сотрудничества с иностранцами изначально декларировалась как помощь европейскими и американскими пролетариями русским братьям воссоздавать индустрию. Существует предположение, что на первом этапе истинная задача АИК была сложнее – ввезти в страну по частным каналам дорогостоящее западное оборудование, потому что официальные отношения с Европой и Америкой ещё не были налажены. «Частник» Рутгерс, с его фамильными

связями в голландском банке, оказался необходимым звеном между европейскими предпринимателями и СССР. Точно таким же, как и Арманд Хаммер.

Хозяйственные операции АИК часто были непрозрачны: Рутгерс выступал и как продавец, и как покупатель в одном лице. Ему дали доступ к фантастическим по тем временам финансовым потокам, обеспеченным золотом и бриллиантами. И всё это оседает в Европе именно у тех людей и банкиров, которые лично знают Рутгерса. Вполне возможно, что в начале пути предназначение АИК и было стать «фирмой-насосом» для перекачивания советских денег в «тихие западные гавани» на случай фиаско советской власти в личных интересах партийных лидеров. В определённые критические моменты среди кремлёвского руководства возникали сильные страхи, что оно не удержит власть в стране надолго. В условиях политической нестабильности в России знакомство с Рутгерсом, у которого была записная книжка с нужными людьми на Западе и счета в голландских банках, вполне могло рассматриваться «кремлёвскими мечтателями» как гарантия сытой жизни в какой-нибудь Швейцарии или Аргентине на случай падения Советов.

Деньги потекли, нужные люди закрутились в поисках оборудования, дело осталось за малым – привлечь кадры. Никто и предположить не мог, что это будет непростым вопросом. Однако заманить иностранцев в Сибирь оказалось не так-то просто. Именно поэтому на Западе была развёрнута широкая рекламная компания. Слово «KUZBAS» не сходило со страниц «The New York Times», «Chicago Tribune», «The Daily Telegraph» и других массовых заморских газет. Подобно тому, как Ленин в 1917 году надул русских крестьян Декретом о земле, теперь уже американские пропагандисты щедро расхваливали своим соотечественникам дивный новый мир русского социализма. Масштабы их обещаний были, конечно, более приземлёнными чем у Ильича: спецам – хорошая зарплата и социальные удобства, женщинам – ещё и плюсом освобождение от предрассудков традиционного американского общества. Конечно, как всякие пропагандисты, они приукрашивали действительность, но на то она и реклама.

Всего в Кемерово приехали 750 рабочих и инженеров из Америки и Европы, чтобы построить посреди тайги «Город Солнца». Примечательный факт: в некоторых заявлениях будущие колонисты писали, что едут «в район Америки». Планы у организаторов кампании были на тысячи переселенцев, а вышло иначе…

Кто же были эти люди?

Дж. Микенберг делит американцев, отправившихся в страну Советов в 20-30-е гг., на три категории: «возвращенцы» русского происхождения, искренне преданные идее «советского эксперимента», энтузиасты и те, кто искал стабильную работу за достойную оплату, т. к. Великая депрессия и массовая безработица в США совпали с Первой пятилеткой и нехваткой рабочей силы в России.

Колонистка Рут Кеннелл прожила в Кемерово два года – с 1922 по 1924 – и писала как очевидец: «Самые разные бунтари против американского общества – начинающие коммунисты, ветераны-социалисты, члены Индустриальных Рабочих Мира, пропагандисты, мечтатели, неудачники, невротики и просто искатели приключений – все они косяком потянулись в Россию после войны».

Первая партия колонистов отбыла из Нью-Йорка в Кузбасс 8 апреля 1922 г. на пароходе «Адриатик». Они плыли трансатлантическими линиями по маршруту: Нью-Йорк – Роттердам или Нью-Йорк – Либава (современный г. Лиепая в Латвии). Там к ним присоединялись колонисты из европейских стран и на более мелких судах дошли до Петрограда. Дальше до Кемерово они ехали в специальном железнодорожном составе. Кроме личного багажа, колонисты везли с собой продукты, материалы, инструменты, оборудование и семена.

Письмо Рут Кеннел жене Кальверта: «… в составе нашего поезда 19 товарных вагонов. В нескольких из них устроены нары, а в остальных еда и вещи. Света нет, пользуемся свечами. Воду приходится кипятить. Жажду утоляем только кофе. Есть у нас вагон-прачечная с ваннами для стирки мылом и горячей водой. В специальном вагоне-кухне повара готовят еду. Первое время печь дымила, как при большом пожаре, и было жалко поваров, по лицам которых текли

слёзы. Надеюсь, что в будущем году для путешествия в Кемерово будут специальные вагоны-кухни, чтобы готовить пищу".

В распоряжение колонии были переданы шахты Кемеровского рудника, коксохимические печи и 8000 га лесных угодий.

Административным центром стал Кемеровский рудник – здесь находилось Правление АИК, жил директор и ведущие специалисты. Территория рудника была главной экспериментальной площадкой для внедрения европейской архитектуры голландским архитектором Йоханнесом ван Лохемом. Построенные им четыре рабочих посёлка принадлежали к одним из первых в мире образцов благоустроенного социального жилья. Невиданными чудесами были санузлы внутри жилища: душ, ванна, унитаз. Но такое новаторство вызвало большое недовольство у местных партийных бюрократов. За то, что голландец приучал русских рабочих к элементам буржуазной культуры, его раскритиковали в газете «Кузбасс» и даже хотели исключить из партии. И правильно критиковали: в Сибири дощатый уличный туалет с дыркой в полу – до сих пор надёжный друг человека.

Руководству колонии доставались удары и сверху, и снизу, и в пах, и в печень. Кураторы от партии требовали быстрее и больше промышленной продукции и не отвлекаться так сильно на все эти буржуазные «бытовые удобства». Рабочие из местных считали, что эти американцы жируют, получая по сравнению с ними баснословные зарплаты. Некоторые заграничные спецы, видя этот бардак, уезжали домой раньше срока. В силу языкового барьера иностранцы жили достаточно изолированно от местных и образовалась своеобразная «немецкая слобода», что ещё больше злило местных: «Понаехали тут!»

Несмотря на эти, как потом покажет жизнь, непреодолимые противоречия, дирекция АИК смотрела в будущее с неиссякаемым оптимизмом и действовала не по принципу «после нас хоть потоп», а принимала такие дальновидные решения, за которые мы им сейчас должны поклониться в пояс.

Рудничный бор, который входил в состав отданных АИК на эксплуатацию территорий, не был на тот момент защищён никакими охранными грамотами. И его не тронули! Несмотря на то, что потребность в деловой древесине была огромная.

Среди планов «аиковцев» было сооружение моста через Томь. Всерьёз рассматривались две идеи: привлечь шахтёров и прорыть тоннель под рекой (но от этого проекта отказались из-за его дороговизны), а вторая идея принадлежала американскому инженеру Коттеру, предложившему соорудить висячий мост – наподобие знаменитого моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско. В 1925-м начались подготовительные работы, но уже на следующий год строительство прекратили.

Несмотря на успешную деятельность, жизнь АИК «Кузбасс» оказалась недолгой. Внедряемые в колонии американские технологии, принципы управления и особый статус оказались, как «кость в горле» советской власти. Государство укрепилось в других подходах к организации производства и оплате труда – всё должно быть дёшево и сердито. А скоро, в 30-х, эти идеи уйдут ещё дальше – труд в ГУЛАГе станет и вовсе дармовым. Большевистская партийная машина впечатляюще победила всех военных и политических врагов и стала абсолютно уверенна в своём завтрашнем дне – НЭП и прочие эксперименты голодных лет стали токсичными.

Полгода – с декабря 1926 по июнь 1927 года – в Москве шли терзания в духе «и хочется, и колется», но принцип «казнить, нельзя помиловать» в итоге победил. Когда все вокруг уже учились ходить строем, такой рассадник вольностей в ключевом промышленном регионе был досадным недоразумением.

Рутгерс писал: «Москва смотрит на “Кузбасс” как на советское государственное предприятие, управляемое на основе американских методов и, к сожалению, нуждающееся в американцах».

20 июня 1927 г. было подписано постановление о полной ликвидации АИК «Кузбасс» – «Окончательная бумажка. Фактическая! Настоящая!! Броня!!!»[31] И власти попросили иностранцев покинуть Россию. Эксперимент завершился и был признан напрасным: «Мы бы и сами справились!»

Мог ли у этой истории быть другой финал? Вряд ли. В том же 1927 году линия партии окончательно уйдёт по кривой резко влево. На съезде решат, что нужно укрупнение в аграрном секторе. И буквально через полгода начнут отбирать у крестьян землю, которую сами же раздали им десять лет назад, и сгонять в колхозы.

Помимо основной причины развода – «не сошлись характерами до степени “видеть тебя не могу”», – были, конечно, и другие, но уже из разряда «до кучи».

Лидеры большевиков окончательно разочаровались в способности мирового, и в первую очередь американского, пролетариата на решительные шаги. А на него было столько надежд!

После октябрьского переворота молодая российская республика была «беременна» идеей мировой революции. Революционерам казалось, что вот-вот начнётся мировой пожар, в котором сгорит, как учил в Манифесте пророк Маркс, весь «старый мир»: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ленин в письме Свердлову и Троцкому от 1 октября 1918 г. указывал, что «международная революция приблизилась… на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших». 6 марта 1919 г. он же в заключительной речи при закрытии I (учредительного) конгресса Коминтерна заявил: «Победа пролетарской революции во всём мире обеспечена. Грядёт основание международной Советской республики».

Себальд Рутгерс появляется в России, когда ленинская команда только-только окопалась в Кремле посреди голодной страны, но «окрылена» скорой победой над миром капитала в мировом масштабе. В июле 1918 года Рутгерс прибывает во Владивосток и с большими трудностями добирается до Москвы. Здесь происходит его встреча с Лениным, у которого возникает идея приглашения в Россию прогрессивных американских рабочих, страдающих от оков капитализма. По его поручению Рутгерс едет в Голландию для организации Амстердамского бюро Коминтерна.

В 1918 году Ленин публикует «Письмо к американским рабочим»: «Мы знаем, что помощь от вас, товарищи американские рабочие, придёт…» – писал он, имея в виду мировую социалистическую революцию, но, когда Рутгерс предложил ему для начала помочь рабочими руками, тоже не отказался. На кремлёвской скамейке, прямо в тени Царь-пушки, были нарисованы потрясающие перспективы: Рутгерс сам в это поверил и убедил Ильича, что приедет 8 тысяч и более рабочих и специалистов. Ленин «увидел» масштабный исход в Россию американских работяг как зарницу мировой революции, видимо, представляя себя пролетарским Моисеем, который выводит их из кабалы, как Иова из чрева кита.

Но вот внезапное откровение. Американский пролетарий оказался и не пролетарием вовсе, а какой-то мелкобуржуазной сволочью. Кто бы мог подумать! Он упорно не хотел соединяться с советским ванькой в борьбе за дело Маркса-Ленина, а всё бы ему сладко есть и спать. За два года масштабной агитации таких добровольцев в США нашлось только 566 человек…

Это было жёстким разочарованием советской власти в скатившемся в бытовой конформизм гегемоне Соединенных Штатов. Утрата веры в сознательность и силу трудящихся слу-

[31] «Окончательная бумажка. Фактическая! Настоящая!! Броня!!!» – цитата из «Собачьего сердца» М. А. Булгакова. Разговор профессора Преображенского с ответственным лицом по телефону.

чилась и после провала социалистической революции в Германии. Что-то с этим миром было явно не так…

21 января 1924 г. случилось «страшное»: в Горках под Москвой умирает главный друг трудящихся всей Земли – Владимир Ульянов (Ленин). После его смерти у идеи мировой революции больше нет такого же фанатичного покровителя, как он. Вчерашние товарищи по партии оказались очень прагматичными ребятами. Фактически Ильич выпал из руководящей обоймы после резкого ухудшения здоровья в марте 1922 года, но всё-таки, пока был жив, создавал центр сдержек и противовесов между ними. Теперь его больше нет, и все увлечены одним общим делом – как поделить власть между собой и при этом не прогадать.

До 1925 года работа АИК при всех трудностях складывалась вполне успешно. К тому времени она сработала с прибылью в 1 млн рублей – так эффективно не работал ни один советский трест. Провал произошёл, когда колонистам принудительно передали промышленные мощности южных районов Кузбасса – Ленинск-Кузнецкого, Прокопьевска и Гурьевска. Вникнув в дела, они пришли в ужас. Зарплата не выплачивалась по несколько месяцев, оборудования практически не было. Все свои заработанные деньги руководство колонии тратило на выплату долгов по зарплате и на технику, потом оно брало кредиты у государства, чтобы развиваться дальше. При этом содержание заграничного персонала обходилось по-прежнему недёшево – ну не хотели американцы «кузбасить!». В своём большинстве колонисты не были голозадыми романтиками и приехали работать не за кусок мыла, а за хорошую зарплату. Бытовые условия жизни, близкие к стандартам «американской мечты», которые старалось воплотить руководство – тёплые дома с большими окнами, водопровод, хорошее питание, – стоили немалых денег. И эти деньги закончились.

Так «сошлись все звёзды», и АИК «Кузбасс» превратилась в воплощённую на короткий срок утопию. Сгорела в огне русской революции, но оставила в ней яркий след.

Некоторые из колонистов после ликвидации АИК остались в СССР и были объявлены шпионами – их отправили в ГУЛАГ, где они и сгинули. Ирония судьбы в том, что они побоялись возвращаться в США, потому что были коммунистами и опасались преследований.

Заразные идеи немыслимо живучи. Их почти невозможно выкорчевать из сознания романтиков. Плодовитые семена могут годами лежать в перегное истории, а потом бурно прорасти в новом неожиданном месте. Соединенные между собой эфирными связями, они, как корни крапивы, обладают суперсилой, которая помогает им плодиться и воскресать вновь и вновь.

В 1928 году Генри Форд, самый богатый на тот момент человек в мире, вдохновился идеями АИК и решил сделать что-то подобное, но гораздо лучше и уже без капризных русских коммунистов.

Всё та же «проклятая» цель – построить идеальное общество. Руководитель отдела по работе с персоналом Форда однажды и вовсе заявил, что автомобили для его босса были лишь «побочным продуктом для настоящего бизнеса, а именно создания людей». На территории США Генри Форд не захотел реализовывать свой замысел: слишком много вокруг было соблазнов и слишком усердно потреблялись крепкие напитки.

Решено было создать общность целомудренных работников в отдельно взятом районе и подальше от грешной американской публики. Выкупили 14 тысяч квадратных километров земель в Бразилии, у реки Тапажос – в самом что ни на есть полюсе недоступности Южной Америки. Иначе говоря, это были наиболее далекие от цивилизации и транспортных узлов земли на всём континенте. Специалистов собрали и отвезли в дебри Амазонки. Без женщин, которые всегда отвлекают мужиков от великих дел. Исключение было сделано только для редких благочестивых жён колонистов. К ним прибавились местные, соблазнённые слухами о высоких зарплатах в долларах. Производственная задача – сбор каучука, необходимого в колоссальных объёмах для конвейеров Форда.

Новый поселок в 10 тыс. человек назвали Фордландия. Здесь было совершенно запрещено курение и спиртные напитки. А как же тогда быть с краткими перерывами в работе? Теми, что называют перекурами? Устроили вместо них по 15 минут читки поэзии. Пусть рабочие тренируют свою память и развивают культуру. Читали каждый день новые стихи.

Форд первым в мире установил восьмичасовой рабочий день. Но чем теперь занять рабочих по вечерам, что можно противопоставить пивным? Правильно – библиотеки! Построили градообразующее здание церкви с библиотекой. Для гармонии – рядом бесплатная школа и больница. Сам Форд с женой любил музыку и танцы. Значит, возводим отдельно стоящие танцевальные залы. Но чтобы без джаза! Целомудренно двигаемся в вальсе.

Идиллия в отдельно взятом бараке не получилась. Рабочие восстали против регламентации их быта и взялись за мачете. Бразильцев воротило от американской еды – этих хот-догов, гамбургеров, пиццы и колы. Спустя шесть лет большая часть переселенцев покинула этот рай.

Поразительное сходство АИК и Фордландии начинается с того, что оба проекта просуществовали около 6 лет.

В каждый из них рассчитывали привлечь около 10 000 переселенцев.

Бытовые блага в Фордландии, как и в АИК, тоже делились не поровну. Водопровод и прекрасный вид на простирающийся пейзаж были только в «американской деревне» – районе, где жили выписанные из Штатов специалисты, которые жили здесь с семьями. Большая же часть рабочих состояла из бразильцев и жила скромнее ниже по холму.

Финансовое фиаско – в Кузбассе из-за присоединения убыточных предприятий, а в Бразилии – каучуконосные деревья (гевеи) ни дали ни капли каучука: заболели и погибли.

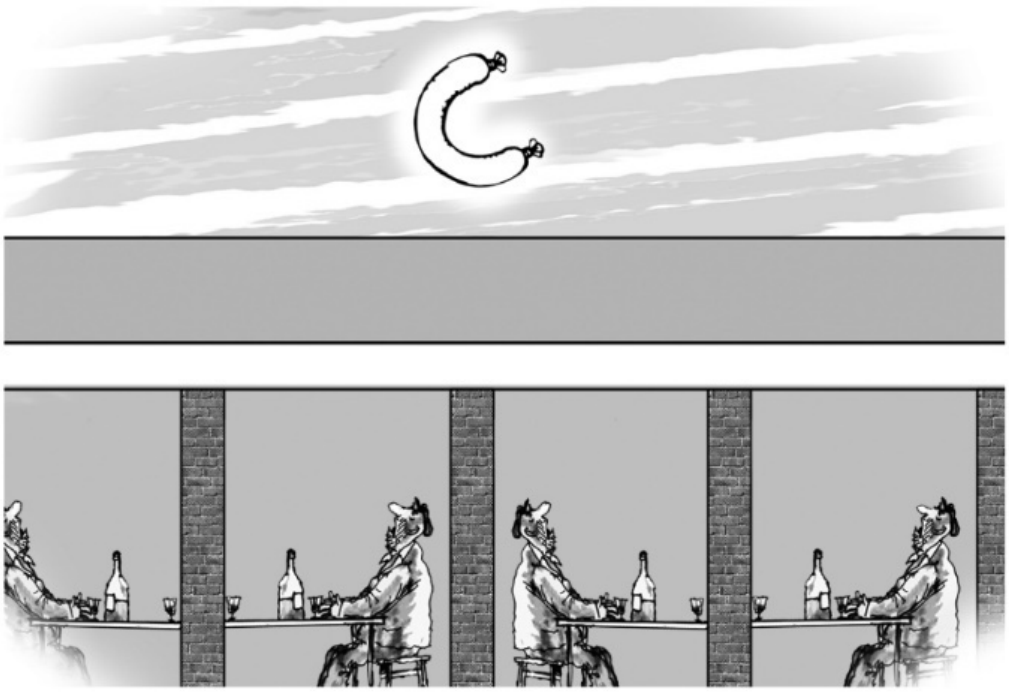
Вот ведь какие параллельные вселенные!

Дома-Колбасы

Вместе с Рутгерсом в Кемерово приехал и другой наивный романтик – Йоханнес Ван Лохем. В 1921 году ему уже 40 лет. Он известный в Голландии архитектор, у него признание клиентов и богатая «практика». По его проектам построено 25 вилл для состоятельных заказчиков, но душа просит «большого и настоящего дела». Скучно! Жить в бюргерском рае, где все ложатся спать в девять вечера, невмоготу. А в это время передовая мысль «заболела» органической архитектурой, согласно которой в основе проектирования зданий должна быть гармония между человеком и окружающей его природой.

В рамках «старого света», стеснённого и в деньгах, и в свободных землях, а главное – в желании реализовать эти идеи, развернуться с этим замыслом в полную силу проблематично. Масштаб не тот. Вот в России, где только что случилась пролетарская революция, – другое дело. Именно здесь возможно реализовать все новейшие градостроительные идеи на все сто. Солнце встаёт на востоке!

Ван Лохем спроектировал и построил для АИК много уникальных проектов, самые известные из которых – «дома-колбасы» и школа.

Жилые дома, построенные для специалистов АИК, получили народное название «дома-колбасы». Расположены близи ул. Абызова, 4. Сегодня такие жилища называют таунхаусами. Постройки сблокированы, чтобы у соседних домов была общая стена. Получились длинные, вытянутые секции. Сохранились два комплекса – на 22 и на 24 квартиры. Здесь впервые в Сибири была использована кладка кирпичных стен по системе Герарда: для улучшения теплоизоляции полые стены заполнялись шлаком. Это первые в городе дома европейского типа с коммунальными удобствами. Ван Лохем проектировал их для пролетариев из разных стран, приехавших в Сибирь строить коммунизм. Увлечённый социалистическими идеями, архитектор считал, что рабочий достоин жить в собственном доме с садом. Согласно официальной позиции, по нормам того времени на одного человека полагалось 2,5 м2 жилой площади. Фак-

тически же было гораздо меньше – около одного квадратного метра. А в этих домах – шик и роскошь: чуть ли не по 10 «квадратов» на человека.

Проектировались кемеровские «дома-колбасы» в соответствии с концепцией, популярной и сегодня: жить нужно в единении с природой, а не в изолированных квартирах многоэтажек. Однако ван Лохем был идеалистом, он считал, что если русские люди будут жить в его таунхаусах, то перестанут пить водку и начнут читать умные книги. Народу не понравились такие новшества! Вот что ван Лохем писал в одном из писем в Голландию: «(таунхаусы) вызвали большое сопротивление у рабочих, привыкших жить в отдельно стоящих лачугах и считающих цепь сомкнутых домов отвратительной».

Всего было разработано около 30 проектов домов разного типа. По его проектам или по их переработкам по всему Кузбассу было построено порядка 850 домов. Похожие дома-«колбасы» в 1930-е годы появились в Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком.

Школа ван Лохема

Редкий случай, когда памятник архитектуры в Кемерово действительно является объектом мирового значения. По той же причине – находится в плачевном состоянии.

Место на Красной горке, отведённое под школу, было самым высоким в районе, поэтому Ван Лохем счёл целесообразным вписать в центр здания водонапорную башню. Кстати, неподалёку размещалось пожарное депо, и бак был рассчитан таким образом, чтобы напора воды хватало для тушения любого пожара в районе.

Отношение к строительству и организации школ в России и Нидерландах в 20-е годы прошлого века сильно различалось. В Европе, например, возникло движение «школа под открытым небом», в которых занятия проводились на природе: учащиеся получали пользу физическую и умственную от чистого воздуха и солнечного света. А если строили, то продумывали всё до мелочей: инсоляцию, отопление, планировку и коммунальные удобства. В России было принято использовать для школы любое помещение, где была крыша.

Школа АИК спроектирована углом. Дело в том, что в Голландии таким образом строятся все школы. Классные комнаты имеют юго-западную и юго-восточную ориентацию – так, чтобы солнце было весь день. На северную сторону выходят коридоры. Окна огромные – 2 на 4 метра. В то время стекло выпускалось максимальным размером 60 на 60 сантиметров, поэтому окна имеют решётчатый вид. Ван Лохему запретили размещать внутри здания школы туалеты, хотя по проекту они планировались в конце коридоров.

Первоначально школа выглядела не так, как сейчас. Башня у школы была выше на 5,5 метра, в ней находился бак, который вмещал больше 150 тонн воды. Глядя на это деревянное здание, задаёшься вопросом, как оно может выдержать такой вес. Но дело в том, что внутри башни спрятан железобетонный каркас: это четыре колонны, которые сходятся наверху под углом 45 градусов, на них лежит монолитная тарелка с бортиками, а на тарелке стоял бак. Его демонтировали в 1960-е годы, когда провели центральное водоснабжение. Для того чтобы снять бак, разобрали башню, но восстанавливать её в первоначальном виде потом никто не стал.

В записках о посещении Щегловска в 1929 году нарком Луначарский особенно отмечает школу Ван Лохема: «… здесь я видел школу, какой давно уже не видел в пределах нашего Союза. Это фабрично-заводская семилетка, построенная из дикого камня, очень просторная и светлая. Она имеет значительное количество классов с большими окнами американского типа, с образцовыми столами и стульями вместо надоевших и отвратительных парт. Классы эти не отнесены к какой-нибудь определённой группе учеников, а оборудованы для соответственных предметов, т. е. строго проведена система кабинетов. Иные из этих кабинетов (например, физический) оборудованы вполне удовлетворительно, другие приближаются к этому удовлетворительному оборудованию. Школа располагает громадным гимнастическим залом, который может служить для всякого рода лекций, спектаклей и т. п. Школа (вот счастливые-то ребята!) работает в одну смену, и дети, таким образом, не подвергаются тому недопустимому, возмутительному систематическому отравлению, которому мы их подвергаем, благодаря нашей нищете во всех почти школьных зданиях. Поэтому и дети тут веселее, розовее, ярче блестят их глаза и как-то ярче и веселее их речи. Детишки горняков и рабочих химического завода очаровали меня своей непосредственностью и живостью. В течение нескольких минут они сумели приветствовать меня и по политической, и по культурной линии и рассказать мне о кабинетной системе, о коллективных заданиях, которые они разрешают, о многочисленных кружках, которые у них возникли».

Маша и Медведь

Вот такая хренотень в моей деревне каждый день!
Русская заветная поговорка
Местная страшилка
Деревня Осиновка, 20 км от Кемерово

Те немногие старожилы, которые ещё помнят эту историю, не любят её рассказывать, но если пристать к ним с вопросами, то вы услышите страшное повествование, которое раз и навсегда изменит ваше отношение к медведям.

Возле деревни Осиновка, которая стоит на самом краю Великого Леса (или тайги) всего в 20 км от Кемерово, в 50-е годы располагался леспромхоз. Пилили понемногу лес, выполняли план, трудились на благо отчизны. Хозяйство было небольшое, но слаженное. Бригадира за успешное выполнение показателей направили на повышение, а на его место прислали задиристого работягу из Мариинска. Коллектив принял его хорошо, как и подобает принимать всякое сверху поставленное начальство, но он начал по любому пустяку гнуть свою линию, чем настроил против себя всю бригаду. Руководство не выбирают: смирились и стали трудиться дальше.

Долгие годы работал в леспромхозе лесник – Иван Макарович Стрельцов. Лет ему было на тот момент уже за 50, но мужчина он был ладный, собой пригожий и рукастый. В жены он взял Марию Андрееву, которая была его лет на 20 младше. Когда она появилась, то в Осиновке судачили разное: дескать, что она из семьи репрессированных, потому за старого и пошла, а кто говорил, что порченная, но жить они стали ладно, вот люди и успокоились.

А ещё с ними жил медведь. Было ему уже лет пять. Как-то охотники пошли в тайгу и напоролись на медведицу с медвежонком – мать зачем-то убили, а медвежонка притащили на потеху в деревню. Иван Макарович, когда увидал такое глумление над детёнышем, в ярость пришёл неописуемую и отобрал его у обидчиков. Выходил, как дитя, да у себя и оставил. Жил он от деревни отдельно, как бы хутором, потому и мог позволить себе такие вольности. Собаки к мишке привыкли и стали почитать его за своего, а он далеко от двора не отходил, только с Иван Макаровичем на охоту, если что.

Медведь, как известно, – животное, силой обладающее могучей и умом наделённое щедро. Хитрая бестия. Не зря его называют «хозяином тайги». Промеж коренных народов вообще считается, что человек не божье творение, а произошел от медведя. Братом его величают и отцом. Всяк его в наших краях боится, но и уважает одновременно. Бывалые охотники – и те избегают в тайге с ним встречи, а уж если она и приключится, то здесь шансы почти поровну.

Иван Макарыч мишку своего никакими кликухами и прозвищами типа «топтыгин» или «косолапый» не называл, поскольку считал это непотребным, а если говорил о нём или обращался к нему, то просто – «медведь».

Жил они не богато, но хозяйство у них было крепкое: Мария была не только собой хороша, но и руками способная, а уж муж-то и тем более – хозяин знатный.

Деревенские сначала рот раскрывали, что, дескать, медведь скотину будет драть, да и ходить теперь по деревне небезопасно, но, видя, что характер у мишки на удивление добрый и незлобливый, поутихли, а со временем и совсем пообвыклись, и никто уже супротив такого соседства не возражал.

Новый бригадир, как появился, сразу заприметил Марию и стал при всяком удобном случае оказывать ей знаки внимания. Видимо, считал он, что Иван Макарович ей не ровня. Баба-то она и в самом деле была видная: щёки румяные, осанка статная, коса русая в пояс. С такой и генералу не стыдно бы в свет показаться, а тут нате – жена лесника. Повстречает он её как бы случайно на пути домой и давай предлагать: «Добрый день вам, Мария Ивановна, а вот сумочки-то ваши тяжёлые, давайте вам подмогу донести». Вроде как и просто дружеская помощь, но, как известно, просто так и прыщ на жопе не вскочит. Мария отвечала на эти подкаты холодно, но, чтобы не обижать человека, резко ему от ворот поворот не давала – всё-таки мужнин начальник.

А Семён Филькин, так звали этого бригадира, меры в своих желаниях не знал и задумал-таки заполучить себе желанное любым путём, а чтобы муж – т. е. Иван Макарович – под ногами не болтался, услать бы его куда подальше. Времена-то были уже после разоблачения «культа личности», и если бы раньше, то написал бы он куда надо какой надо донос, и решённое дело, а сейчас такие номера уже не проходили. Действовать нужно было с умом, да осторожно.

Договорился он в областной конторе, чтобы новые пилы выписали, и тут же вызывает к себе в вагончик Иван Макарыча:

– Иван, есть у меня для тебя важное поручение. Нужно съездить в командировку в Новосибирск да получить пилы для бригады.

– Семён Ильич, я же не по этой части. Как там с этими пройдохами на базах разговаривать, не обучен. Лучше уж ты кого другого пошли.

– Иван, де некого. Я бы и сам поехал, да вот что-то в боку третий день ломит – еле хожу. А пил новых не будет – план завалим. Выручай!

Делать нечего, собрался Иван Макарович и на следующий день уехал по поручению, а хитрая бестия бригадир тут как тут у его порога с букетиком и бутылкой сладкого муската:

– Мария Ивановна, день рождения у меня. Не окажете ли любезность составить мне компанию?

Делать нечего, пустила она его в дом.

Посидели немного, да выпроводила она его – сказалась больной головой.

Медведь за всем этим из-за стайки тихонько наблюдал, да звука никакого лишнего не издавал – только ушами шевелил.

Через три дня вернулся домой Иван Макарович радостный, с поручением исполненным. А медведь ему навстречу. Обнялись. И давай он ему что-то на ухо шептать да языком шершавым его вылизывать. Погрустнел хозяин и спрашивает у жены:

– А что, гости у нас были незваные?

– Да бригадир заходил вчера вечером. День рождения у него был, оказывается. А он здесь ни с кем не дружный. Вот и припёрся ко мне зачем-то.

– А ты?

– Ну не выгонять же его было, раз праздник такой у человека. Ну пустила. Отметили чуток, да выпроводила его по-быстрому.

Иван Макарыч крякнул, мотнул головой, но больше тему не поднимал.

Время идёт, а Семёну пуще прочего охота залезть Марии под юбки. Вот и думает он, как бы спровадить ещё раз куда-нибудь подальше мужа. А тут и случай подвернулся – в Красноярске объявили конкурс на лучшего лесника со всякими ихними соревнованиями для рукастых: изготовление деляночного столба, искусственных гнездовий, тушение условного пожара да посадки саженцев. Вызывает он к себе Иван Макаровича и говорит:

– Иван, тут дело такое важное нарисовалось. В Красноярске конкурс на лучшего лесника по Сибири организовали. Считаю, тебе надо участвовать. Ты же лучший, я тебя знаю!

– Семён, да зачем мне это?

– Иван, ты что, не советский человек? Тебе, может, и не надо, а для коллектива – важно! Премия, показатели. Собирайся. Через два дня едешь.

Ну что делать: если для коллектива, то надо ехать. И уехал он на цельную аж неделю.

А хряк бесстыжий, бригадир, тут как тут у его крыльца и нате соловьём заливаться про душу-то его одинокую, никем не понятую, да жизнь его тяжёлую холостяцкую. И так каждый вечер. Мария его в дом уже не пускает, а на крылечке с ним беседует, чтобы компроментаций никаких не было. Медведь за всем этим непотребством из-за угла в полглаза наблюдает да сопит недовольно, ноздри, как желваки у человека, ходят.

Прошла неделя. Вернулся хозяин с почётной грамотой, место занял он там какое-то высокое. Мишенька к нему со всех лап. Обнялись, и давай он ему на ухо всё излагать в подробно-

стях. Пуще прежнего Иван Макарович закручинился, да опять разговор начинает нелюбый с женой своей ненаглядной:

– Марьюшка, а что, опять бригадир приходил?

– Мимо шёл да заглянул пару раз. Но внутрь я его не пущала, как ты и учил. Так, на крылечке беседовали. Говорит, надо мне работу искать хорошую, вот он меня политической грамоте и обучал – все новости, которые знал, мне пересказывал, да как на вопросы мудрёные отвечать, если что, подсказывал. Может и правду мне, Ванечка, занятие подыскать денежное, а то годы идут, а я всё дома да дома.

– Ладно, после поговорим.

И опять завершил разговор Иван Макарыч, чтобы ссоры на пустом месте не раздувать. Живут дальше, как будто бы ничего и не было.

А у бригадира елдак прям дымится, чисто пар от него идёт. Днём и ночью только об одном и думает, как бы оседлать жену пригожую, да некстати чужую. Неделю целую ходил и думал, как бы спровадить бы мужа в края далёкие да на подольше. И вот случай угораздился подходящий – пришла разнарядка на обучение передовым методам ведения лесного хозяйства с командировкой ажно во Владивосток, да на целых два месяца. Как увидал он это бумажку, аж подпрыгнул от удовольствия и сразу гонца послал за Иван Макарычем:

– Иван, тут такое дело – надо тебе во Владивосток съездить на обучение.

– Я же только что из Красноярска. Совесть имей!

– А кого я ещё пошлю? Вечно у тебя личное идёт поперёд общественного! Одумайся! У тебя вот и грамота почётная, и хозяйство образцовое, а мыслишь ты как частник заскорузлый, не по-государственному. Вот сам посуди – ты у меня лучший работник. Партия в таких, как ты, вон каки силы да деньжищи вкладывает, чтобы знаний дать вам, дуракам, новых, а ты отказываешься! Не хорошо это, не по-нашему – не по-коммунистически…

– Ладно, когда ехать?

– Да хоть завтра!

Собрался по-быстрому, с Марией попрощался скупо, коротко, с медведем обнялся дюже крепко, по-товарищески, и был таков.

На следующий день бригадир опять у крыльца Марии с букетом пышным, а сам нарядный, при галстуке:

– Мария Ивановна, позвольте вам от всей души презент.

– Ой, да не надо.

– Обидеть хотите, а я ведь хотел вам от всей души …

Постояли, поговорили, а потом бригадир засобирался домой и, быстро попрощавшись, пошел к околице, да не дошёл. Ойкнул, присел и как застонет:

– Нога! У-у-у-у! Ногу подвернул.

Ну, Мария к нему кинулась, притворцу, а как не помочь человеку, если у него горе приключилось такое недужное. Попробовала его поставить на ноги, а он вопит, как змеёй ужаленный:

– Ой, ступить не могу. Боль резкая, невыносимая.

Так, опершись на её плечо, он до хаты и доковылял. Вошли внутрь, а медведь за всем этим представлением смотрит пристально и сопит уже совсем не по-доброму.

Усадила она его на лавку. Сняли сапог, размотали портянку. Сидит он охает, а сам всё по сторонам оглядывается да жарким взглядом к хозяйке примеривается. Тут дверь распахивается, и на пороге объявляется нежданный хозяин – Иван Макарович:

– Семён, ты что здесь делаешь?

– Да вот, мимо проходил и ногу подвернул. А ты, что не уехал?

– Убирайся вон из моего дома, – с этими словами сгрёб он бригадира и вышвырнул его на улицу, и нога прошла сразу волшебным образом.

– Ты что творишь, я с тобой разберусь!

Изменился лицом Иван Макарович и отвечает ему не зло, а так с усмешкою:

– Разберёшься? Хорошо. Завтра дуэль. Стреляемся на ружьях. Не зассышь?

– Какая дуэль, ты что спятил?

– Честная. Честная дуэль. А не придёшь, не быть тебе больше бригадиром. Всякий будет знать, что ты ссыкло трусливое и слово твоё гроша не стоит ломанного.

Мария к Ивану кидается, пытается его успокоить, а медведь её удерживает – дескать, не суйся баба, когда мужики разговаривают по серьёзному.

Назавтра прислал Иван Макарович к нему секунданта – лесоруба Кузьму Пронина и обозначил место и время, где и будет проведена дуэль.

Стреляться условились с 50 шагов. Зарядили ружья жаканами. Первому по правилам полагалось стрелять Семёну. Встали они в позицию. Бригадир прицелился, и был уже готов прозвучать выстрел, как выбежала из лесу Мария и кинулась к ним. Встала промежду них и как заголосит:

– Что ж вы придумали, окаянные! В мирное время, да стреляться. Прекратите немедленно!

– Уйди, Мария. Это дело чести. Только один из нас должен остаться в живых, – попытался урезонить её Иван.

– Нет! Не допущу! – в этот момент палец Семёна случайно нажал на спусковой крючок, и прогремел выстрел. Мария медленно осела, а на белой её блузе расплылось красное пятно.

Иван бросился к жене, а Семён в недоумении от произошедшего растерянно опустил ружьё.

Между тем медведь, который тихо сидел всё это время на краю поляны, буквально в два прыжка настиг Семёна и в один момент оторвал ему голову. Секунданты, видя сей ужас, в панике бросились прочь. А мишка, издав страшный рык, спокойно сел рядом с обезглавленным телом, из рваной шеи которого затухающими пульсациями продолжала вытекать дурная кровь.

Иван Макарович опустился на землю рядом с ним и держал на руках Марию, которая погибла мгновенно – пуля попала прямо в сердце.

Мужики-секунданты, когда добежали до деревни, от ужаса сначала толком не могли рассказать, что произошло, а когда пришли в себя и поведали о страшной дуэли, то односельчане послали в село Елыкаево за участковым – своего-то им не полагалось. Участковый приехал где-то через час. Осмотрел место дуэли. Труп бригадира лежал на том же самом месте, где он и упал, а голова, оторванная страшным по силе ударом, отлетела аж на семь метров. А тела Марии нигде не было. Пошёл милиционер арестовывать медведя и Иван Макаровича, да только пусто было в доме лесника. Не нашел он там ни хозяина дома, ни хозяина тайги. Спешно собрались подельники и ушли в лес. Тело несчастной Марии забрали с собой. Больше их никто никогда не видел.

Об этом инциденте газета «Кузбасс» опубликовала короткую заметку: «Случай на охоте», в которой написали, что 25 июля 1958 г. трагически погиб на охоте бригадир леспромхоза №56 Семён Ильич Филькин. Родным и близким соболезнования. Про Марию – ни слова. И всё.

Родных у него не оказалось, или никто не проявил интересу к событию его смерти. Селяне наотрез отказались забирать труп для похорон. Какое-то время провалялся он в морге, а потом закопали его за казённый счет в безымянной могиле. Собаке – собачья смерть. Хотя почему так говорится и при чём тут эти благородные животные, я не знаю.

Борзые щенки

Звонок в КГБ:
– Скажите, к вам мой попугай не залетал?
– ???
– Если залетит, заранее заявляю: я его политических убеждений не разделяю.

Университет, пр. Советский, 73

Кемеровский государственный университет основан в 1953 как пединститут. В 1974 преобразован в университет. 1 февраля 2018 года в его состав вошёл Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, именуемый в народе «кулинарный техникум».

1986 год. В жизни неожиданно стало происходить столько интересного! Журнал «Огонёк» вдруг стал походить на «Посев»[32]. Каждый его новый номер нёс такие открытия, что «страшно» было читать. Страшно интересно! А «Московские новости»? «Такое» публиковали! Уже само их название стало говорящим: «Московские (!) новости». И всё это в твоём личном почтовом ящике в подъезде, а не через вой глушилок по ночам с голосов. Бывало, крутишь ручку КВ-приёмника и ищешь «Голос Америки» или «Радио Свобода», чтобы несколько минут послушать новости «оттуда» а где-то в другом месте сидит сотрудник КГБ и тоже их ищет, чтобы включить на этой частоте радио-помеху, которая будет поверх диктора стонать: «У-у-у-у..». «Вражеские голоса» теперь сами бегом бежали к почтовому ящику и поражались от того, что читали в наших газетах.

Преподаватели на истфаке в университете учили «новую» историю по газетам и журналам вместе с нами, а вот преподавали пока старую. Команды «кругом, марш!» им ещё не поступало.

Оказывается, в нашей недолгой советской истории были не только пятилетки за три года и «Решения съезда КПСС в жизнь! Ура! Кура, товарищи!», но и 37-й год, а потом 39-й и неизвестная финская война, про которую учебники истории вообще молчали. «Никогда такого не было, и вот опять.»[33]

«Взгляд» крутил в вечерний прайм «нашенские» (!) музыкальные клипы, где поезд в огне вёз полковника Васина и Гребенщикова на фронт, а у Цоя выступила группа крови на рукаве. Даже в «вялом» Кемерово появились панки-металлисты и прочая хиппуха.

Да, живя в ритме страны, уже на первом курсе я начал пропускать занятия. А почему? На историческом факультете кемеровского университета возник «очаг свободомыслия» – студенческая экологическая группа.

Студенты в те времена были сливками молодёжи страны, которая не только «в области балета впереди планеты всей». Из вчерашних школьников система отбирала самых толковых, а конкурс, например, на истфак КемГУ составлял семь человек на место. И никаких дублей документов в пять вузов, как сейчас. Решил куда подать – и всё. Недобрал баллов – армия для

[32] «Посев» – западногерманское русскоязычное издательство, основанное в 1946 году как журнал для «перемещённых лиц». В советской пропаганде стало синонимом антисоветизма и подрывной деятельности против СССР. Любые контакты с ним, а хуже того – публикация в «Посеве» для советского писателя означали «волчий билет» на Родине навсегда.

[33] «Никогда такого не было, и вот опять» – один из многих бессмертных перлов Виктора Черномырдина, председателя Правительства России с 1992 по 1998 годы. По силе своей прямоты многие из них до сих пор остаются непревзойдёнными:– На ноги встанем – на другое ляжем.– Здесь вам не тут!– Будем отстаивать это, чтобы этого не допустить.– Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

мальчиков, гардероб для девочек. Мысль о таком кощунстве, как платное высшее образование, даже не приходила никому в голову. Конечно, там у них, на Западе, где «человек человеку – волк», всё только так и делается – за деньги, но мы выше этого.

Пройдя тщательный отбор приёмной комиссии и придя в вуз, «светлые головы» попадали в то же самое совковое «болото», что и в школе, только оценки ставились уже не в дневник, а в зачётку. Первокурсниками в вузе никто особо не интересовался. Требовалось только одно – аккуратно ходить на лекции и семинары. Все как бы студенческие институции – студсовет, студклуб, совет факультета – были административными пристройками для карьеристов при деканатах.

Что такое исторический факультет? Давайте поподробнее. Вы думаете, туда шли с мечтой стать учителем истории в средней школе? Конечно, нет. Это был первый и важный трамплин для прыжка в профессиональную лигу комсомола, партии, КГБ или, на худой конец, для того чтобы стать лектором в обществе «Знание»[34]. Посмотрите на биографии нынешних управленцев высокого уровня в Администрации Кемеровской области – истфаковцы через одного.

И я шёл туда с теми же целями, но, глядя на идейно выдержанные лица старшекурсников, которые старательно выстраивали своё будущее «в системе» – «камень на камень, кирпич на кирпич…», – я испытывал страшную тоску.

«Давай пошалим сейчас, а?» – как говорил великий Карлсон.

Ситуация лежала на поверхности. В Кемерово в те годы через день был такой смог, что, выходя на улицу, мы не видели вперёд на два метра, а дышать можно было «условно». Тот воздух, которым мы дышим сейчас, – это просто Альпы по сравнению с тем «парным молоком». Точно вам говорю!

И таких романтиков, как я, нашлось ещё. Из моих одногруппников сколотилась небольшая группа, которая активно включились в экологическую тему. В то время, в эпоху перестройки, стало модно через газеты проявлять открытость и доступность информации о загрязнении окружающей среды для населения. «Вот, пожалуйста, читайте. Мы ничего не скрываем!» Все показатели измерялись в ПДК – предельно допустимой концентрации «чего-то очень вредного». Злые шутники расшифровывали это как «падёж дохлых кемеровчан». По разным параметрам газеты публиковали ПДК за прошедшие сутки. Значения показателей «по газетам» колебались от 0,9 до 1,05. То есть населению давали понять, что ничего страшного не происходит – жить можно. А ты выходишь на улицу, попадаешь в эту взвесь, в белый кисель, и думаешь: «Либо вы всё врёте, братцы, либо датчики у вас запотели!»

Мы начали с того, что пошли в организации, которые занимались взятием проб, представились как студенческая экологическая группа и попросили включить нас в состав комиссии по сбору образцов воздуха и воды. А почему бы и нет? Конечно, нас вежливо проводили до выхода. Но остановить нас это уже не могло. Мы бурлили идеями, писали манифесты, призывы, листовки, куда-то постоянно ходили, чего-то требовали и вели себя не нагло, но подозрительно настойчиво. Естественно, информация о том, что у историков на первом курсе завелась «какая-то гадость», быстро попала «куда надо». А всё самоорганизующееся, созданное не по приказу деканата, даже кружок по вышиванию крестиком, всегда пугало власть, хотя никакой «политики» в наших головах не было и в помине.

Это общее дело настолько нас увлекло, что к нам подтянулись студенты из других факультетов и вузов: медики, биологи. Это была настоящая студенческая жизнь. И я был в центре этой карусели.

[34] Общество «Знание» – учреждённое в 1947 году Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. В совке быть лектором общества «Знание» означало «ни за что не отвечать и получать неплохую зарплату».

В начале февраля стало известно, что отменили военную бронь – отсрочку для студентов-очников – и я пойду служить в Красную Армию с весенним призывом. Поводов откосить по здоровью у меня не было. Вместе с другими студентами-призывниками я начал уже в феврале досрочно сдавать летнюю сессию. Вот такие были нестандартные времена.

Экологические дела ушли на второй план.

Наступил март, и я попал в кемеровскую вертолётную школу на казарму. Здесь в моде были шинель, сапоги и марши по плацу под военные песни:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор.

Я потерял своих «экологов» из виду. Большинство из них были общаговскими – им даже не позвонить. В конце апреля мы приняли присягу, и «на майские» я получил свою первую увольнительную в город.

1 мая – прекрасный солнечный день. Почти лето. Я надел шикарное финское кожаное пальто «три слона», которое висело на мне, как на вешалке, и пошёл на демонстрацию, чтобы повидаться со своими одногруппниками.

Каково же было моё удивление, когда я увидел, что наша экологическая группа не погибла, а, напротив, расширилась. Появились новые лица. Ребята наделали какие-то небольшие транспаранты с совсем не политическими призывами типа: «Чистый воздух!», «Дышать не через раз!» и т. д.

Это была такая радость: 1 мая, солнце, прекрасные лица студентов вокруг, мои товарищи с самодельными плакатами. Мы шли в общей колонне университета в составе нашего факультета. Организация демонстрации была сложным процессом. На площади театра Драмы партийцы-дежурные формировали очерёдность прохождения колонн по Советскому проспекту и их выход на площадь Советов. Хвосты ожидающих тянулись по Весенней и по всему Советскому вплоть до Кузнецкого. Своей очереди мы ждали очень долго. Обычно университет шёл в середине демонстрации, после крупных промышленных предприятий, а завершали её какие-нибудь мелкосошные филиалы отраслевых учреждений. А в этот раз нас всё отодвигали и отодвигали. Чудеса! Наконец-то последними и закрывающими демонстрацию двинулись и мы. Идёт главный вуз Кемерово – университет!

Кстати, первомайские лозунги назывались «Призывы ЦК КПСС к 1 мая» и публиковались в центральных и местных газетах за несколько дней до демонстрации, чтобы трудящиеся могли заранее ознакомиться с ними и осмысленно прокричать стоящим на трибуне партийным руководителям ответное: «Ура! Ура!»

Плакатов «за чистое небо» мы не скрывали. Стояли с ними демонстративно открыто, ведь ничего плохого на них написано не было, а напротив – экология касалась всех и каждого.

И тут же к нашей «зелёной» группе бодро подбегает наш любимый декан и так по-отечески, с улыбкой говорит:

– Ну что вы тут стоите с этими вашими актуальными лозунгами среди этих всех надоевших «Мир. Труд. Май»? Вас же тут никто даже и не заметит. Ребята, вы лучше идите в конце колонны факультета – там группой и пройдёте, – и быстро убегает по своим делам куда-то дальше. Он же, как Ленин, один на всех. «Хорошо!» – мы послушно идём в конец колонны факультета.

– Советские люди! Объединим усилия для созидания гуманного, демократического социализма! – доносится с площади. – Ура, товарищи!

– Ура! Ура!

Колонна опять чуть продвинулась до краеведческого музея, а к нам подходит уже кто-то незнакомый из ректората с красной повязкой «дежурный» на рукаве и без эмоций в голосе указывает:

– Идите в конец колонны университета – вы будете замыкающими, – мы опять послушно сдвигаемся назад.

А в это время на площадь Советов уходят другие вузы.

– Народы Земли! Умножим усилия для решения общих проблем человечества! – призывает диктор. – Ура, товарищи!

– Ура!

На какие-то призывы демонстранты откликались однократным ура, а на другие – двойным или даже тройным. Это было отдано на волю народа.

Ну вот, двинулся и университет – доходим до «Льдинки». К нам опять гонец – уже какой-то совсем неприметный человек, которого никогда не вспомнишь: штатское лицо нейтральной наружности без опознавательной повязки:

– Выйдите из колонны университета и идите отдельной группой, – и испаряется.

Ну что ж, пожалуйста, если это так важно…

– Юноши и девушки! Активно участвуйте в труде, овладевайте знаниями. Учитесь управлять государством! В ваших руках будущее Отечества! – почти что к нам обращается голос из громкоговорителя. – Ура, товарищи!

– Ура! Ура!

Идём самые последние – «как три тополя на Плющихе»[35]. Закрываем первомайскую демонстрацию. Это уже даже почётно: мы – отдельная колонна из десяти человек. Распорядитель отдалил нас от конца университетской аж на десять метров: «Чтобы никто даже не подумал, что эти охламоны имеют какое-то к нему отношение».

– Да здравствует 1 мая – день международной солидарности трудящихся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Ура, товарищи!

– Ура!

Сейчас и мы выйдем на площадь, и нам тоже кинут призыв, и мы дружно ответим: «Ура!»

При выходе на площадь Советов, на перекрёстке с улицей 50-летия Октября, когда мы были уже в считанных метрах от цели, перед нами бегом разворачивается цепь бойцов внутренних войск. Они перегораживают вход на площадь и отсекают нас от хвоста колонны университета. Какой-то военный в зелёнке подходит к нашей сопливой кучке и строго приказывает:

– Демонстрация закончена. Разойдитесь!

Какое-то время мы в удивлении стоим на этом «пятачке» и не понимаем, что же произошло? Между тем твёрдым размашистым шагом с перекошенным от злости лицом к нам приближается ректор университета. Я наивно думал, что сейчас он разберётся с этим зелёным дядькой и восстановит справедливость.

– Вы опозорили честь университета! – прорычал нам ректор, брызгая слюной, так же резко, как и пришёл, развернулся и ушёл прочь. Говорят, потом его вместе с женой поймала ФСБ на крупных аферах при зачислении студентов, но разве это можно назвать «позором университета»?

Разошлись, посмеялись. Времена были уже «вегетарианские» – из вуза никого не отчислили.

Осенью, когда я вернулся в город с казармы, я уже не был студентом, и для восстановления мне нужно было искать работу и получать трудовой стаж. А на моей работе было не до баловства: бери больше – кидай дальше. В издательстве «Кузбасс» я кидал «газету», кото-

[35] «Три тополя на Плющихе» – шикарное кино 60-х. Но фраза вошла в культ как проходная реплика Хмыря из «Джентльменов удачи». Означает «быть на виду, привлекать всеобщее внимание».

рая каждый день рассказывала кемеровчанам и всей области «про Воркуту, и Магадан, и Сталина-убийцу».

Экологическая группа растворилась в новых бурных временах.

Докатились – Nazareth!

– К сожалению, вам осталось жить три минуты. Что я могу для вас сделать?
– Доктор, поставьте, пожалуйста, «Love Hurts».
– Но она звучит четыре…
Голос свыше:
– Да можно!

Дворец культуры «Содружество», посёлок Кедровка (25 км от Кемерово)

Сдан в эксплуатацию в августе 1977 года. При открытии получил название «Дворец культуры им. 60-летия Октября» угольного разреза «Кедровский». С 2011 года ДК получил статус Муниципального автономного учреждения Дворец культуры «Содружество».

Кедровская «греческая деревня» (посёлок строился подрядчиками из Греции) в 90-е была на недосягаемом уровне элитности для кемеровчан, сравнимом с самой Грецией, но должного развития не получила и со временем превратилась просто в далёкий пригород без былого лоска.

Перед тем, как Вы окунётесь в эту невероятную историю, подчеркну, что действие происходит в феврале месяце!

Итак, рассказывает Peter:

– Эту историю надо рассказать, потому что её участники стали о ней забывать, а другие не верят. Но это было, я сам очевидец и даже участник произошедшего. Дело было в 1998 году. Речь идёт о гастролях в сибирском городе Кемерово всемирно известной рок-группы Nazareth. В это трудно поверить, но это было!

Внутренней кухни я толком не знаю, но всё началось с того, что некий молодой человек родом из Кемерово начал чего-то там делать в шоу-бизнесе в Москве. Хотя был он, по слухам, и молод, но смог притащить пару неплохих групп в наш Кемерово. В частности, это была суперизвестная в 70-е годы группа Uriah Heep. Кто знает, тот поймёт, а кто не знает, пусть поверит, что для тех, кто слушал рок в 70-х, это было осуществлением несбыточной мечты. Кстати, меня порадовало и то, что на эти концерты приходило немало тинов (то есть тинейджеров), которые оценили их музыку по достоинству. Я из этого сделал вывод, что они слушают всякую херню не потому, что у них испорченный вкус, а потому, что нет хорошей музыки!

Но этот молодой организатор гастролей действовал несколько странным образом: он привозил группу и ставил местных держателей концертных площадок перед фактом. Дескать, вот приезжают, давайте сцену, сборы будут и т. п. Но в нашем полумиллионном Кемерово площадок для порядочной рок-группы – две, максимум три. Парень, видимо, думал, что раз он везёт сюда крутые группы, то здесь все будут немедленно идти навстречу его смелым замыслам. Но как старожил я знаю, что половина людей, которые «рулят» площадками в городе, – это братва, которая любит песни про Мурку и Таганку. А вторая половина распорядителей – старая номенклатура, которая плачет от звуков «Интернационала» и встает на цыпочки под «Союз нерушимый…». Им эти рок-группы – до глубокой жопы.

Короче, в феврале 1998 года появляются в городе два вида информации. Одна: «Скоро: к нам Nazareth, только один концерт!», а вторая: «В ответ на распускаемые слухи о гастролях – ничего не известно! Не поддавайтесь на провокации!» Организаторы опять пытались всех поставить перед фактом, а местные держатели сцен решили поставить наглецов на место – ишь, знаменитостей без спросу приглашают!

Пришёл день концерта. Я с утра поехал в местный концертно-спортивный сарай (ныне ТЦ «Лапландия» – С. К.), дабы выяснить, будет что-то или нет. Вижу – стоят несколько трейлеров, видимо, с аппаратурой, и пара хмурых ребят из обслуги. Они поведали, что площадку не дают: ни в спортивно-концертном комплексе, ни в филармонии, ни в одном из двух театров, ни в цирке. Не дают даже во вшивых кемеровских ДК! Я выматерился: ну, организаторы, конечно, козлы, что не подготовили площадку, но понимать-то надо – это же Nazareth! Короче, к концу дня стало известно: концерт состоится в ДК посёлка Кедровка, что в 25 км от Кемерово! Это был полный шок – Nazareth в сельском клубе!

Из центра города были организованы автобусы, дабы все желающие могли оказаться в этой самой Кедровке. Но поехали две категории людей – это отвязанные тины и старые рокеры,

которые добирались в основном на своих тачках. Первоначально народу было под тысячу человек. Можете себе представить, как содрогнулся десятитысячный посёлок, когда туда припёрлась такая толпа. Начало было назначено на 19 часов. Но концерт не начался ни в 20, ни в 21, ни даже в 22 часа. Всё это время монтировалась аппаратура. Представляете, запихать в зал сельского клуба на 400 человек стадионную звуко- и цветоаппаратуру! Позже стало известно, что их лидер Дэн Маккаферти, упрямый шотландский мужик, сказал: «Если я сюда приехал, то я здесь сыграю!» Концерт начался в 23:40. Всё это время народ стоял на улице и ждал. На дворе февраль. Два поселковых бара были оккупированы, и оттуда три раза гоняли машины в Кемерово за водкой и пивом. Ну не готова была Кедровка к такому аншлагу!

Короче, началось. В зале полно милиции. К концерту, правда, осталось человек 600, остальные не выдержали и отвалили. Я стоял сзади у самого режиссёрского пульта, и мы с женой видели: звуковая команда радовалась до слёз тому, как они настроили аппаратуру. Было в самый раз: громко, но не оглушительно. И ДК при этом не рухнул, и чувствовалось, что играют рок. Что было дальше – описать трудно. Оставшаяся публика, подогревавшаяся пять часов в барах, взревела, как стадион. Менты пытались успокоить всех и усадить по креслам, но куда там… Интересно вели себя местные жители, на халяву набившиеся в зал. Часть вылетела из зала при первых звуках такой музыки, но оставшиеся меня потрясли. Они оценили и включились в атмосферу крутого рок-концерта! Запомнился один ментовский полковник, который «честно» пытался навести порядок и делал это до тех пор, пока не увидел, как в проходе отплясывает бабка лет шестидесяти, по виду сущая уборщица. Он посмотрел на неё, махнул рукой и ушёл из зала. Ещё раз повторюсь: хорошую музыку оценит любой, кто дружит с головой, – и тинейджер, и пенсионерка. Короче, отыграл Nazareth свои два часа на все сто!

На дворе два часа ночи, похолодало, а надо сказать, наша пятнадцатилетняя дочь тоже поехала на концерт, только в рамках своей тиновской тусовки. Выцепили мы её из толпы, забили под завязку свою машину её друганами и подружками, повезли их в Кемерово и ещё час развозили всех по ночному городу. Но потом мне рассказали, что сразу после концерта состоялась пресс-конференция, на которой могли присутствовать все желающие. Конференция переросла в пьянку с артистами и их командой. Закончилось всё это часов в восемь утра. Жаль, что меня там не было…

И ещё одна деталь. После концерта на выходе возле сцены долго блажил какой-то рокер местного разлива: «Ничего себе! Я ж в этом ДК на смотре самодеятельности играл прошлым летом. Я ж на одной сцене с Назаретом играл!»

Михайло Волков – даром!

– Папа, а кому этот памятник установлен?
– М-м-м, пока Петру Первому, сынок. А там видно будет…

Площадь Волкова

Открытие памятника Михайле Волкову приурочили ко Дню шахтёра – 23 августа 1968 года. В 1974 году, согласно Постановлению Совета Министров СССР, он стал объектом республиканского (сейчас – федерального) значения. Парадоксально, но самый народный исторический герой Кузбасса долгие годы не мог найти себе место в городе. Ходили слухи, что партийных кураторов не устраивал «недостаточный уровень марксистко-ленинского историзма» скульптуры.

Автор – Георгий Николаевич Баранов; родился в 1917 году в посёлке Берёзово Кемеровской области. Член Союза художников СССР с 1957 года.

Заказ на памятник он получил в 1947-м, а передал в дар городу в 1968 г.

Глава 1

– Интересная тема, Георгий, – похвалил молодого художника начальник кемеровских мастерских «Палитра» Пал Палыч Губкин, рассматривая его карандашные наброски с бородатыми мужиками в крестьянских рубахах до колен. У одного из них в руках было кайло. Другой «прислушивался» к земле.

– Вот этот особенно хорош: руки рабочие, взгляд цепкий, пытливый такой. Сразу видно – рудознатец. Хорошо ты схватил его характер! – Георгий смутился от такой лестной оценки начальника.

– Ты эту тему не бросай, Михайло Волков наверняка к какому-нибудь празднику понадобится, а у тебя – уже всё готово.

– Да мне это без выгоды интересно! Откуда пошли эти рудознатцы? Как жили? – начал оправдываться художник.

– Ну, знаешь, когда интерес подкрепляется хорошим заказом, это никому ещё никогда не вредило, – рассмеялся Пал Палыч.

– Только Михайло Волков мог стать первооткрывателем кузнецкого угля, а не какой-то засранец Мессершмидт, который весь Кузбасс обосрал, заявив, что это он уголь нашёл! А на самом деле уголь нашёл Волков, который твёрдо верил в пророческие слова Ломоносова о том, что «могущество России прирастать будет Сибирью», – громил с кемеровской трибуны чуждые идеологические элементы темпераментный сотрудник из Общества по распространению политических знаний тов. Оречкин.

Он не случайно назвал немецкого учёного, посланного самим великим Петром на изучение Сибири, «засранцем». Среди ответственных лиц прошёл «проверенный» слух о том, что на встрече Сталина с советскими писателями вождь советского народа иронично сказал: «У Петра (Петра I) были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период поклонения перед ними. Сначала немцы, потом французы. Было преклонение перед иностранцами… засранцами». В последствии это подтвердит и опишет в своих мемуарах реальный участник этого совещания – Константин Симонов.

На местах установку поняли правильно и пошли воплощать в жизнь. В Кузбассе закрутилась история за «возвращение к истокам»: откуда же пошла Земля Кузнецкая? В этой кампании вдвойне не повезло географу и картографу Даниэлю Мессершмидту. По несчастливой случайности, он оказался не только немцем, но и однофамильцем Вилли Мессершмидта, фирма которого была главным производителем немецких самолётов-истребителей и бомбардировщиков в недавней войне. В СССР широко распространённая в Германии фамилия стала символом страха и ужаса бомбёжек.

И вскоре, уже на другом собрании, трудящиеся подхватили заданную повестку дня:

– Товарищи, поставим вопрос так: почему у нас в столице Кузбасса до сих пор нет памятника настоящему первооткрывателю кузнецкого угля – Михайле Волкову? – вопрошал с трибуны очередной оратор, раскрасневшийся от переполнявшего его негодования. – Как считаете, товарищи, настало время? Я думаю, что выражу коллективное мнение, если подытожу – да! И да! Памятнику Волкову в Кемерово – быть!

– Давайте запишем в решении собрания нашу инициативу – ходатайствовать в горкоме об установке памятника, – добавил председатель с круглым рябым лицом, сидевший за столом с ярко-красной кумачовой скатертью.

– Да, правильно! Давно пора! – из зала понеслись возгласы одобрения.

– И знаете, товарищи, было бы правильно поручить сваять этот памятник нашему местному мастеру, а то некоторые думают, будто в Кузбассе своих талантов нет. Есть! Найдём! Покажем Москве, на что мы способны!

– Да, правильно! – зал зааплодировал.

– Я знаю такого, – поднялся со стула худой белобрысый парень лет двадцати. – Гоша Баранов. Он Волкова давно рисует и с глиной работает.

– Вот видите, товарищи, главное – правильно и вовремя поставить задачу! Внесите в протокол: ходатайствовать перед горкомом о привлечении товарища Баранова к делу устройства памятника рудознатцу Михайле Волкову в Кемерово! – закрыл вопрос председатель.

Через неделю Георгия Баранова, ничего не знавшего о его выдвижении в надежду Кузбасса, вызвали в горком партии на бюро. На серой бумажке повестки стояло только скупая запись: «т. Г. Баранову явиться 25 сентября 1947 г. на бюро горкома ВКП(б)». Сколько он всего за эти дни до указанной на извещении даты передумал: «Зачем меня вызывают? Я ведь беспартийный. Если что и сделал не так, то совсем в другое место бы забрали, а тут в горком!»

Георгий действительно был «маленький» советский человек – художник-самоучка. Ничего хорошего ему этот вызов не предвещал.

– Здравствуйте, товарищ Баранов, – секретарь горкома тов. Блошкин посмотрел на Гошу с интересом и благожелательно.

«Значит, ничего страшного не натворил», – с облегчением выдохнул Гоша накопившиеся за эти дни страхи.

– Собрание трудящихся порекомендовало вас для создания памятника несправедливо забытому герою Кузнецкого края – Михайле Волкову. Справитесь? К тридцатипятилетию Октября (1952 – С. К.) успеете? Вы же, кстати, тоже ровесник революции? Вот, будет у вас двойной праздник, – закруглил ответственный партиец.

– Мы собрали о вас мнения товарищей по работе – вас характеризуют как ответственного и вдумчивого сотрудника, – лысый член бюро в золотом пенсне оценивающе окинул Гошу взглядом с головы до ног, словно прикидывая, можно ли дать ему в долг сто рублей до получки.

– Не знаю… Я же нигде этому не учился. Попробовать, конечно, можно…

– Что значит попробовать? Если вам люди доверяют, значит, нужно засучить рукава и работать, работать! А мы – поможем, – секретарь горкома поставил в разговоре жирную точку, как сплюнул на пол. Когда ошеломлённый художник вышел из зала, кто-то из отдела культуры наклонился к секретарю и тихо сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.